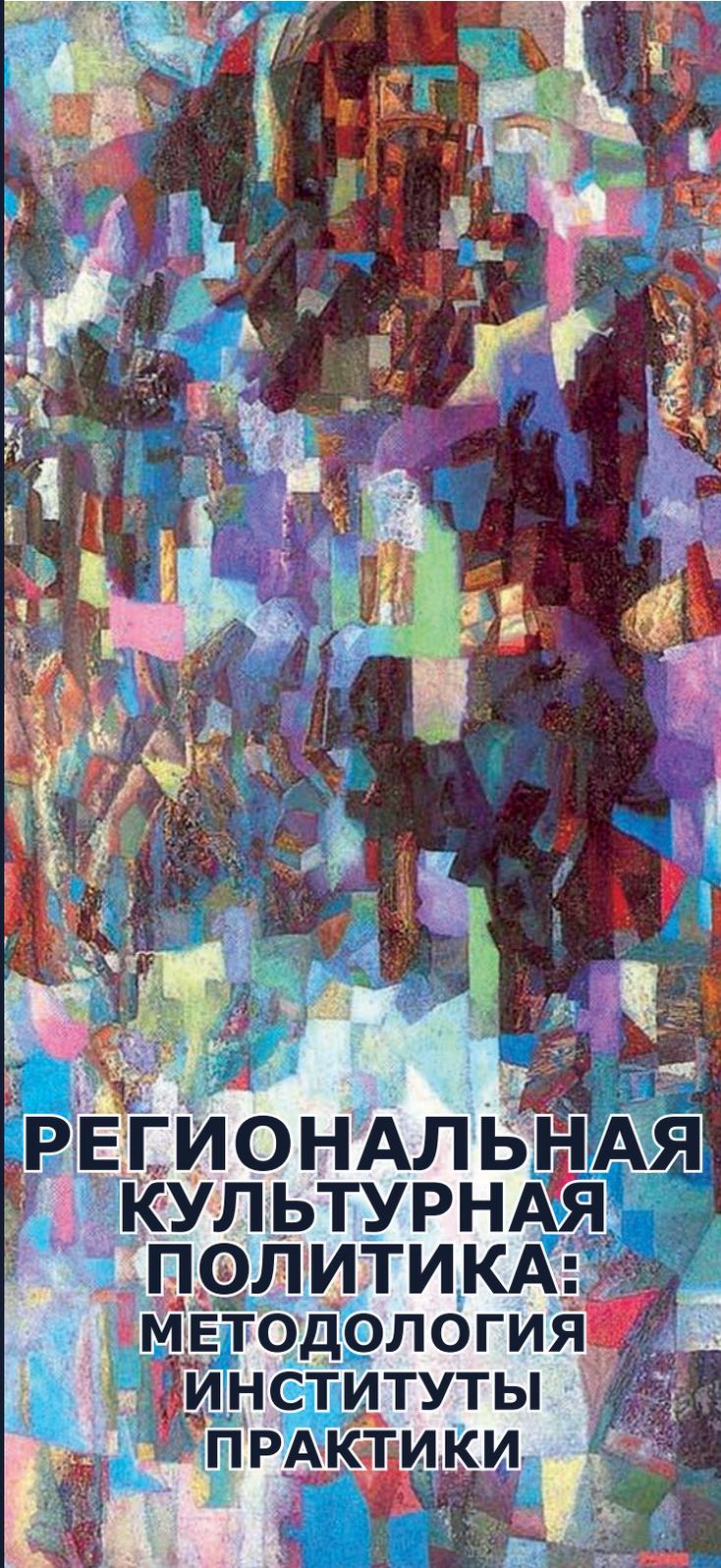

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРНАЯ
ПОЛИТИКА:
МЕТОДОЛОГИЯ
ИНСТИТУТЫ
ПРАКТИКИ**

КРАСНОДАР
2019

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
ЮЖНЫЙ ФИЛИАЛ

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА:
МЕТОДОЛОГИЯ, ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ
(Ценностно-нормативный подход)**

Монография

Москва
2019

УДК 304.44+351.85

ББК 71.41(2)

Р33

Публикуется по решению Ученого совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.

Рецензенты:

И. В. Малыгина, д. филос. наук, проф., зав. кафедрой
мировой культуры Московского государственного
лингвистического университета

А. В. Баранов, д. полит. наук, д. истор. наук, проф. кафедры политологии
и политического управления Кубанского государственного университета

Редакционная коллегия:

И. И. Горлова, д. филос. наук, проф., научный редактор
А. Л. Зорин, д. филос. наук, проф., ответственный редактор
Т. В. Коваленко, к. филос. наук, редактор-составитель

Авторский коллектив:

И. И. Горлова, д. филос. н. (введ.; гл. 1 §1.2; гл. 2 §2.1; гл. 3 §3.3, закл.); **Т. В. Коваленко**, к. филос. н. (введ.; гл. 1 §1.2; гл. 2 §2.1, 2.4; гл. 3 §3.3; закл.; прил.); **А. В. Крюков**, к.и.н. (введ.; гл. 2 §2.3; гл. 3 §3.1, 3.2; закл.; прил.); **О. И. Бычкова**, к.э.н. (гл. 2 §2.1, 2.2; гл. 3 §3.2, 3.3); **Е. Ю. Третьякова**, д. филол. н. (гл. 1 §1.3; гл. 2 §2.2, 2.3); **Н. А. Костина**, к.пед.н. (гл. 2 §2.1, 2.4; гл. 3 §3.1, 3.3); **А. А. Гуцалов**, к. филос. н. (гл. 1 §1.1; гл. 2 §2.3); **А. Л. Зорин**, д. филос. н. (введ.; гл.1 §1.3; гл. 2 §2.2; закл.).

Р33   **Региональная культурная политика: методология, институты, практики :
Ценностно-нормативный подход** [Текст]: монография / И. И. Горлова, Т. В. Кова-
ленко, А. В. Крюков и др.; отв. ред. А. Л. Зорин; Юж. ф-л Рос. науч.-иссл. ин-та куль-
турного и природ. наследия им. Д. С. Лихачёва. – М.: Ин-т Наследия, 2019. – 206 с.
ISBN 978-5-86443-271-6

Монография посвящена вопросам, связанным с созданием методического аппарата по выявлению степени эффективности реализации региональной культурной политики в контексте ценностно-нормативного подхода. Региональная культурная политика исследована с учетом социокультурного развития современного российского общества. Подробно рассмотрены и проанализированы проблемы, связанные с методологическими аспектами ценностно-нормативного анализа региональной культурной политики, разработана методика аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику, эффективность которой выявляется посредством обстоятельных исследований культурной жизни социума на основе эмпирических данных.

Издание подготовлено в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва» по теме 3.2. «Ценностно-нормативный подход как основа реализации региональной культурной политики».

УДК 304.44+351.85

ББК 71.41(2)

© Коллектив авторов, 2019

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного
наследия имени Д. С. Лихачёва, 2019

ISBN 978-5-86443-271-6

Оглавление

Введение	5
----------------	---

ГЛАВА 1.

Методологический аспект ценностно-нормативного анализа региональной культурной политики	13
1.1. Ценностная парадигма культурологических исследований: основные понятия и проблемы	15
1.2. Теоретические модели и практика культурной политики в современной России	23
1.3. Методологические основы культурного регионализма	44

ГЛАВА 2.

Региональная культурная политика и социокультурное развитие современного российского общества	59
2.1. Региональная культурная политика на современном этапе: основные направления и тенденции развития	59
2.2. Региональная культурная идентичность: ценностное измерение	69
2.3. Основные этапы регионализации социокультурного пространства Юга России	82
2.4. Культурная жизнь регионов Юга России: институты, практики и пути формирования единого культурного пространства	92

ГЛАВА 3.

Ценностно-нормативный подход в контексте современной региональной культурной политики	107
3.1. Нормативно-правовая база региональной культурной политики как основа актуализации ценностей	107
3.2. Методика аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику	115
3.3. Культурная жизнь современного сельского социума как индикатор степени эффективности региональной культурной политики (на примере Краснодарского края)	128

Заключение	147
Список источников	152
Список использованной литературы	158
ПРИЛОЖЕНИЯ	
<i>Приложение 1.</i> Документы, регламентирующие региональную культурную политику субъектов Российской Федерации, расположенных на Юге России	171
<i>Приложение 2.</i> Ценностно-значимые утверждения и ценностно-целевые ориентиры в Концепции культурной политики Волгоградской области	177
<i>Приложение 3.</i> Матрица ценностных приоритетов Концепции культурной политики Волгоградской области	188
<i>Приложение 4.</i> Ценностно-значимые утверждения и ценностно-целевые ориентиры в Концепции культурной политики Республики Дагестан	192
<i>Приложение 5.</i> Матрица ценностных приоритетов Концепции культурной политики Республики Дагестан	201

Введение

Развитие Российской Федерации на современном этапе характеризуется сложностью и многоаспектностью экономических и социально-политических процессов, протекающих в условиях непростой и подчас противоречивой геополитической обстановки, ставшей отправной точкой многочисленных вызовов и угроз, адекватная оценка которых, как и своевременный эффективный ответ на них являются залогом сохранения суверенитета, территориальной целостности, обеспечения безопасности России и ее граждан. Обстоятельства переживаемого нашим обществом и государством периода в очередной раз актуализировали вопрос о роли и месте нашей страны в мировом сообществе вновь поставили во главу угла проблему приоритетов и возможных путей совершенствования национально-государственного устройства Российской Федерации, механизмов функционирования экономики и развития социума.

Формирование гражданского общества, принципы развития которого основаны на системе традиционных духовно-нравственных ценностей, является важнейшим звеном в ряду условий обеспечения государственного суверенитета, укрепления безопасности Российской Федерации, устойчивого социально-экономического развития страны, культурного прогресса населяющих ее народов. Кроме того, повышение уровня гражданского самосознания, широкое распространение идей патриотизма следует признать одними из главных факторов (и одновременно следствий) усиления позиций России в меняющемся мире. Для процесса становления и развития гражданско-государственной идентичности огромное значение имеют усилия самого государства, предпринимаемые в направлении упрочения национальной консолидации, которая может осуществляться не только и не столько на основе общности территории, сколько на фундаменте общих ценностных принципов и ориентиров.

В ряду стратегических направлений, имеющих непосредственное отношение к национальной безопасности и требующих длительного и сосредоточенного внимания, особое значение имеет деятельность по формулированию и реализации государственной культурной политики, обеспеченной не только последовательной

стройностью концептуального выражения, но и эффективными механизмами реализации. Без этого довольно сложно представить нормальное и полноценное функционирование современного государства, гарантировать выживание национальной культуры и приумножение культурных достижений, способствующих нравственному прогрессу общества.

Для разработки и реализации полноценной и эффективной культурной политики непреходящее значение имеет учет ее аксиологического измерения, которое является основополагающей опорой любой культурно-политической концепции. Ценностно-нормативный подход к формированию культурной политики является мощным инструментом, применение которого может служить делу гармонизации общественного уклада жизни только при условии принятия на вооружение таких ценностей, которые бы максимально соответствовали традиционному умонастроению в обществе, пробуждали в нем стремление к духовному морально-нравственному развитию и самосовершенствованию, к развитию творческого начала, к утверждению конструктивных отношений между представителями разных конфессиональных, национальных, культурных, общественных, политических, возрастных, социальных, профессиональных и иных групп населения.

В основополагающих документах, определяющих цели и направления государственной культурной политики в Российской Федерации, указывается на то, что достижение заявленных стратегических целей «требует проведения регулярного мониторинга состояния общества и его культурного развития на основе специально разработанной системы целевых показателей, в которой должны превалировать качественные показатели»¹. При этом важное значение имеет работа в направлении оценки эффективности культурной политики, производящаяся в субъектах Российской Федерации, поскольку значительнейший объем деятельности по реализации данной политики осуществляется именно региональными органами власти.

Каждый регион России отличается уникальным сочетанием природных богатств, хозяйственных ресурсов, культурного наследия, исторического прошлого и, наконец, социокультурных особенностей. Влиянием этого неповторимого сочетания факторов определено возникновение достаточно нестандартных проблем,

---

¹ Основы государственной культурной политики, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.

возникающих в процессе социально-политического развития того или иного субъекта Российской Федерации и требующих столь же нестандартных решений. Применительно к тематике данного исследования можно заключить, что каждый регион обладает своей уникальной культурной политикой, которая влияет на его социокультурное поле и приобретает со временем качество целостности.

Особенности региональной культурной политики опираются на определенный набор ориентиров ценностного характера, составные части которого могут быть уникальными (присущими лишь данному региону) или же совпадать с ценностными установками, составляющими основу культурной политики в других регионах, – самобытностью при этом обладает сама совокупность элементов, имеющих ценностную значимость.

Все это обуславливает важность комплексного анализа ценностного контекста региональной культурной политики через мониторинг произошедших изменений ценностных ориентаций за определенный период и исследования ценностной культуры личности в динамике.

С учетом всего вышеизложенного, *объектом исследования* в монографии является региональная культурная политика, понимаемая как осуществляемые органами государственной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления и общественными институтами действия, «направленные на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей»¹.

В качестве *предмета исследования* выступают ценностно-смысловые доминанты региональной культурной политики, выполняющие по отношению к последней детерминирующую и регулирующую функцию.

Территориальные рамки исследования включают в себя южно-российский макрорегион, то есть территорию, лежащую в границах Северо-Кавказского и Южного федеральных округов (с учетом бывшего Крымского федерального округа), хотя в ряде случаев описание отдельных аспектов изучаемой темы осуществляется с выходом за их пределы.

Теоретико-методологический фундамент исследования основывается на понимании культуры как интеллектуального аспекта

---

¹ Там же.

искусственной среды, которую человек создает в ходе социальной жизни (А. Моль), как совокупности тесно связанных между собой элементов материального и духовного характера, имеющих свои собственные закономерности функционирования и развития (Л. Уйат).

Методологические аспекты реализации культурной политики, анализ культуры как неотъемлемой составляющей культурно-исторического пространства и определяющего фактора общественного развития рассмотрены в трудах О. Н. Астафьевой, Т. В. Беловой, Л. Е. Вострякова, Г. А. Голицына, Ю. А. Лукина, В. М. Межуева, В. М. Петрова, К. Э. Разлогова, А. Я. Флиера, О. В. Хлопиной.

Структурно-системный анализ культурной политики, включая изучение ее теоретических моделей, опираясь на исследования А. Визанда, М. Драгишевич-Шешич, К. Мак-Кафи, В. В. Матвиенко, А. Моля, В. В. Наточего, Б. Стойковича, Г. Х. Шартрана.

В свете наблюдаемой в настоящее время концептуализации культурной политики большую значимость приобретают разнообразные понятия, относящиеся к сфере организации и управления культурой, разработанные благодаря исследовательским усилиям Т. М. Гудимы, И. Е. Дискина, В. С. Жидкова, А. В. Каменеца, Г. Г. Карповой, А. В. Костиной, К. Б. Соколова, И. Г. Хангельдиевой.

Отдельные направления и аспекты государственной культурной политики получили свое освещение в исследованиях современных отечественных ученых, в частности, теоретические вопросы регионоведения и культурной регионализации рассмотрены в работах С. А. Барзилова, Н. В. Зубаревич, В. Л. Каганского, Р. Ф. Туровского; специфику взаимосвязи и взаимовлияний идентичности и этнокультурной идентификации изучали А. В. Баранов, И. В. Малыгина, Е. В. Морозова, О. И. Орачева.

Общетеоретические основания культурной политики в части ее проблематики, связанной с регионоведением и проблемами культурного развития регионов, рассмотрены Н. М. Геновой, Л. Б. Зубановой, М. П. Крыловым, Л. М. Мосоловой, И. Я. Мурзиной, С. Б. Синецким, И. А. Скрипачевой.

В последнее десятилетие исследования в области региональной культурной политики в нашей стране вышли на качественно новый уровень, увеличилось количество направлений и аспектов исследования, однако наблюдаемая социальная реальность ставит перед исследователями новые проблемы, так как ряд вопросов до сих пор не получил должного научного осмысления. В частности,

до настоящего времени не сформулирован единый теоретико-методологический подход к понятию региональной культурной политики, недостаточно исследована совокупность ее субъектов и акторов применительно к региону, не определены принципы сочетания общего и особенного (общероссийского и регионального компонента) при анализе данной совокупности. К сожалению, специфические подходы к формулированию и реализации культурной политики, распространенные в регионах, также практически не освещены; вместе с тем в некоторых случаях культура, рассматриваемая в односторонне ведомственном ключе, воспринимается отнюдь не как один из главных факторов развития региона. Ценностные основания культурной политики в целом и региональной культурной политики в частности также не стали предметом специального научного анализа.

Таким образом, круг проблем, рассматриваемых в настоящем исследовании, определен с учетом необходимости анализа системных связей между социокультурными особенностями региона, региональным контекстом ценностно-нормативного подхода к культурной политике, ее нормативно-правовыми основаниями, ценностными приоритетами и практикой реализации, опирающейся на эффективное использование ресурсной базы региональной культуры.

Основной целью исследования является разработка и апробация методического аппарата для выявления ценностных приоритетов региональной культурной политики, что становится необходимым условием для создания методики практической оценки степени эффективности реализации региональной культурной политики в контексте ценностно-нормативного подхода.

Данная цель конкретизируется через совокупность *следующих задач*:

- выявить сущность и содержание ценностной парадигмы культурологических исследований;
- исследовать современное состояние региональной культурной политики в Российской Федерации;
- дать характеристику региональным особенностям культурной политики в свете ценностно-нормативного подхода;
- определить особенности культурной жизни в регионах Юга России через характеристику ее институтов, практик и путей формирования единого культурного пространства;
- изучить нормативно-правовую базу региональной культурной политики как основу актуализации ценностей;

- разработать и апробировать методику аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику;
- сформировать и обосновать методику выявления степени эффективности реализации региональной политики в области культуры на основе анализа культурной жизни региона и ценностного содержания ее явлений.

Решение комплекса перечисленных задач создаст методологический фундамент исследования региональной культурной политики, поможет определить конфигурацию правового поля, в рамках которого она существует и функционирует, а также предоставит необходимый методический инструментарий для анализа ценностной компоненты культурной политики в регионах, который впоследствии послужит основанием для определения степени ее эффективности в контексте ценностно-нормативного подхода.

Совокупность *методов исследования* определена необходимостью применения широкого методологического инструментария, включающего общенаучные и специальные методы культурологии, социологии, исторических и иных гуманитарных наук, в частности, диахронный, синхронный, компаративный, историко-генетический, историко-типологический методы, структурно-функциональный анализ и другие приемы.

Эмпирическая основа исследования включает в себя:

- нормативные правовые акты, регулирующие сферу культурной политики;
- программы, стратегии и другие официальные документы, направленные на развитие культуры как на федеральном, так и на региональном уровнях;
- приказы Министерства культуры Российской Федерации и региональных исполнительных органов в области культуры;
- материалы социологических исследований.

* * *

Структура исследования отражает совокупность его задач и включает в себя три главы, разделенные на параграфы. Первая глава – «*Методологический аспект ценностно-нормативного анализа региональной культурной политики*» – посвящена вопросам концептуального осмысления проблем государственной культурной политики в ее региональном ракурсе. Научному анализу подвергнута ценностная парадигма культурологических исследований, изученная в аспекте выявления основных ее концептов и проблем.

Необходимость включения проблематики исследования в широкий культурологический контекст обусловила важность рассмотрения теоретических моделей и практики культурной политики в современной России. Кроме того, сложные процессы, происходящие уже более четверти века в культурной жизни российских регионов, заставили уделить самое пристальное внимание проблемам регионализации и, в частности, культурного регионализма, которые были осмыслены в методологическом аспекте с позиций плюрализма научных подходов.

Во втором разделе – *«Региональная культурная политика и социокультурное развитие современного российского общества»* – рассмотрен комплекс проблем, связанных с эволюцией культурной политики, реализовывавшейся в течение последних 25 лет в Российской Федерации и проводившейся как на федеральном, так и на региональном уровнях. В частности, исследование осуществлялось в направлении изучения основных трендов и тенденций развития региональной культурной политики на современном этапе, при этом закономерно проводился анализ исторической ретроспективы ее становления. С опорой на тезис о том, что основой различных систем региональных ценностных установок является региональная культурная идентичность, было проведено ее многоаспектное рассмотрение с акцентом на аксиологическое измерение. Привлечение для потребностей исследования эмпирического материала, почерпнутого в основном на Юге России, определило потребность в изучении особенностей процессов регионализации социокультурной жизни макрорегиона и современной культурной жизни его составных частей, образующих особое культурное пространство, которое, являясь макрорегиональным, при этом входит органической частью в единое культурное пространство Российской Федерации.

Практическим воплощением методологических разработок, содержащихся в первой главе, и историко-культурологических исследований, составивших проблемное поле второй, является третья глава – *«Ценностно-нормативный подход в контексте современной региональной культурной политики»*. Нормативно-правовая база региональной культурной политики подвергнута анализу как основа актуализации ценностей, отражающихся в нормотворческой деятельности органов региональной власти. В целях выявления ценностного содержания нормативных правовых документов, определяющих региональную культурную политику, была разработана методика их аксиологического анализа и определены

принципы мониторинга эффективности региональной культурной политики. В качестве опытной модели такого мониторинга в рамках исследования был проведен анализ культурной жизни современного сельского социума (на п. Монография подготовлена в рамках выполнения в 2015–2017 гг. государственного задания по теме «Ценностно-нормативный подход как основа реализации региональной культурной политики» авторским коллективом Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва». Область применения результатов настоящего исследования определена с учетом их последующего использования: в целях совершенствования государственной культурной политики на федеральном и региональном уровнях; в части модернизации законодательства в сфере культуры; в разработке проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации; в практике повышения эффективности региональной культурной политики. Авторы надеются, что их работа будет востребована и специалистами в области практического управления культурной жизнью, а также студентами, изучающими специфику регионального развития Российской Федерации.

ГЛАВА 1

Методологический аспект ценностно-нормативного анализа региональной культурной политики

Базисным документом, очерчивающим тематические границы настоящего исследования, являются Основы государственной культурной политики, одобренные на совместном заседании Государственного совета и Совета при Президенте по культуре и искусству 24 декабря 2014 г. и утвержденной Указом Президента Российской Федерации. В подготовленной в развитие этого фундаментального документа Стратегии государственной культурной политики отмечены возможные проявления гуманитарного кризиса и угрозы национальной безопасности в области культуры. В их числе указаны снижение интеллектуального и культурного уровня общества; девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров; рост агрессии, нетерпимости, асоциального поведения; деформация исторической памяти, негативная оценка разных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации; атомизация общества, то есть разрыв социальных связей, рост индивидуализма и пренебрежения к правам других.

К угрозам национальной безопасности в области культуры отнесены среди прочего размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры¹.

---

¹ См.: Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р.

В ряду основных целей государственной культурной политики выделяются: формирование гармонично развитой личности; укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития; укрепление гражданской идентичности; создание условий для формирования социально активных граждан; сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала; обеспечение гражданам доступа к знаниям, информации и культурным ценностям¹.

Особый акцент в данном документе делается на ценностной сфере культурной политики, в особенности при обозначении главных опасностей и угроз национальной безопасности, определении основных целей и приоритетных направлений государственной культурной политики в отношении общего культурного пространства, сохранения семьи, утверждения гармонично развитой личности.

В частности, отмечается, что одним из основных принципов формирования новой модели культурной политики в России является «реализация ценностно ориентированной государственной культурной политики, предусматривающей распространение традиционных для российского общества ценностей»². При этом достижение «гармоничного сочетания интересов национальной безопасности, единства культурного пространства и этнокультурного многообразия страны»³ признается невозможным без формирования новой модели государственной культурной политики, которая понимается именно как «ценностно ориентированная»⁴. Наличие данного акцента в программном государственном документе в сфере культуры делает неизбежным и принципиальным всеобъемлющий подход к проблеме ценностей, который служил бы объединению фундаментальных теоретических изысканий в области аксиологии с практикой культурной политики.

---

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

1.1. Ценностная парадигма культурологических исследований: основные понятия и проблемы

Для изучения особенностей применения ценностно-нормативного подхода к анализу региональной культурной политики необходимо иметь в виду, что «исследование человеческих ценностей имеет не только теоретическое значение, но и дает ключ к пониманию проблем современности»¹. Объективное научное осмысление аксиологических проблем позволит соединить наработки в области фундаментальных исследований сознания человека и общества с практическим осуществлением культурной политики.

Существует несколько подходов к сущностному пониманию ценностей: к примеру, они определяются как объективное бытие (материалистические, биологические, объективно идеалистические концепции), как субъективный или субъективно-объективный феномен.

В рамках первого подхода различаются ценности, понимаемые как *объективные и идеальные сущности* (Платон, Г. Лотце, Г. Мюнстерберг, М. Шелер, Н. Гартман, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Э. Трельч, В. Франкл и др.); как *социокультурный феномен* (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Г. Зиммель, Г. Маркузе, Ю. Д. Гранин, А. А. Ивин, В. С. Степин, И. С. Нарский, О. М. Бакурадзе, М. А. Розов и др.); как *целустановка, определяемая экономическим фактором* (Т. Гоббс, Дж. Локк, К. Маркс, Ф. Энгельс, С. Ф. Анисимов, В. А. Василенко, Г. Я. Головных, П. Р. Леиашвили и др.) или *биологическим фактором* (А. Шопенгауэр, Ю. Вейденгаммер, Г. Коген, Г. Зиммель, В. Дильтей, З. Фрейд, Э. Фромм и др.).

Второй подход подразумевает понимание ценностей как *нравственно-эстетического феномена, уникального выражения души субъекта* (А. Шейфтерс, И. Кант, Ф. М. Достоевский), как *продукта его рациональной деятельности* (Д. Юм, Л. Н. Столович, В. П. Тугаринов), как *продукта сознательного, эмоционально-волевого и физического развития индивида* (Ф. Ницше, А. Мейнонг, Р. Б. Перри и др.).

---

¹ Идентичности и ценности в эпоху глобализации / под ред. Ю. Н. Пахомова, Ю. И. Павленко. Киев, 2013. С. 551.

Ученые, придерживающиеся третьего подхода, определяют ценности как *переживание субъектом объективных условий своего существования*, в том числе как ответ на присутствие Бога в бытии (Г. Риккерт, В. Виндельбандт, Э. Гуссерль, Д. фон Гильдебранд, И. Хейде и др.), как *систему индивидуальных ориентиров*, как *способ реализации субъекта* (М. Вебер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, А. Маслоу, М. С. Каган и др.), как *герменевтический способ истолкования, понимания, объяснения мира* (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер и др.).

В отечественной аксиологии культуры выделяются две основные парадигмы. Первая утверждает субъектно-объектный характер ценностей (М. С. Каган, О. М. Бакурадзе, Л. Н. Столович и др.), вторая – их межсубъектный характер (О. Г. Дробницкий, Г. П. Выжлецов).

Кроме того, многие исследователи в основу определения ценностей и их структур кладут способность предметного мира вещей, объектов, явлений удовлетворять потребности человека и общества (С. Ф. Анисимов, Е. В. Боголюбова, Г. Я. Головных, Ю. Д. Гранин, О. Г. Дробницкий, А. М. Коршунов, Н. С. Кузнецов, В. В. Мантатов, В. П. Тугаринов, Е. А. Подольская, С. И. Попов, Л. П. Фомина). Некоторые же ученые исходят из функций ценностей, связывающих их с «ключевыми жизненными ориентирами» (В. Н. Сагатовский), «важнейшим механизмом нравственной регуляции» (И. Л. Зеленкова), с заданием идеальной цели, побудительной силы воздействия на способ и характер деятельности (Н. З. Чавчавадзе). Гносеологический подход определяет сущность ценностей через абстрагированное отношение субъекта и объекта (И. О. Нарский, В. А. Василенко).

В целях определения исследовательского поля необходимо провести небольшой историко-философский экскурс в историю самого понятия «ценность», начав с первых попыток его дифференциации. Аксиологическая проблематика приобрела актуальность еще в античное время: в частности, в псевдоплатоновском диалоге Гиппарха ценности понимались как стоимость (цена) и благо; дальнейшая эволюция рассматриваемого понятия связана с трудами Платона, Аристотеля, Диогена Лаэртского, Зенона Китийского, Диогена Вавилонского, Панетция Родосского, Хрисиппа, Цицерона.

В эпоху Возрождения, Нового времени и Просвещения свое выражение проблема ценностей нашла в философском поиске Пико делла Мирандолы, Монтеня, Гоббса, Декарта, Шефтсбери, Хатчесона, Лейбница, Мандевиля, Юма. Начиная с Канта, ценно-

сти, пожалуй, впервые полностью вынесены в сферу нравственности и связываются с понятием личности. Сама же личность начинает пониматься как ценность-в-себе, а мир мыслится как имеющий значение ради ценности личности. После Канта данная проблематика получила развитие в трудах Ф. Биунде, Г. Шульце, Й. Фриза, Ф. Бенеке, Ф. Brentano, а также неокантианцев марбургской и баденской школ (Г. Лотце, В. Виндельбанда, Г. Риккерта).

Г. Лотце первым ввел в обиход современной философии термин «ценность». Уже в начале XX века, в 1902 г. с легкой руки П. Лапи и в 1908 г. – Э. Гартмана появляется термин «аксиология». В разных школах современной западной философии был проведен анализ динамики развития понятия ценности: в философии жизни (В. Дильтей, Г. Зиммель), в трудах О. Шпенглера и А. Швейцера, во французской исторической школе «Анналов», исторической школе Ф. Боаса, в исследованиях паттернов культуры А. Кребера, в этнопсихологическом направлении культурантропологии Р. Бенедикт и М. Мид, в неозволюционистской трактовке культуры Л. Уайта и Дж. Стюарда. Свои воззрения на проблему ценностей в XX в. высказывали представители различных психологических (Х. фон Эренфейс, И. Крейбиг, А. Мейнонг, И. Э. Гейде, Э. Фэрис и Дж. Мид), философских (Э. Гуссерль, М. Шелер, Й. Ремке, Н. О. Лосский, Н. Гартман, Г. Д. Гурвич, Ж.-П. Сартр, Р. Карнап, Б. Рассел, Т. Парсонс), социологических (У. Томас и Ф. Знанецкий, Э. Э. Дюркгейм, М. Вебер) научных школ.

В отечественной литературе множество ученых разрабатывали тему ценностей с разных проблемных сторон: сущности, возникновения, функций, процесса реализации, классификации и т.д. Среди них В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Ю. Д. Гранин, Н. С. Кузнецов, Л. П. Фомина, О. Г. Дробницкий, В. П. Тугаринов, А. М. Коршунов, В. В. Мантатов, Е. А. Подольская, Е. В. Боголюбова, С. Ф. Анисимов, С. И. Попов, В. Н. Сагатовский, И. Л. Зеленкова, Н. З. Чавчавадзе, И. О. Нарский, В. А. Василенко, М. С. Каган, А. П. Вардомацкий, А. А. Ивин, В. С. Степин, О. М. Бакурадзе, М. А. Розов, С. Ф. Анисимов, Г. Я. Головных, П. Р. Леиашвили, Г. П. Выжлецов, Л. В. Баева, В. Э. Багдасарьян, С. С. Сулакшин и др.

Интерес к аксиологической проблематике заметно возрос во второй половине XX века. На XII-м и XIII-м Международных философских конгрессах, состоявшихся в итальянских Венеции и Падуе (1958) и мексиканской столице Мехико (1963) одними из главных тем явились вопросы ценностей и ценностных установок.

На рубеже XX и XXI вв. наиболее актуальной дискуссионной площадкой стал гарвардский симпозиум «Культурные ценности и прогресс человечества», организованный Академией международных и региональных исследований Гарвардского университета совместно с Американской академией искусств и наук в Кембридже, который состоялся 23–25 апреля 1999 г. Участниками этого форума были Л. Харрисон, Д. Ландес, М. Портер, К. А. Мортанер, Р. Инглхарт, Ф. Фукуяма, С. М. Липсет, Г. С. Ленц, Р. Эджертон, Р. Шведер, Д. Перкинс, Л. Пай, Т. Вэймин, М. Фейрбенкс, С. Линдсей.

В центре внимания участников симпозиума были вопросы выявления культурных основ бедности и прогресса. Ряд ученых высказывались за признание различных типов традиционных культур основой благоденствия и бедности народов. В связи с этим утверждалась необходимость переноса ценностных установок культуры успешных стран на культурную почву государств, не добившихся значительных социально-экономических достижений. Тот набор универсальных ценностей, который был сформулирован ООН в 1947 г., априори объявлялся получившим свое максимальное развитие в странах Запада. Данная логика приводит к утверждению о том, что культура этих стран претендует на всеобщее распространение в мире как наиболее способствующая реализации базисных ценностей человека.

На фоне рассуждений западных коллег отчетливее проявились характерные черты отечественного подхода: наряду со стремлением к единству – расширение своей культуры посредством других с полным их сохранением, нежелание переформатировать либо изменять чужие ценности, переносить свои ценности на иноземную почву с целью замещения или трансформирования традиционных ценностей других народов, максимальное сохранение традиционных ценностей других народов, если они не являются причиной возможного конфликта с традиционными культурами соседних народов, максимальное их развитие. Таким образом, с совершенной определенностью можно заключить, что гарвардский подход является антиподом российскому.

В качестве нормативных установок ценности не составляют основу и центр создания человеческого Я, как полагал Дж. Мид. Сами установки и ценности суть реакция сознания на базисную систему составляющих его идентичностей. Только через данное отношение мы воспринимаем мир под тем или иным ценностно-нормативным углом, принимаем те или иные ценностные установки. Таким образом, ценностно-нормативный подход основывается

на базисной системе идентичностей человека и общества. Укрепление идентичностей, способствующих гармонизации социума, – краеугольный камень в выстраивании подлинно научной методологии ценностно-нормативного подхода.

Нарушение целостности и непротиворечивости системы идентичностей возможно вследствие изменения системы ценностей, и наоборот – чтобы поменять систему ценностей, нужно трансформировать систему идентичностей. Эти две системы тесно связаны друг с другом, поэтому ценности не могут возникать в системе субъект-объектных отношений (как утверждает современная аксиология), а проявляют себя в них, возникая до того в рамках процесса индивидуальной и социальной самоидентификации человека и общества. Иными словами, ценность подразумевает не субъект-объектное отношение, в рамках которых она проявляет себя, а отношение к базисным смыслам человеческого самосознания. Ценности – это охранная система кода человека, его «кто я?», «зачем я?», самоопределения и смыслоопределения его жизни.

В Стратегии государственной культурной политики заявлена необходимость «сохранения единого культурного пространства как фактора национальной безопасности и территориальной целостности России». Представляется, что основу для этого следует усматривать в формировании единой традиционной гармоничной системы идентичности для всех граждан нашей страны.

Это понимание имеет большое значение при осуществлении мониторинга соответствия ценностно-нормативной составляющей в региональной культурной политике тем требованиям, которые предъявляются «Основами государственной культурной политики», ее стратегией, а также нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, определяющими функционирование сферы культуры на региональном уровне. Система идентичностей задает смысл и значение всех заявленных в программно-стратегических документах ценностей. Смысл таких ценностей, как справедливость, патриотизм, гражданская идентичность, семья и т. д. будет варьировать в зависимости от принимаемой системы идентичности. Человеческое сознание, идентифицирующее себя с этносом, нацией (гражданская идентичность), религией, формирует разные смыслы ценностей и реализуемых в культурной политике нормативов. Если не учитывать эту основу, то содержание методик, применяемых в рамках ценностно-нормативного подхода, может стать размытым и очень подвижным по содержанию, поскольку каждый будет воспринимать заявленные смыслы по-своему.

В соответствии с одним из базовых определений, ценность входит в число основных понятийных универсалий философии и означает «в самом общем виде невербализируемые, “атомарные” составляющие наиболее глубинного слоя интенциональной структуры личности – в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения своего “достояния” в тайниках сердца (аспект прошедшего), – которые конституируют ее внутренний мир как “уникально-субъективное бытие”»¹. Используемый в данном исследовании подход позволяет внести коррективы в это определение и назвать «атомарными составляющими наиболее глубинного слоя интенциональной структуры личности» систему базовых идентичностей, над которыми и из которых вырастает вся сложная система ценностей. Без понимания этого обстоятельства вся культурная политика может быть направлена на более поверхностные ценностные слои. Культурная политика (особенно в регионах с их многослойными и разнообразными этнокультурными, языковыми, религиозными особенностями), опирающаяся на ценностно-нормативный подход, но реализуемая при игнорировании проблемы идентичности, может привести к формированию неустойчивой системы культуры и общества.

В философии за основу анализа ценностей принимаются следующие направления: онтологическое (относящееся к сознанию включенности в бытие благодаря переживанию ценности); гносеологическое (связанное с процессом познания, в котором ценность выступает в качестве элемента); антропологическое (рассматривающее ценности в контексте поисков смыслов жизни, выбора совершенного бытия как цели); праксеологическое (ценности как воплощение активности субъекта); герменевтическое (выявляет взаимосвязь ценностного отношения субъекта и процесса интерпретации, толкования поля смыслов в определенном ключе, делая акцент на определенных ценностях и смыслах). Необходимым представляется добавление в этот перечень и идентификационного подхода, устанавливающего связи между ценностями и процессом самоопределения человека и общества.

В зависимости от того, что берется за основу определения ценностей, можно выделить и другие подходы – натуралистический, дуалистический, субъективный, объективный, функциональный.

---

¹ Шохин В. К. Ценности // Этика : энцикл. слов. / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М., 2001. С. 536.

Натуралистический подход связывает ценность с материальным основанием – предметами, явлениями, обстоятельствами. В основе *дуалистического* подхода – изучение характера отношений между субъектом и объектом, в котором усматриваются сущность и фундамент анализа ценностей. Приверженцы *субъективного* подхода усматривают методологическую базу для исследования ценностей в сфере сознания, вне связи с предметным миром, противостоящим индивидуальному сознанию, обществом и трансцендентными смыслами. *Объективный* подход подразумевает, что основа изучения ценностей кроется в объективных данностях – общественном укладе жизни, в природе, ее вечных законах. Методология *функционального* подхода предусматривает изучение ценностей на основе рассмотрения функциональной роли, которую играют ценности в жизни человека и общества.

Можно отметить следующие функции ценностей в жизни человека и общества: *смысловая* – помогает человеку осознавать и постигать свое собственное бытие в мире; *целевая* – личность ставит в своей жизни разные цели и задачи, призванные помочь ей реализовать осознанный смысл своей жизни и общественного бытия; *направляющая* – индивидуум с ее помощью стремится направить себя на поиск своего места в мире; *регулятивная* – человек на ее основе строит систему отношений с другими людьми, обществом и миром. На основе развиваемой в данном исследовании концепции о том, что фундаментом и в то же время сущностью самих ценностей является идентификационная составляющая, следует упомянуть пятую основную функцию ценностей – *защитную*: благодаря ей ценности выступают защитным барьером, позволяющим сохранить и уберечь базисную идентификационную систему человека. С изменением или разрушением системы ценностей система самоопределения человека становится легко доступной и уязвимой. Точно так же с ослаблением системы самоидентификации и самоидентичностей человека становится легко уязвимой и система ценностей.

Ценностно-нормативный подход полагает определенные ценности в качестве социальных нормативов, выполняющих регулирующую роль в общественной жизни. Нормы возникают как ценностные установки, которые общество стремится утвердить в качестве нормативного правила общежития. По мере формализации норм ценностный слой выхолащивается из их содержания, хотя и не исчезает вовсе. Предельной наполненностью ценностями отличаются неформализованные социальные нормы, а из них – нравственность. Предельная обесцененность в данном

случае является атрибутом формализованных социальных норм, в частности – юридических актов¹.

Ценности, наряду с нормами и идеалами, являются важнейшими элементами человеческой культуры. *Нормы* понимаются как стереотипы мысли и действия в определенной социокультурной традиции, призванные к регламентации общественной, групповой и индивидуальной деятельности людей. *Идеал* в данном смысле предстает проекцией некоего образа действий, который наделяется абсолютным ценностным значением, некоей универсальностью. Будучи в определенном смысле эталоном, идеал являет собой проект будущего, значимый для настоящего и оценок прошлого. Ценности определяют нормы и формируют идеалы, в своей совокупности они образуют основу для нормирования и оценки любой деятельности человека в социуме: «Ценности воплощаются в виде социальных норм, которые создают должный (идеальный) порядок отношений, ориентируя человека жить по образцам, которые даны и заданы одновременно»².

Ценностно-нормативный подход как таковой не является однозначно конструктивным – он может быть и деструктивным, и конструктивно-деструктивным (то есть повторяющим положительные и негативные стороны оценки объектов ценностного отношения, как сложилось, к примеру, в отношении объектов наследия, относящихся к истории войн и конфликтов), и нейтральным. В силу данного обстоятельства полагание его в качестве основы региональной культурной политики еще не делает этот подход действенным инструментом. Насущная задача культурной политики в том, чтобы ценностно-нормативная основа была ориентирована на гармонизацию системы общественных отношений. Ценностно-нормативный подход не может являться единственным и абсолютным фундаментом культурной политики, поскольку он сам обеспечен системой традиционных для данного общества идентичностей.

Ценности, нормы и идеалы формируют и определяют ценностную ориентацию деятельности человека. Под *ценностной ориентацией* понимается комплекс духовных, нравственных, социально

---

¹ Багдасарьян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 203.

² Закунов Ю. А. Метафизика русской идеи И. А. Ильина в контексте современного национально-государственного развития России // Творческое наследие И. А. Ильина: вопросы общенациональной политики и культуры. М., 2015. С. 84.

значимых детерминант, которые приводят к социально одобряемому и поддерживаемому в обществе значимому поведению. Без учета ценностной ориентации поведения невозможно оценить его с точки зрения мотивации, цели, императивов. На основе ценностей и ценностной ориентации (целеполагания, мотивации, долженствования) формируются культурные оценки, определяется иерархия практических жизненных целей. Ценностная ориентация относится к конституированию и реализации нормативно-ролевых структур деятельности, поведения человека. Формирование идеала социальной, групповой и индивидуальной жизни необходимо также для функционирования совокупности ценностей, определяющей жизненные нормы и принципы.

1.2. Теоретические модели и практика культурной политики в современной России

Анализ государственной культурной политики в аспекте ценностно-нормативного подхода предполагает изучение не только методологии, теоретических оснований и концептуальных моделей, но и практических особенностей ее реализации.

Фундаментальные установки, определяющие сущность культурной политики, относятся к сфере культуры, имеющей свою структуру и историю становления, которые являются уникальными для каждого государства. Российская культура уже более четверти века развивается в условиях построения основ нового общественного порядка, преобразования созданного в предшествующие годы политического, экономического и социального устройства страны.

Современное российское государство унаследовало от Советского Союза разветвленную систему учреждений культуры и кинематографии. По разным оценкам – более 100 тыс. учреждений культуры, в которых трудятся более полумиллиона человек¹. В сферу культуры также входят около сотни творческих союзов и ассоциаций. Это особого рода индустрия – от крупных медиа-холдингов до сельских библиотек и детских школ искусств.

---

¹ См. подроб.: Статистика культуры 2016. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах / Министерство культуры Российской Федерации. М., 2017.

Что же такое культура? Более 1000 определений этого понятия известны сегодня исследователям и, тем не менее, вряд ли оно когда-либо будет восприниматься однозначно, станет общепринятым: столь богаты ее природа и история, потому и обсуждение методологических подходов, касающихся этой группы вопросов, всегда актуально и своевременно. Сегодня в этой области наблюдается известное разнообразие, причем не только в дефинициях и круге проблем, примыкающих к культуре, но и в выявлении исходных позиций для анализа.

В «Декларации прав культуры» академик Д. С. Лихачёв отмечал, что культура – это «сотворенная человеком материальная и духовная среда обитания, а также процессы создания, сохранения и распространения и воспроизводства норм и ценностей, способствующих возвышению человека и гуманизации общества»¹.

Концептуализируя понятие «культура», В. М. Межуев подчеркивает, что ее сущность связана с деятельностью человека, многогранностью общественных связей и социальных отношений, с феноменом целостности бытия и его универсальными характеристиками. «Бытие всегда в потенции, в становлении, в преодолении личного. Оно не то, что можно открыть в себе в качестве уже существующего, но только ускользающего от сознания, а что необходимо еще создать, что всегда впереди, а не позади. Движение к нему и есть культура... Нигилизм в обогащении культуры – путь назад; культура – всегда движение вперед»². Итак, культура – «это не то, что можно непосредственно наблюдать в действительности, а то, что мы выделяем в ней в качестве чего-то для нас важного и ценного»³, и в этой связи каждая историческая эпоха воспроизводит и позиционирует ее по-своему. Этот процесс осложняется и тем, что часто у теоретиков и практиков расходятся как сами представления о культуре, так и характер и специфика приоритетных задач. Исходя из вышеизложенного, О. Н. Астафьева выделяет два сущностных пласта в понимании культуры: первый, связанный со стремлением человека представить окружающий мир как сложную систему культурного многообразия; второй – имеющий отношение к необходимости «быть субъектом, осуществляющим регулирование этих сложнейших процессов, будучи включен-

¹ Лихачёв Д. С. Декларация прав культуры // Конгресс российской интеллигенции. СПб., 1998. С. 267.

² Межуев В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры. М., 2006. С. 277.

³ Там же. С. 25.

ным в структурно-функциональные рамки системы социального управления»¹.

Следовательно, культура, ориентированная на развитие созидательных начал в человеке и обществе, представляет неоспоримую ценность для народов и государств. Отсюда можно заключить, что проблемы российской культуры не сводятся к простому механическому набору трудностей, с которыми сталкиваются отрасли и учреждения культуры – они нуждаются в комплексном рассмотрении и системном решении.

Еще не так давно культура трактовалась в основном как сфера традиции и культурного наследия, как сфера социальной памяти, однако на современном этапе речь идет уже о принципиально ином ее понимании. Предметом внимания становятся вопросы, которые ранее не считались корректными по отношению к культуре. Речь в первую очередь идет о модернизации культуры и самого общества на основе культурных изменений. Одно из таких принципиальных изменений заключается в том, что в условиях развития рыночных отношений культурная политика перестала быть лишь прерогативой государства², а представляет собой область взаимодействия множества субъектов. Действительно, отрасль культуры и искусства включает в себя отдельных лиц, а также группы и организации, которые финансово поддерживаются не только государственными субсидиями, но другими формами спонсорства (субсидируемый сектор). Структурной составляющей отрасли являются также предприятия креативной индустрии (частный сектор).

Стратегия реальных действий в области культуры формируется как равнодействующая государства и многочисленных субъектов культурно-политического пространства. Поэтому произошедшие в течение последней четверти века изменения являются основой для выработки новых концепций осуществления культурной политики, включая обоснование новой фундаментальной методологии в этой области. Если в 60-е гг. XX в. понятие «культурная политика» включала в себя «комплекс определенных

---

¹ Астафьева О. Н. Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 1–3) // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 5. – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/20.html&j_id=3.

² Карпова Г. Г. Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1. С. 7.

принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры»¹, то в настоящее время можно говорить об изменении как самого концепта, так и многообразия моделей и стратегий культурной политики.

Государство определяет особенности принятия управленческих решений, содержание нормативных актов, законодательные установки, классификацию и функции учреждений культуры (например галерей, музеев, библиотек, оперных театров и т. д.), которые способствуют творческому самовыражению граждан в различных художественных формах и видах деятельности. Нюансы культурной политики варьируются от одной страны к другой, но в целом следует заключить, что повсюду она направлена на улучшение доступности искусства и творческой деятельности для граждан и пропаганду художественных, музыкальных, литературных и других достижений граждан страны. В некоторых странах, особенно с 1970-х годов, акцент делается на поддержке культуры коренных народов и маргинализованных общин для того, чтобы наилучшим образом обеспечить представление культурного многообразия средствами культурных индустрий (кинопроизводства или телевизионного производства).

Культурную политику можно проводить на национальном уровне, на субнациональном уровне (как это делается в штатах США или в канадских провинциях), на региональном или на муниципальном уровне (например, городское правительство, создающее музей или центр искусств). Примеры культурной политики на национальном уровне могут включать в себя самые различные варианты: от финансирования музыкального образования или театральных программ практически без каких-либо затрат, до проведения спонсируемых коммерческой организацией художественных выставок в государственном музее, в создании политических институтов (министерства культуры и отделы культуры, разнообразные фонды поддержки культуры), учреждений культуры, (галереи, музеи, театры и т. д.).

На методологическом уровне следует различать культурную политику как нормативную и концептуально ориентированную деятельность государства и структур гражданского общества и оперативное управление текущими культуротворческими процессами. А. Я. Флиер справедливо определяет два взаимосвязанных процесса

---

¹ Cultural policy: a preliminary study. Paris: UNESCO, 1969. P. 5.

как уровень *стратегии и тактики*¹. Такая установка обеспечивает возможность разграничения целей, задач, методов и инструментов культурной политики. Так, основными субъектами государственной культурной политики по уровню стратегии являются органы государственной власти, планирующие и принимающие решения, которые на уровне тактики реализуют учреждения культуры и культурные центры, отмечает ученый. Под культурной политикой он понимает «совокупность научно обоснованных взглядов и мероприятий по всесторонней социокультурной модернизации общества и структурным реформам... как систему новых принципов пропорционирования государственной и общественной составляющих в социальной и культурной жизни, как комплекс мер по заблаговременному налаживанию научного и образовательного обеспечения этих принципов, по целенаправленной подготовке кадров для квалифицированного регулирования социокультурных процессов завтрашнего дня, а главное – как осмысленную корректировку общего содержания отечественной культуры»². Таким образом, моделирование механизма естественно протекающего культурного процесса выступает ключевой составляющей стратегия государственной культурной политики.

Культурная политика является продуктом своего времени и не может быть одинаковой для различных исторических периодов. Кроме того, она не может быть одинаковой даже для всей страны в целом (особенно, если речь идет о такой огромной стране, как Россия): ее общие принципы должны быть неизменными, однако региональное своеобразие (исторические, этнические традиции, современная социокультурная ситуация) неминуемо должно оказывать влияние на конкретные меры и их содержание, формируя локальные варианты культурной политики.

Эффективная культурная политика строится на фундаменте духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, принципов организации человеческого общежития, а также совокупности универсальных общечеловеческих норм и ценностей. Подобное ее понимание основывается на учете своеобразия этнических и региональных культур и является фактором формирования на их основе единого культурного пространства.

---

¹ Флиер А. Я О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 14.

² Там же.

Модели взаимодействия государства и культуры не однажды становились предметом специальных научных исследований. Однако вопрос о роли государства в системе развития культуры по-прежнему сохраняет свою актуальность для России. В этой связи целесообразно привести некоторую ретроспективу теоретических и прикладных моделей культурной политики.

Один из первых опытов концептуализации этой проблемы восходит еще в конце 60-х гг. XX в. и принадлежит французскому ученому, пионеру в области интеграции естественно-научного и гуманитарного знания Абрааму Молю. В ставшей уже классической работе «Социодинамика культуры» как образ недалекого будущего им представлена концепция «мозаичной» культуры. Рассматривая духовную жизнь общества в категориях массовой коммуникации с опорой на семиотику и кибернетику и выявляя роль государства в этом процессе, исследователь определяет две основных модели культурной политики – *социостатистическую* и *социодинамическую* – как наиболее характерные для наблюдаемого типа общества.

Социостатистическую модель характеризуют устойчивые признаки культурной политики, ее неизменные цели и институты. Практическая культурная политика в рамках этой модели реализуется в трех основных формах:

– *популистская* «демагогическая» культурная политика, направленная на простое удовлетворение потребностей большинства без учета каких-либо ценностных аспектов;

– *патерналистская* «догматическая» культурная политика, осуществляется путем «административного ресурса» в соответствии с определенными идеологическими установками;

– *эklekтическая* «культуралистская» культурная политика, в основе которой лежит система знаний и гуманитарная культура, понимаемые как непрерывное образование, движение идей и знаний и возможность их использования в процессе становления культуры в целом. Культура при этом отождествляется с ценностью, а общественная система сама регулирует правомерность и пропорциональность их распространения;

– альтернативная – *социодинамическая модель* культурной политики – и именно ей отдает собственные предпочтения А. Моль, строится на основе непрерывных изменений и обновления содержания и смыслов культурной жизни в каждую конкретную эпоху, она позволяет фиксировать динамику процессов, происходящих в культуре на уровне и содержания и формы. На уровне реализации имеет две основные формы:

- прогрессивная культурная политика – развивающая система, тяготеющая к динамическим трансформациям в целях модернизации социальной среды (новации во имя прогресса общества);
- консервативная культурная политика – встраивает конфигурацию общественной системы по принципу сохранения традиционных ценностей, которые позиционируются как залог устойчивого развития. При это следует учитывать, что непрерывное следование консервативной тенденции способна привести систему к стагнации: ее динамика постепенно теряет темп по сравнению с динамикой развития технологий и цивилизации¹.

По мнению А. Моля, основной задачей социодинамики культуры выступает разработка рекомендаций по целенаправленному управлению и регулированию процессами развития культуры, т. е. концептуализация культурной политики. Первый аспект повышения ее качества – увеличение «коэффициента разнообразия» как противодействие распространению стереотипных ценностей. Далее, увеличение дисперсии элементов «социокультурной» таблицы, способной трансформировать современную «мозаичную» культуру в культуру творческих личностей на основе новых этических принципов социальной организации.

Значительный эвристический потенциал в процессе понимания роли государства в культурной политике представляет также типологическая схема, предложенная экспертом ЮНЕСКО Миленой Драгичевич-Шешич, профессором кафедры менеджмента культуры и средств массовой информации Университета искусств в Белграде. Модели культурной политики выделены ею на основе двух базовых критериев: типа политического устройства государства и его места в культурной жизни. Исследователем описано и проанализировано четыре принципиально разных модели:

- *либеральная* культурная политика, обязательной характеристикой которой является свободный рынок товаров и услуг культуры. Основным субъектом ее реализации выступают творческие индустрии, финансирование осуществляется через частные благотворительные фонды;

- *государственная бюрократическая (просветительская)* культурная политика, где ключевым субъектом выступает государство, осуществляется через механизм социального (государственно-го) заказа, контроль обеспечивается разветвленным политическим, идеологическим и административным аппаратом. Степень творче-

---

¹ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 230–260.

ской активности, а также содержание и стиль культурной жизни диктуются государством, оно же выступает гарантом финансовой состоятельности сферы культуры. Такая культурная политика была характерна для стран бывшего СССР и его союзников, а также для Франции и западных стран социалистического типа (Швеция);

– *национально-освободительная* культурная политика, приоритетом которой является утверждение оригинальных культурных традиций, что в тенденции ведет к национализму и шовинизму. Такая модель характерна для бывших колоний и государств Восточной Европы и, как правило, порождает тенденции негативного отношения к культурам национальных меньшинств, альтернативному и экспериментальному искусству;

– культурная политика *переходного периода*, при которой демократические принципы пытаются внедрить с помощью командно-бюрократических методов. Данный тип культурной политики приводит к противоречивым последствиям, в частности, идет смещение культурной политики к националистическому фокусу¹.

Несомненный интерес представляет подход, в котором модель культурной политики строится исходя из роли в ней актора (индивида, институции, группы, общности людей, совершающей действия, направленные на других). К таким разработкам, как представляется, могут быть отнесены модели культурной политики, описанные экспертом ЮНЕСКО Андреасом Визандом, руководителем Исследовательского института культурной политики в Бонне, структурные элементы которых типологизированы по роли акторов (государства, рынка и др.) в регулировании и финансировании культурной жизни:

– культурная политика *общественной поддержки*, реализация и финансирование которой осуществляется государством, посредством специально созданных институций (художественных советов и др.), ориентирована на учреждения традиционного типа (театры, библиотеки, музеи). Значение менеджмента при таком типе культурной политики подчас выше чем собственно создателей продукта – благ и услуг культуры;

– *рыночно ориентированная* модель культурной политики, в основе которой лежат рыночные механизмы регулирования культурной жизни и преимущественно инициативная система финан-

---

¹ Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск, 2000. С. 36–37.

сирования. При этом рентабельность созданных продуктов часто выступает главным критерием состоятельности художника, подавляю свободу творческого самовыражения. Такой тип культурной политики представлен в основном на транснациональном уровне и, следовательно, оказывает негативное влияние на развитие национальных культур¹.

Еще один способ классификации моделей культурной политики находим в трудах канадских исследователей, экспертов Совета по делам искусству Канады Гарри Х. Шартрана и Клэр Мак-Кафи. Впервые такая схема была представлена в конце 1980-х гг. в ставшем уже классическом исследовании «Принцип вытянутой руки и искусство: международная перспектива – прошлое, настоящее и будущее»², впоследствии неоднократно корректировалась и уточнялась³. Последняя ее версия была опубликована Г. Шарфтаном весной 2016 г. Основой типологизации здесь выступает критерий финансирования, рассматриваемый в четырех концептуальных установках по отношению к культуре (в авторском оригинале – к политике в области изобразительного искусства):

– во-первых, *это государство как «помощник» («входни-тельница»)*. Государство-помощник финансирует культуру и искусство через удержанные налоги – так называемые налоговые расходы. Политическая цель в данном случае заключается в поддержании деятельности разнообразных некоммерческих любительских творческих инициатив. Государство-помощник поддерживает сам процесс творчества, а не конкретные типы или стили искусства. Кроме того, при этом не обеспечиваются поддержкой конкретные стандарты искусства, которые основываются на предпочтениях и вкусах корпоративных и индивидуальных доноров. При этом динамика культурной политики государства-помощника является случайной, поскольку изменения в поддержке изобразительного искус-

---

¹ See more: Karla, F. & Wiesand, A. Von der Industriegesellschaft zur Kultugesellschaft? Kulturpolitische Entwicklungen in der Bundesrepublik Deutschland. München, 1989.

² Chartrand, H. H., McCaughey, C. The Arm's Length Principle and the Arts: An International Perspective – Past, Present And Future, In *Who's to Pay for the Arts: The International Search for Models of Support*. N. Y., 1989, Pp. 43–80.

³ Chartrand, H. H. Funding the Fine Arts: An International Political Economic Assessment, In *Nordic Theatre Studies*, 2001, vol. 14. – URL: <http://artmarkets.files.wordpress.com/2009/09/chartrand.pdf>. Accessed August 12, 2016

ства отражают меняющиеся вкусы частных доноров. В государстве-помощнике экономический статус художника или художественного предприятия зависит от кассовой привлекательности, вкусов и финансового состояния его частных покровителей. Ярким примером государства-помощника следует считать США;

– во-вторых, *государство как «меценат» («патрон»)*, финансирующее искусство через специализированные советы. Правительство в данном случае определяет, какую совокупную поддержку следует предоставлять, но не берет на себя право определять, какие именно организации или художники должны получать поддержку. Совет состоит из доверенных лиц-попечителей, назначенных государством. Будучи введены в должность действующим правительством, попечители должны выполнять свои обязанности по предоставлению стипендий независимо от повседневных интересов правящей партии. Принятие решений, как правило, осуществляется советом по рекомендации профессиональных художников, работающих через систему экспертной оценки. Художественный совет поддерживает процесс творчества, в том числе и с целью продвижения стандартов профессионального художественного мастерства. Политическая динамика государства-мецената имеет тенденцию к эволюции, реагируя на меняющиеся формы и стили искусства, выраженные художественным сообществом. Экономический статус художника и художественного предприятия зависит от сочетания кассовой привлекательности, вкуса и предпочтений частных доноров и грантов, полученных от советов искусств. Примером государств, проводящих подобную культурную политику, являются Скандинавские страны и Великобритания;

– в-третьих, *государство как «архитектор»*: оно финансирует изобразительное искусство через министерство или департамент культуры: принятие решений в отношении художников и художественных организаций обычно осуществляется бюрократами. Государство-архитектор стремится поддерживать искусство, делая его частью системы целей, связанных с политикой социального обеспечения. Оно также имеет склонность к поддержке искусства, которое соответствует в большей степени ожиданиям общества, а не профессиональным стандартам художественного мастерства. Политическая динамика государства-архитектора имеет тенденцию быть революционной. Экономический статус художника в государстве-архитекторе, как правило, определяется членством в официальных артистических союзах. Как только художник получает членство в таком союзе, он становится, по сути, государственным служащим и

в определенной степени обретает стабильность доходов. Экономический статус художественного предприятия определяется почти исключительно прямым государственным финансированием. Касса и частные пожертвования играют незначительную роль в определении их финансового положения. Однако в отношении художественного выбора художественное предприятие обычно пользуется автономией от государства и его органов. Ярким примером государства-архитектора является Франция;

– в-четвертых, *государство как «инженер»*: оно владеет всеми средствами художественного производства и поддерживает только искусство, которое соответствует его политическим стандартам, не поддерживая сам процесс творчества. Решения о финансировании принимаются политическими деятелями, они предназначены для дальнейшего политического образования и не служат целям достижения художественного совершенства. Динамика политики государства-инженера имеет тенденцию к пересмотру: художественные решения часто изменяются с учетом меняющейся официальной партийной линии. Экономический статус художника определяется членством в официальных союзах, одобренных правящей партией. Человек, занимающийся творчеством и не принадлежащий к такому союзу, по определению не является художником. Все художественные предприятия являются государственной собственностью. Роль государства-инженера привлекательна для «тоталитарного» режима, поскольку оно фокусирует творческую энергию художников на достижении официальных политических целей. Однако многие западные правительства также считают данную роль правомерной в аспекте создания коммерчески жизнеспособной индустрии искусств, в которой мотив прибыли или «капиталистический реализм» играет идеологическую роль, аналогичную «социалистическому реализму».

Эти роли на теоретическом уровне выглядят взаимоисключающими, однако на практике в большинстве стран некоторые из них объединены или сочетаются. Так, в Соединенных Штатах Америки Национальный фонд искусств дополняет налоговые расходы («помощник») грантами для художников и организаций искусств, тем самым играя роль «мецената». В Великобритании Управление искусств и библиотек дополняет роль «мецената», которую играет Совет искусств Великобритании, предоставляя прямые гранты избранным искусствам и культурным объектам («архитектор»). Во Франции роль «архитектора» дополняется налоговыми расходами в поддержку благотворительных пожертвований на искусство –

таким образом проявляется роль «помощника», которую играет государство.

Интересным представляется следующее: как предложенная Г. Х. Шартрана и К. Мак-Кафи типология моделей культурной политики описывает различные этапы эволюции истории русской культуры. На это обстоятельство обращает внимание В. В. Матвиенко в своем достаточно подробном обобщении опыта западной теории культурной политики¹. Так, культурная политика типа «государство-меценат», позиционируемая канадскими теоретиками как один из самых совершенных способов поддержки культуры и творческих индустрий, была свойственна России XVIII–XIX в. и реализовывалась в форме актов благотворительности по отношению к культуре и искусству. Культурная политика типа «государство-архитектор» характерна для СССР периода 1920–1930-х гг., когда на сферу культуры как на часть системы общественно-государственных отношений были возложены политико-воспитательные задачи, при этом творческое сообщество было относительно автономным в выборе средств и методов собственной деятельности. В начале 1930-х гг. государственная культурная политика трансформируется в тип «государство-инженер». Эта модель соответствует советской культуре в ее тоталитарном и авторитарном варианте, когда все ее институты и субъекты были жестко поставлены на службу идеологии, характер и содержание творческого продукта определяло государство, исходя из собственных представлений и часто не принимая во внимание мнение творцов. Культурная политика постсоветского периода более всего тяготеет к модели «государство-патрон».

Практическая культурная политика в таком варианте реализуется посредством управления на расстоянии «*вытянутой руки*» (*the arm's length principle*). Данный принцип, впервые описанный Г. Х. Шартраном и К. Мак-Кафи, применяется в законодательстве, политике и экономике большинства развитых стран и заключается как в конституционном разделении полномочий между судебной, исполнительной и законодательной ветвями власти, так и в строгом разграничении функций между органами власти в федеративных государствах. Например, конституционную ответственность за образование в Канаде несут органы власти провинции, а не федеральное правительство. Однако международное представительство национальных интересов этой страны в сфере образования реали-

---

¹ См.: Матвиенко В. В. Модели государственной культурной политики в современном мире // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 52–55.

зуется посредством деятельности национальной комиссии Канады по делам ЮНЕСКО, которая находится в ведении Канадского совета по делам искусств. Аналогичное институциональное решение было достигнуто другими федеративными государствами, такими как ФРГ и Швейцария. Классическим примером «государства-патрона» является Великобритания.

Культурная политика, основанная на принципах «вытянутой руки», предполагает значительный уровень децентрализации и регионализации культурной жизни, что вполне соответствует тенденциям социокультурного развития современной России. Механизм реализации такого типа политики задается следующей системой взаимодействия: государство определяет нормативную рамку – издает законы и иные правовые акты, выделяет финансовые средства, распределение которых осуществляется специализированными организациями. На фоне этих процессов значительно усиливается роль экспертного сообщества, от профессионализма и знаний которого зависит эффективность проводимой культурной политики. При этом, как указывал Э. Тоффлер в своей работе «Метаморфозы власти», «знание перестало быть приложением к власти денег и власти силы, знание стало их сущностью»¹, следовательно знания, высокий уровень теории является «предельным усилителем» эффективности и ключом к пониманию происходящих изменений. Необходимо отметить, что модель «государство-патрон» в наибольшей степени соответствует общемировому прогнозу, сделанному Андреасом Визандом. Так, государство, являясь основным источником инноваций, будет стремиться обеспечивать сферу культуры необходимым ресурсом, а население – качественным культурным продуктом, имеющим ярко выраженный личностный характер². То есть мы видим нарастающую тенденцию демократизации культурной жизни и движение в направлении ее значительной диверсификации и роста разнообразия, когда во главу угла ставится человек с соответствующими этническими особенностями и культурными запросами. Так, например, в Паспорте Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)» одна из основополагающих задач культурной политики формулируется как «создание условий для обеспечения равной доступности культурных благ,

¹ Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2002. С. 40.

² See more: Mitchel, R. & Fisher, R. Professional Managers for the Arts and Culture? Training of cultural administrators and the art managers in Europe: Trends and Perspectives. Helsinki, 1992. P. 36.

развития и реализации культурного и духовного потенциала каждой личности»¹.

Как справедливо подметила О. Н. Астафьева, «проблемы культурной политики – это проблемы государственного и общественного статуса культуры»²; проблема определения теоретической модели и выбора реальных стратегий ее реализации представляется весьма актуальной для современной российской действительности.

В работе «Рифы современной российской культурной политики» И. Г. Хангельдиева пишет: «Под культурной политикой принято понимать научно обоснованную деятельность государства, направленную на поддержание и развитие культуры. Другими словами, государство предъявляет обществу модель взаимоотношения с культурой и искусством. Оно определяет основные приоритеты в этой области и предлагает основные пути их реализации. Обнародовав свою позицию, государство выступает гарантом ее реализации»³. Культуролог К. Э. Разлогов так определяет *задачи государственной политики* в сфере культуры:

- объяснение сохранения и развития субкультур. Разработка и внедрение норм и правил взаимодействия между различными культурными сообществами, проводящими свою культурную политику;
- стимулирование культур модернизационных элит;
- стимулирование творчества во всех его многообразных формах, в первую очередь в сфере искусств;
- переход от охранительной политики к поддержке инноваций и все более интенсивному взаимодействию культуры и глобальных процессов развития российского общества»⁴.

Государственная культурная политика представляет собой специфический инструмент стратегического управления, обеспечивающий целостность государства и раскрывающий перспективы его социокультурного развития.

---

¹ Федеральная целевая программа «Культура России (2012–2018 гг.)», утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 марта 2012 г. № 186.

² Астафьева О. Н. Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 53.

³ Хангельдиева И. Г. Рифы современной российской культурной политики // Культура и рынок: современные тенденции. М., 2009. С. 13.

⁴ Разлогов К. Э. Государственная политика в сфере культуры: точки отсчёта и основные проблемы // Культура России: информационно-аналитический сборник. М., 2010. С. 36.

По мнению Л. Е. Вострякова, основными *субъектами культурной политики* выступают:

- государство и его специальные органы в центре и на местах, осуществляющие законодательную, исполнительную, судебную и информационную власть;
- учреждения и организации культуры, которые актуализируются в различных традиционных и нетрадиционных организационных формах;
- общественные организации, население страны, выступающие в качестве как творцов культурных ценностей, так и их потребителей;
- бизнес-структуры (коммерческие организации, объединения, банки, меценаты) финансирующие отдельные мероприятия, стипендии, конкурсы и т.д.;
- средства массовой информации – важный элемент культурной политики, «приоритетный инструмент основных форм коммерческих и некоммерческих коммуникаций»;
- экспертное сообщество как совокупность экспертов (писатели и музыканты, ученые и политики, художники и педагоги), определяющие на основе анализа традиций и реалий культурной жизни концепцию ее движения на ближайшую или отдаленную перспективу;
- организаторы культурной жизни людей, менеджеры, работающие как в органах культуры, так и в конкретных учреждениях, «переводящие» концепцию культуры в конкретные программы и мобилизующие материальные, финансовые, кадровые и т.п. ресурсы на ее реализацию¹.

Реалией современности стало появление многих новых субъектов культурной политики: отдельных лиц, работающих в сфере творчества (независимые создатели, менеджеры в сфере культуры и т. д.), социальных групп, партий, институций различных форм собственности, которые принимают активное, сознательное участие в развитии культуры часто с единственной целью финансовой выгоды.

Между тем законодательная база в области меценатства и развития института частно-государственного партнерства в сфере культуры государством до сих пор не создана. Отношения государства и рынка в сфере культуры России сегодня можно охарактери-

---

¹ Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 142–143.

зовать как поиск некоего общего заменителя, позволяющего поддерживать устойчивое взаимовыгодное развитие.

Опираясь на известные определения культурной политики, опыт ее реализации, методологические посылки относительно политики в целом, можно предложить следующее понимание этого феномена: культурная политика – это *совместная деятельность государства и общества, выражающаяся в принятии нормативных правовых актов и программ, которые регулируют, защищают, поощряют и финансируют поддержку творческой активности, связанной с искусством и культурой, а также действий, направленных на сохранение и развитие языков, культурного многообразия, охрану культурного наследия* и др. В ней интегрируются различные составляющие, но доминирующим выступает духовное измерение личности и общества. По сути, культурная политика – это комбинация трёх составляющих:

- 1) стратегических целей развития культуры;
- 2) необходимых для этого финансовых, материальных и человеческих ресурсов;
- 3) правовой среды, или законодательного обеспечения культурной деятельности.

Вопросы взаимоотношения государства и культуры регулируются в законодательных документах. Статья 29 Конституции Российской Федерации отменила цензуру, сохранив только запреты на пропаганду социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды, а также социального, расового, национального, религиозного и языкового превосходства. Статьей 44 Конституции определены гарантии свободы «литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания», а также законодательная защита интеллектуальной собственности. Кроме того, в той же статье законодательно закреплены права на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям и обозначена гражданская обязанность «заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры»¹.

В настоящий момент наиболее ранним из действующих нормативно-правовых актов в рассматриваемой области являются «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»².

¹ Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М., 2009.

² Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утверждены Верховным Советом Российской Федерации 09 октября 1992 г. № 3612-1.

В свое время документ решил много задач и определил основы государственной поддержки культуры. В 1992 г. Правительством России принято Постановление «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ», по существу ставшее первой стратегической программой развития сферы культуры, лишенной политического подхода¹.

С 1992 г. в России был принят целый ряд нормативных правовых актов, регулирующих отдельные аспекты деятельности и отношений в области культуры, разъясняющих и конкретизирующих положения Основ законодательства. К их числу относятся: законы Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» (№ 1807-1 от 25.10.1991, в ред. от 12.03.2014), «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (№ 4804-1 от 15.04.1993); федеральные законы «О библиотечном деле» (№ 78-ФЗ от 29.12.1994), «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации» (№ 169-ФЗ от 17.11.1995), «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (№ 54-ФЗ от 26.05.1996), «О национально-культурной автономии» (№ 74-ФЗ от 17.06.1996), «О народных художественных промыслах» (№ 7-ФЗ от 06.01.1999) и др.².

Современную модель культурной политики в Российской Федерации можно охарактеризовать как политику *переходного периода* по классификации М. Драгичевич-Шешич и Б. Стойковича³, когда основным субъектом ее реализации выступает государство, а органы исполнительной власти играют ключевую роль в структурах управления культурой. Так, президент Российской Федерации как глава государства назначает министра культуры Российской Федерации и формулирует принципы и приоритеты национальной политики в своих указах и посланиях Федеральному Собранию. При этом последние годы ознаменованы формированием новой ценностно-ориентированной модели государственной культурной политики, концептуальным ядром которой выступают «Основы государственной культурной политики».

В 2014 г. специальным указом Президента Российской Федерации были утверждены «Основы государственной культурной

---

¹ О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ, утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации 22 апреля 1992 г. № 266.

² Полные библиографические ссылки на приведенные документы представлены в разделе «Источники».

³ Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск, 2000. С. 36–37.

политики» – фундаментальный документ, определяющий концептуальные положения реализации культурной политики в краткосрочной и долгосрочной перспективе, выработки стратегии развития духовной сферы общества и конкретной реализации целей, задач, принципов, направлений культурной политики государства в условиях вызовов XXI в. Анализ концептов и смыслов документа, а также глубокое понимание перспектив государственной культурной политики представлено в исследовании Ю. А. Лукина, крупнейшего из отечественных теоретиков¹. Основными принципами ценностно-ориентированной государственной культурной политики Российской Федерации выступают: *равенство граждан* (территориальное, социальное в правах на доступ к культурным ценностям и участие в культурной жизни); *свобода творчества* и невмешательство государства в творческую деятельность; *открытость* к взаимодействию с другими культурами; *децентрализация*, выражающаяся в делегировании государством части полномочий по управлению культурной жизнью структурам гражданского общества; дополняемые принципом соответствия принимаемых решений провозглашаемому целям. По мысли С. Т. Сагитова, четвертый принцип современной культурной политики – невмешательство государства в творческую деятельность – соответствует «принципу самоценности искусства»², называемому Дж. Лоусоном базовым в развитии общественной системы и духовного здоровья социума³.

Процесс разработки нормативных концептуально-стратегических рамок реализации культурной политики продолжался до конца 2016 г. и сопровождался масштабной дискуссией не только внутри экспертного сообщества, но во взаимоотношениях органов исполнительной власти, прежде всего Министерства культуры и Министерства финансов Российской Федерации. Своеобразным результатом достигнутого компромисса стала Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации № 326-р от 29 февраля 2016 г.

---

¹ См.: Лукин Ю. А. Основы государственной культурной политики как инновационный проект: ключевые слова, стратегия реализации // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 18–23.

² См. подроб.: Лоусон Дж. Культурная политика в Голландии // Театр. 1990. № 6. С. 147–149.

³ См.: Сагитов С. Т. О принципах государственной культурной политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2016. № 3. С. 23.

В условиях существующих вызовов и глобальных преобразований динамика культурной политики в России на современном этапе характеризуется символическим возвращением государства, как наиболее активного субъекта культурного развития, в эту сферы. Прямым подтверждением этого является принятие в последние годы множества концептуально-стратегических документов, которые определяют видение государством требований и ценностных ориентаций современного культурного развития. Кроме названных ранее Основ государственной культурной политики и Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 г., стоит упомянуть:

– План мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации 01 декабря 2016 г., № 2563-р;

– Концепцию долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации 10 июня 2011 г. № 1019-р;

– Концепцию развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2012 г. № 434-р;

– Стратегию развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р;

– Концепцию развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 2395-р;

– Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, утвержденные распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 02 августа 2017 г. № Р-965;

– План деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2016–2021 гг., утвержденный приказом Министерства культуры Российской Федерации от 13.10.2016 № 2296¹.

---

¹ Полные библиографические ссылки на приведенные документы представлены в разделе «Источники».

По мнению, А. Е. Востякова и А. С. Тургаева¹, наряду с нормативно-правовыми документами контуры новой ценностно-ориентированной модели государственной культурной политики образуют:

– Правительственная комиссия по вопросам государственной культурной политики, созданная с целью организационного, аналитического, и информационного обеспечения культурной политики, мониторинга достижения ее целей, координации действий всех субъектов;

– Ежегодный государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации, где представлена оценка текущего состояния культуры и эффективности государственного управления, тенденции и перспективы развития отрасли. Подготовка доклада возложена на Министерство культуры Российской Федерации и закреплена законодательно;

– Российский фонд культурного развития, в соответствии с «Основами государственной культурной политики» несущий основное бремя ресурсного обеспечения реализации государственной культурной политики, в том числе проектов, имеющих межведомственный, межрегиональный и междисциплинарный характер.

Реальный процесс создания фонда стал камнем преткновения в ожесточенных дискуссиях экспертов Министерства культуры и Министерства финансов Российской Федерации, под знаком которых прошел практически весь 2015 г. Отказ профильного ведомства обеспечить финансовую деятельность фонда привел к идее временной заморозки его создания. В ответ на это было предложено поддержать развитие культуры доходами от государственных лотерейных программ². Наконец, 31 октября 2016 г. Указом Президента Российской Федерации № 581 была создана Общероссийская общественно-государственная организация «Российский фонд культуры». Его деятельность направлена на:

– консолидацию усилий государства и гражданского общества по созданию условий для поощрения населения к творческой самореализации;

– сохранение культурных ценностей;

---

¹ См. подроб.: Востряков Л. Е., Тургаев А. С. Новая модель государственной культурной политики России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3. С. 6–16.

² Минфин отказался финансировать Фонд культурного развития [Электрон. ресурс] // Известия. 2015. 04 марта. – URL: <https://iz.ru/news/583487>.

- возрождение культурных традиций;
- продвижение русской культуры;
- поддержку развития культурного потенциала субъектов Российской Федерации.

Финансирование фонда на данном этапе будет осуществляться за счет бюджетных ассигнований, направляемых государством в Министерство культуры Российской Федерации.

В настоящее время невозможно оценить эффективность создания таких структур и их деятельность по причине отсутствия результатов из-за краткости времени, прошедшего с момента их основания. Однако можно констатировать завершение периода отмежевания государства от концептуального определения культурной политики на федеральном уровне. Россия за двадцать пять лет своего независимого существования проделала долгий путь и переключила свое основное внимание на решение социально-экономических проблем и развитие государственной культурной политики, адекватной современным условиям.

Анализ основных трендов развития современной культурной политики позволяет констатировать, что в основе приоритетных целей и направлений деятельности различных субъектов в сфере культуры выступают следующие принципы: взаимодействие в условиях культурного многообразия; создание условий для равного доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различных групп населения; эффективная интеграция в мировой культурный процесс; создание единого культурного пространства; обеспечение адаптации сферы культуры к рыночным условиям.

На сегодняшний день создана нормативно-правовая база, определяющая функционирование большинства традиционных субъектов культурной политики и направленная на реализацию конституционных прав граждан в сфере культуры. В то же время необходимы пересмотр существующих нормативных правовых актов, обеспечивающих реализацию государственной культурной политики, действия, направленные на консолидацию государственных функций по осуществлению культурной политики, но отнюдь не на утверждение ведомственного, секторального подхода к культурной политике.

1.3. Методологические основы культурного регионализма

Методологическая база регионалистики на этапе формирования опиралась на соответствующий круг проблем философии, культурологии, эстетики. При дифференциации областей система познания обогатилась региональными разделами естественных наук и обществознания: в XVII–XVIII вв. возникли региональная география, геология, статистика. Разрабатываемая В. Гумбольдтом, К. Риттером, В. К. Арсеньевым и др. теория районирования стала базисом региональной парадигмы, на основе которой к середине 50-х годов XX в. сложился комплексный научный подход, отвечавший необходимости синтеза знаний. В это же время Уолтером Айзардом, крупнейшим представителем школы пространственного анализа в географии, было определено само понятие «региональная наука» и началось внедрение подходов, наполнивших термин «регион» системным содержанием.

Как от мечтает Л. М. Мосолова, в настоящее время регионалистика в результате бурного развития превратилась в макродисциплину, обобщающую материалы специализированных исследований, полученные в рамках отраслевых дисциплин (археология, этнография, культурная антропология, история, география, лингвистика, экология и др.)¹.

Это сближает регионалистику с культурологией, делая их взаимодополняющими при изучении региона как культурно-цивилизационной целостности и комплекса существенных, устойчивых и динамичных способов бытия людей. Эквивалентом понятия «регион» в культурологии выступает понятие «историко-культурная зона» (Г. Лебедев, А. Герд), позволяющее рассматривать территориальные, ареальные единства и судить об эволюции культурных систем в рамках разных антропологических традиций. Смысловое ядро регионалистики существенно для культурологии как определяющее стратегию постижения свойств изучаемого объекта.

С этим тесно связано нахождение антропологических истоков регионализма, понимание его интегративной функции, диктуемой фундаментальными свойствами человеческой природы,

---

¹ Мосолова Л. М. Регионалистика и аксиология // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. СПб., 2000. С. 101.

двуединством человека как существа не только индивидуального, но и социального. История человеческих сообществ есть становление, развитие и смена инвариантов автономизации и интеграции жизнедеятельности в конкретных региональных пространствах. По мере усложнения культурно-цивилизационной деятельности происходит обособление в пределах единства.

Задача культурологии – изучить изменения в историко-культурных зонах, прояснить характер духовных процессов, смену ценностных ориентаций. Это делает необходимыми глубокие, широкоплановые исследования духовной культуры в различных регионах России, в больших и малых городах, селах и поселках.

Очевидно, что в настоящее время основные аксиологические проблемы региональной жизни до конца не концептуализированы и не изучены. На их выявление должны быть направлены социологические и культурологические исследования. На основе получаемых таким образом достоверных эмпирических результатов возможна разработка перспективных моделей развития духовной культуры и сохранения ее ценностного ядра для всей Российской Федерации.

Выделение концептов «регионализм» и «регионализация» как ведущих понятий, доминирующих в осмыслении происходящих общественных процессов, требует специального философско-культурологического анализа.

Интерес отечественной академической науки к проблемам регионализма во второй половине 1980-х находил свою реализацию в основном в рамках цивилизационного подхода, который предусматривает изучение регионального деления мира.

Анализ научной литературы показывает, что в социально-экономической географии, в региональной экономике, в теории государственного управления, в политологии термин «регион» используется не одинаково, в него вкладывают подчас весьма различные смыслы.

В работах по региональному развитию России понятия «территория», «регион» и «региональная система», как правило, тождественны и употребляются с упором на «административную составляющую». Так, сотрудники Института системного анализа РАН В. Н. Лексин и А. Н. Швецов отмечают: «Территорией мы называем определенную часть социального (в первую очередь населения), природного (в том числе природно-ресурсного и экологического), экономического, инфраструктурного, культурно-исторического и, наконец, собственно пространственного потенциала государства,

которая находится в юрисдикции субфедеральных или местных (муниципальных) органов власти»¹.

Понятие «регион» и производные от него словосочетания используются чрезвычайно активно, хотя лишь небольшое число исследователей утруждает себя предъявлением более или менее ясного определения сути данной категории. Чаще всего выделяют политико-административное содержание, отождествляя «регион» с территорией (областью, краем). Нередки и утверждения о том, что регион – понятие, не предполагающее однозначно фиксированного территориального масштаба. Регионами именуют, с одной стороны, и территории, принадлежащие нескольким субъектам Федерации, даже федеральным округам (так называемые мегарегионы), с другой стороны, и территории, меньшие по пространственному масштабу, но обладающие существенным значением для жизни людей и страны (так называемые субрегионы – районы, области, специальные экономические и социокультурные анклав).

Такой подход является отнюдь не бесспорным, вызывая возражения у ряда исследователей. Так, Л. Г. Олех пишет: «Во-первых, регион – это не только территория и население на ней. Во-вторых, регион – это не только ряд административных единиц, которыми являются область и край. Регион – это всевозможные и целесообразные уровни административного деления, обеспечивающие данному социальному организму необходимые для нормального существования и функционирования уровни “самости”, самостоятельности. В России это и области, и края, и республики, разные виды автономии. А с выходом в пространство бывшего СССР – это, при определенных условиях, и нынешние суверенные государства, существующие в пространстве СНГ»².

Современная региональная доктрина опирается на факт естественно-природных, экономических, этнокультурных и иных различий территорий. Специфика последних проявляется через ландшафтно-климатические особенности, степень хозяйственной освоенности, отраслевую структуру производства, уровень урбанизации и индустриализации, плотность и этнический состав населения, культуру и др.

---

¹ Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 1999. С. 24.

² Олех Л. Г. Философия регионализма // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 56.

Регион, как отмечает Л. Г. Олех, это «самодостаточный социальный организм, находящийся в единстве со средой, обладающий физико-географическими, культурно-цивилизационными, эколого-экономическими, этнически-историческими, политико-административными и правовыми свойствами и выступающий средством формирования и функционирования Федерации»¹. Однако в мире существует тенденция отхода от трактовки регионов как ландшафтно-организованных промышленных площадок, характеризующихся через комплекс инженерных или «жестких» инфраструктур. Более предпочтительной становится трактовка региона как среды, где высшей ценностью является «качество жизни» и социальные процессы измеряются по иным инфраструктурам – торговым, информационным, образовательным.

Хотя единого определения не существует, в общераспространенном значении «регион» – это обширный район, соответствующий нескольким областям одной страны или нескольким странам, который объединен историко-культурными, экономическими, географическими и иными особенностями. Важно подчеркнуть, что не следует подменять понятием «регион» понятие «общество», предполагая уменьшенное подобие последнего. Как специфическое социокультурное пространство регион преломляет в конкретике присущих ему свойств экономические, социальные, демографические и иные особенности общества. В этом смысле термин «регион» может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории ее нескольких субъектов². Применительно к задачам нашего исследования необходимо подчеркнуть наличие духовно-культурной общности людей, населяющих данную территорию, определяемую этнокультурным составом и историко-культурным потенциалом. Если структурировать понятие «регион» как совокупность признаков, то выявляются: устойчивое географическое пространство, обособленность, уникальность, этнокультурное локальное своеобразие. Н. М. Генова выделяет пять составляющих культурологического аспекта региона:

- ландшафтная;
- архитектурно-планировочная;
- этнокультурная;

---

¹ Там же. С. 58.

² См.: Субетто А. И. Региональное самосознание в контексте философии истории России как евразийской цивилизации // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 99–167.

- историко-культурная локализация;
- репрезентативность содержания культурного пространства¹.

Резюмируя вышеизложенное, регион можно определить как культурно-цивилизационную целостность существенных устойчивых и динамических признаков жизнедеятельности общности людей, которые выявляют идейную, ментальную и практическую идентичность в пределах определенной территории.

В практике социокультурного (и методологического) проектирования категория «регион» трактуется как обозначение границ тех связей, которые поддерживают самодостаточную целостность социально-экономической и культурной жизни сообщества. Иначе говоря, везде, где могут располагаться взаимные интересы (политические, экономические, производственные, хозяйственные, культурные, научные и т. п.), региональная организация управления предполагает образование связей. Более того, такого рода связи могут носить комбинированный характер с несимметричными интересами. Наконец, отсутствие связи между точками схемы организации региона («узлами») в данный момент вовсе не означает ее невозможности впоследствии. Одной из весьма существенных сторон идеи регионализации является отсутствие принципиальных ограничений на прокладывание связей: их организация и содержательное наполнение каждый раз осуществляются исходя из просматриваемой перспективы.

А. В. Ремнев и П. И. Савельев в развернутом предисловии к сборнику «Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.)» обосновали необходимость исследования причин и условий устойчивости российского государства в прошлом, а также механизмов, позволяющих сохранять стабильность на огромной территории, населенной разными народами, имевшими конфессиональные, социокультурные, экономические и политические различия².

На обширном и многообразном географическом пространстве российского государства в ходе исторического развития сложились большие территориальные общности – регионы, заметно выделяющиеся существенными отличиями в своем

---

¹ Генова Н. М. Инфраструктура культурного пространства региона как основа адаптации культурной политики // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 4. С. 239.

² Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). М., 1997. С. 5–19.

социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике. Отказавшись от узкого толкования термина («регион» как административно-территориальный субъект), можно рассматривать их как субъекты неоднородного исторического пространства¹ – естественные образования, в рамках которых осуществляется хозяйственная и социокультурная деятельность территориально идентифицируемого населения. Учсть, что регион обладает спецификой, ядро которой – уникальная регионообразующая доминанта.

Вопреки изменчивости административных и экономических границ, региональное сообщество сохраняет устойчивость: по накопленной «исторической инерции» население сознает себя принадлежащим к некоей территориальной общности, имеющей свою хозяйственную и социокультурную специфику. Региональная идентификация в определенной степени отделяет их от жителей других регионов². Такой самоидентификации, проявленной через локальную социальность и тенденцию к территориальной солидарности, присущ не столько этнический, сколько географический характер. Ее факторы – особые региональные интересы, социальное качество занимаемого пространства, значимые социокультурные, психологические и даже антропологические черты.

Традиционный в прошлом формационный, или историко-материалистический, подход не позволяет учесть плюрализм и многообразие оснований для самоидентификации административно-территориально-национально-региональной общности людей с присущими ей социально-экономическими инфраструктурами.

Интеграция в новую социальную общность, осуществляемая по новым ценностным основаниям, требует содержательного категориального анализа концепта «регионализация» и исследования конкретных общественных явлений, подтверждающих или раскрывающих содержание этого процесса.

При характеристике различий между пространствами проживания и установлении границ используют термин «локализация», но чтобы акцентировать внимание на самоопределении и активном участии граждан в принятии государственных решений, заменяют его словом «регионализация». В таких случаях «регион» означает

---

¹ См.: Гамаюнов С. А. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996. С.31.

² См.: Сверкунова Н. В. Исследование региональной идентичности: исторический аспект // Социология и социальная антропология. 1997. № 7. С. 321–328.

не территориальную характеристику чего-то крупного и обширного, а пространственно локализованное сообщество, объединенное факторами политической, организационной и бизнес-культуры (взаимосвязанными и/или взаимодополняющими сферами хозяйственной деятельности).

Регионализация по своей внутренней сути является обособлением и отграничиванием по принципу «наше – не наше», «мы – они», что, в свою очередь, связано с самоидентификацией, самоопределением и самоотнесением совокупности людей к определенной общности «региональных» материальных условий и духовных (национальных, конфессиональных и др.) ценностей.

Регионализация – определение своих интересов, потребностей и средств их реализации, а также разграничение взглядов и установок, мотивации и регулирования отношений.

Сотрудники Института гуманитарно-политических исследований, с начала 90-х гг. XX в. проводившие региональный мониторинг, понимали под регионализацией «совокупность политических, социальных, экономических, культурных, национальных процессов, происходящих в том или ином регионе и в регионах вообще, в которой (совокупности) усматривалось как спонтанное развитие специфических направлений, векторов, линий данной территории и провинции в целом, так и стремление областей и республик к оформлению двусторонних отношений с центром»¹. Подчеркивая существование «регионализации» как научно-практической проблемы, следует отметить, что в пространстве регионализации обнаруживаются следующие ее уровни или зоны:

1. стихийная;
2. идеологически-интеллектуальная;
3. официальная местная;
4. официальная центральная;
5. межрегиональная;
6. структурная (в смысле спонтанной коррекции государственного управления)².

Что лежит в основе явления регионализации интересов, потребностей и последующей консолидации территориальной общности вокруг выработанной концепции? Не всегда ее основанием служит национальное единство или идентичность. Чаще фундаментом

---

¹ Рыженков С. И. Регионализация: подмена понятий или изменение сути. – URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jan1994/Regional.htm>.

² Там же.

регионализации выступают национально-культурная общность, приверженность определенной системе ценностей (конфессиональные, национальные, культурные приоритеты, нравственно-этические нормы и пр.).

Власть как реальный субъект деятельности имеет свои характеристики. На внешние и внутренние обстоятельства инициируемых этим субъектом процессов оказывают воздействие природно-климатические, социокультурные, экономические, политические факторы, среди которых особенно важны пространственное размещение, институциональная структура, территориальная динамика, управленческая иерархия в дихотомии «центр – регион».

Термины «центр» и «регион» описывают систему властных отношений. С управленческой точки зрения, функции центра возложены на столицу (месторасположение высших учреждений государства, где принимаются стратегические управленческие решения). Центр является «местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей (политических, экономических, социальных, культурных) и большая часть агентов, занимающих эти доминирующие позиции»¹.

Институты государственной власти на федеральном уровне делегирует определенные полномочия в центральные учреждения регионов – структуры второго и третьего уровня. Делегирование редко совпадает *de jure* и *de facto*. Зачастую региональная власть сохраняет достаточно высокую степень управленческой автономности и, добиваясь повышения эффективности, выходит за пределы делегированных полномочий, с чем центр вынужден мириться: стремление не выпустить из рук контроль над подвластными уровнями сочетается с необходимостью допустить определенную самостоятельность на местах.

Регионализм имеет юридические, экономические, геополитические, исторические, культурные и иные трактовки, каждая из которых концентрируется лишь на каком-то одном аспекте, часто игнорируя остальные важнейшие характеристики. Понять суть проблем российского культурного регионализма, исходя из чисто юридического подхода к России как государству, чья Конституция фиксирует наличие 85 субъектов Федерации, весьма сложно, если вообще возможно. Проблема осмысления процессов реформирования и сопутствующих явлений с необходимостью диктует потребность анализа феномена регионализации.

---

¹ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 42

Политический аспект регионализма обычно проявляется как сознание административного, социально-экономического, юридического неравноправия, вызывающее стремление к автономии или даже к государственной обособленности. Намерение изменить административный статус имеет политическую подоплеку и может усиливать или ослаблять региональные позиции. При выявлении векторов региональной динамики считаем целесообразным учесть градацию фаз национального движения, предложенную Мирославом Хрохом. Он писал, что стихийно формируемое региональное самосознание и местный патриотизм могут – через политическую актуализацию и теоретическое конструирование региональной идентичности местными интеллектуалами (в лице политиков, общественных деятелей и ученых) – быть приведены к осознанным идеям административно-хозяйственной автономии и государственного сепаратизма¹.

Обострение подобных ситуаций обычно возникает при несоответствии административно-территориальных границ границам проживания общностей, которые связаны реальными потребностями экономики и политики. Регионализация в этом смысле есть объективный сигнал о необходимости иных, более широких объединений.

Крупные региональные образования, в свою очередь, воспроизводят схему структурируемого пространства, в котором наличествует свой центр и своя периферия.

Регионализм как нацеленность на создание условий для рационального распределения власти и ресурсов среди различных групп населения предполагает практическое использование ресурсов и возможностей, вытекающих из естественного территориального деления современных сообществ. Поэтому его идеология и практика внутренне присущи всем типам современных обществ, независимо от их размеров, уровня развития, особенностей политических структур и т. д.². Регионализм неизменно присутствует во внутреннем обустройстве общественных отношений на уровне историко-культурных особенностей, этнической специфики и не всегда принимает политический облик.

Термин «регионализм» по отношению к центральной власти (правительству) подчеркивает изначально существующие

¹ Хрох М. Ориентация в типологии // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 15.

² См.: Каганский В. Л. Реальности регионализации: основные аспекты процесса // *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития*. М., 1994. С. 171–175.

возможности и потребности, обусловленные пространственно-территориальным распределением сообществ и общностей. Независимо от признания или непризнания на официальном уровне, регионализм в пассивной форме есть различие привычек, обычаев, типов менталитета, публичной активности, культурных особенностей и т. д. Все это как элементы культурной идентичности, общей истории и географии способствует кристаллизации центров регионального притяжения, в политическом смысле – децентрализации власти.

Таким образом, регионализм неизбежно связан с самоопределением территориальной человеческой общности по отношению к социально-экономическим, культурно-историческим условиям существования. Идентификация каждого членов общности создает феномен «региональной идентичности», то есть отнесение себя к данной региональной общности. В этом смысле Роберт Даль и Эдвард Тафт указывали: «Чем более компактной и однородной является система, тем меньше вариации политических действий внутри нее, тем больший процент граждан придерживается единого кодекса поведения, нормы которого легко передаются словом и примером, а нарушения становятся видимыми. Следовательно, облегчается применение санкций посредством жестких или мягких форм социального воздействия и затрудняется уклонение от санкций... В небольшой системе снижается групповая лояльность и усиливается общая солидарность»¹.

Тщательный анализ и обоснованное различение понятий «*регионализм*» и «*регионализация*» предпринял В. Л. Каганский, выявив *новый процесс*, уже отчетливо наблюдаемый в социокультурной жизни современной России: «Естественно было назвать процесс, всецело связанный с регионами, то есть институциональными районами, и имеющий именно регионы главными участниками (субъектами, акторами) трансформации пространства – “*регионализация*”»². Регионализм же предстает идеологией и практикой существующих реально, то есть образующих районы в географическом смысле, общностей, обычно этнических и культурных. Важными функциями региональной идеологии являются «консолидация провинциального социума на основе принципов региональной солидарности», а также «концептуально-

---

¹ Dahl, R. & Tufte, E. Size and Democracy. Stanford, Calif., 1973. P. 76.

² Каганский В. Л. Основания регионального анализа в гуманитарной географии // Изв. РАН. Сер.: География. 1999. № 2. С. 42.

мировоззренческое обобщение недовольства провинциальных элит господством финансовой олигархии»¹.

Культурологические аспекты регионализма трактуются с различных позиций. Количественно преобладают две линии интерпретации. Согласно первой, культурное разнообразие само по себе признается препятствием для глобализации и интеграции общества, потенциальной угрозой стабильности общественного порядка. Согласно второй, для мирного сосуществования различных этнокультурных групп в рамках федеративного государства нужна особая культура, базирующаяся на толерантности и плюрализме.

По утверждению В. А. Бажанова, в условиях непоследовательной национальной политики 1990-х гг. сложились формы асимметричного регионализма, которые могут иметь необратимый характер². Полученный опыт показал, сколь важно проводить различие между этническими и региональными интересами.

Интересы, направленные на эффективное использование природных ресурсов, экологию или демографическую политику, могут удачно сочетаться с интересами коренных, или аборигенных народов. Барбара Харфф и Тед Гурр справедливо полагают, что «там, где люди различного этнического происхождения непосредственно конкурируют друг с другом по поводу одних и тех же ограниченных ресурсов, их этническая идентичность приобретает для них большое значение... Этнические группы мобилизуются при наличии двух условий – сильного чувства идентичности группы и воздействия неблагоприятных факторов... Основным показателем возникновения этнополитического конфликта является сплочение этнической группы, бросающей вызов другим, и сила и единство руководства ею»³. Степень идентичности группы зависит от ряда параметров (владение общим языком, численность конфессиональных групп, расовые признаки и общность истории, по крайней мере, на протяжении одного века).

Таким образом, «культурологическое измерение» регионализма выводит нас к феноменам этничности и к региональным вариан-

---

¹ Каганский В. Л. Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект // Экономика, политика, общество. Новые реалии России. М., 1992. Вып. 2. С. 86.

² См.: Бажанов В. А. О феномене национализма. Может ли Татария быть катализатором общероссийских тенденций? // Посев. 1998. № 10. С. 19–24; № 11. С. 13–16.

³ Gurr, T. and Harff, B. *Ethnic Conflict in World Politics*. Oxford, 2004. P. 126.

там идеологических конструкций. Этнокультурное разнообразие – фактор, который потенциально содержит в себе довольно серьезные политические проблемы для Российской Федерации. Путь разрешения таких проблем лежит через обеспечение социального порядка и создание гибко фрагментирующегося социокультурного пространства.

Как правило, термин «идентичность» является синонимом одинаковости, тождественности, обозначая совпадение каких-либо объектов: «Идентичность социальная – характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (половой, возрастной, экономической, этнической, профессиональной и т. д.)»¹.

Меняющиеся границы и темпы идентификации общностей в глобальном масштабе мультикультурного пространства современной эпохи, как и процессы «посттоталитарной эпохи» в восточноевропейских странах Балтийского региона, с 1990-х гг. устремившихся в «общеевропейский дом», приобрели ныне особый интерес и значимость.

С. И. Барзилов считает, что «центр тяжести проблемы» – в кризисе социальной мысли, столкнувшейся с неразрешимыми в условиях настоящего момента альтернативами. По мнению ученого, глобализация социокультурных процессов совпала с оживлением архаических норм, в частности, с регенерацией этнического архетипа. Резонансом этого стали конфликты посттоталитарной эпохи (на пространстве бывшего СССР и бывшей Югославии). Интегрирующее начало в каждом конкретном обществе резонирует с национальной идеей. Новейшие технологии усложнили социальную структуру и систему социальных функций, однако упростили (до рубежа выживаемости индивидов и структур) индивидуальные и групповые стимулы поведения и ментального восприятия².

Существующие ныне общности (политические, религиозные, культурные, этнические, профессиональные) действуют в масштабах, превосходящих размеры самых крупных государств. Постмодернисты видят в этом корень распространения внерегиональных, внегосударственных и внетерриториальных форм самоструктурирования политических, экономических, социальных, культурных,

---

¹ Российская социологическая энциклопедия / под. общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 143.

² Барзилов С. И. Концептуализация региональной идеологии власти // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI в. Ульяновск, 1998. Вып. 4. С. 5.

этноконфессиональных и иных изменений. Как пишет Джозеф Камиллери, «мы живем в период перехода к новой форме гражданского общества, где нет ясно очерченных границ, базирующихся на принципе национальной идентичности»¹.

Постмодернизм утверждает: сегодняшний мир – мир полифонии и конфликтующих друг с другом неравенств, что воплощено (в том числе) и в форме «национальных идентичностей». Апологеты «глобального гражданского общества» недооценивают ренессанс национальных идей. Однако, например, Здравко Млынар полагает, что формы территориальной идентификации в реальности гораздо сильнее всех известных вариантов транснациональных или национальных общностей: «В демократических или авторитарных странах, на Западе и в третьем мире, международные движения сегодня испытывают болезненный возврат к локальным формам за счет потери значительной части своей аудитории. Все универсальные братства, будь то коммунизм, исламизм или христианство, доказали свою неспособность ослабить привязанность человека к своему кусочку земли, который выступает в качестве необычайно эффективного символа»².

В работах Раймона Бретона идентичность выступает как модель восприятия людьми самих себя и тех групп, в которые они входят. Она может проявляться на основе возможностей и интересов людей, ландшафтно-географических условий, коммуникаций и ресурсных запасов и опирается на исторический опыт, общее культурное наследие, религию и язык. Р. Бретон подчеркивает три основных момента. Первое, идентичность – то, что может привести к созданию практических возможностей, которые реально отвечают интересам людей. Второе, идентичность повышает уровень взаимозависимости: у людей, привыкающих воспринимать ее как постоянную характеристику жизни (география, пользование одними и теми же транспортными коммуникациями и энергоресурсами, наличие общих противников), растет чувство идентичности региона. Третье, это чувство и есть само по себе опора на исторический опыт, общее культурное наследие, религию и язык³.

---

¹ Camilleri, J. Rethinking Sovereignty, In *Contending Sovereignties. Redefining Political Community*. Boulder, CO, 1990. P. 35.

² Mlynar, Z., Local Response to Global Change, In *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1995, vol. 540, P. 152.

³ See more: Breton, R. *Ethnic Relations in Canada: Institutional Dynamics*. Montreal and Kingston, 2005.

Существует подход, предполагающий, что человеческие сообщества сами формируют среду и вполне возможно создать нечто адекватное их общим интересам. Согласно такой «конструктивистской» точке зрения, люди рациональным образом избирают культурную парадигму развития, способную сделать их членство в этнической или социальной группе выгодным и наиболее для них удобным. Сторонники данного подхода уповают на рациональные начала жизнедеятельности этнических групп.

* * *

Подытоживая содержание настоящей главы, следует отметить, что анализ концепций и подходов к определению духовных ценностей в истории западной и отечественной гуманитарной мысли приводит к выводу о том, что они возникают как система защиты базисной структуры идентичностей, характерной для данной культуры. Ценности являются реакцией сознания на процесс самоидентификации и систему идентичностей сознания.

Краеугольным камнем в выстраивании целостной, эффективной и созидательной региональной культурной политики является укрепление идентичностей, способствующих гармонизации общества. Если система идентичностей индивидуума отличается непостоянством, индифферентизмом или размытостью, то и система ценностей у него также непостоянна, индифферентна или размыта. Без учета идентификационной основы ценностно-нормативный подход может создать неустойчивую систему, поскольку смыслы ценностей и задаваемых ими норм зависят от изменения системы базовых идентичностей.

Обоснованная система ценностей, укорененная в систему идентичностей, определяет процесс формирования гармонично развитого целостного человека, стабильность развития социума, устойчивость социально-политических систем и поступательный сбалансированный прогресс всего человечества.

Насущная задача нынешней культурной политики – создать условия для того, чтобы нормативная основа привела к гармонизации системы ценностных ориентаций. В качестве основных направлений этой деятельности может выступать следующее:

– инкультурация всего объема культурного наследия в русло культурной политики в таком ценностном освещении, которое будет формировать неконфликтное восприятие любых объектов ценностного отношения в свете позитивных ценностных оценок;

- формирование у субъектов традиционной системы базовых идентичностей: индивидуальной, половой, семейно-родовой, этнической, гражданской, цивилизационной, общечеловеческой, религиозной, духовной;
- формирование системы социально одобряемых положительных ценностей в качестве принятого норматива;
- нормативное определение социально неодобряемых ценностей, т. н. антиценностей в качестве негативно оцениваемых.

В сложившейся ситуации значительная часть российской управленческой элиты, общественных групп и институтов осознала тот факт, что культурная политика является самостоятельным междисциплинарным типом государственной политики, реализация которой позволит сохранить российское общество и, как следствие, государство в целом в краткосрочной перспективе и обеспечить позицию Российской Федерации на глобальной геополитической арене как самодостаточной цивилизации, которая в долгосрочной перспективе займет место между культурами Запада и Востока. При этом важен особый контроль политической власти над процессами формирования местных элит в национальных республиках.

В целом можно констатировать, что государство вернулось к пониманию того, что экономическая и социальная модернизация страны в исторически короткий период, а также переход на интенсивный путь развития, обеспечивающий готовность государства и общества к решению проблем современного мира, представляется невозможными без инвестиций в человеческий капитал, причем культура является основным инструментом таких инвестиций.

Практическое применение намеченных в данном разделе методологических установок предполагает анализ нормативно-правовых документов субъектов Российской Федерации, регламентирующих сферу культуры и региональную культурную политику на предмет соответствия смыслов различных ценностей и норм в региональной культурной политике базисным ценностям и заявленным в официальных документах целям и задачам государственной культурной политики.

ГЛАВА 2

Региональная культурная политика и социокультурное развитие современного российского общества

2.1. Региональная культурная политика на современном этапе: основные направления и тенденции развития

Происходящая с начала 90-х гг. XX в. трансформация российского общества радикально изменила модели и регуляторы социальной деятельности в большинстве сфер общественной жизни. Доминировавшая патерналистская система управления, политическим ядром которой была КПСС, уступила место многообразию относительно автономных субъектов социальной системы, обладающих различной степенью свободы в принятии управленческих решений. Вместо заданных командно-административной системой рамок поведения появлялась возможность реализовать различные типы действия. Среди таких субъектов и структур необходимо прежде всего отметить регионы, которые с началом 90-х гг. прошлого века получили определенную свободу в области политического, экономического социального и духовного развития.

Это обстоятельство актуализировало необходимость концептуальной разработки региональной культурной политики, а также системы мер и механизмов ее практической реализации. Вновь возникшие региональные модели и стратегии развития социально-культурной сферы, опираясь на различные ресурсные и ценностные основания, должны были коррелировать с общими правовыми рамками, морально-нравственными нормами, отражающими степень свободы в условиях плюрализма, с одной стороны, и корпоративные потребности общества, с другой. Однако социальная трансформация и общества в целом, и отдельных регионов оказалась процессом гораздо более длительным, чем изначально представлялось политикам и ученым. Эта растянутость во времени была обусловлена глубиной проводившихся преобразований, исключительными размерами страны, различным уровнем экономического и социально-культурного развития ее регионов.

При этом было очевидно, что потенциальная ресурсная база региона, включающая и социально-культурные ресурсы, не всегда соответствовала нормативным представлениям региональных сообществ и политической элиты о стратегических направлениях развития. Как отмечал И. Е. Дискин, в начале трансформационного процесса в широких общественно-политических кругах гораздо больше внимания уделялось обсуждению различных аспектов преобразований в политике и экономике, чем реформам социокультурной сферы, реально возможным в конкретно-исторических условиях регионов¹.

Таким образом, сам феномен региональной культурной политики, не получив должного концептуального обоснования, трансформировался в набор практических, часто ситуативных действий по сохранению культурного наследия и культурного потенциала российской провинции в условиях сложных межбюджетных отношений и «парада суверенитетов», наблюдавшегося в 90-х гг. прошлого столетия.

В начале XXI в. сложилась уникальная ситуация, когда с точки зрения внутренних потребностей и включения в процесс глобализации на передний план выдвигается именно регион, предстающий не только в качестве полноценного субъекта Федерации, но и как суверенный ограниченный субъект глобализации². Данное наблюдение свидетельствует о том, что разработка концептуального аппарата региональной культурной политики по-прежнему оставалась одной из актуальнейших проблем социокультурного развития государства.

При определении региональной культуры как надэтнической структуры, которая складывается и существует на протяжении длительного исторического периода в определенном географическом ареале, нужно исходить, как представляется, из дефиниции понятий «культура региона» и «региональная культура», данных И. Я. Мурзиной. Она полагает, что за «дифференциацией этих понятий кроется понимание, что существуют формы и механизмы, которые превращают культуру региона в региональную культуру..., что позволяет включить понятие региональной культуры в типологический ряд историко-культурных явлений»³.

---

¹ Дискин И. Е. Культура: стратегия социально-экономического развития. М., 1990. С. 58–62.

² См.: Литке В. В. Регионы-субъекты Российской Федерации в условиях глобализации (миросистемный подход) // Социум и власть. 2014. № 1. С. 51–54.

³ Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: Бытие и самознание: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2003. С. 8.

Региональную культурную политику можно рассматривать и как своеобразный инструментарий, позволяющий обнаружить и осознать многообразие региональных интерпретаций, очертить специфику региональной культуры в сочетании общих и особенных ее характеристик. По мысли В. Л. Каганского, «задавая пространство самоопределения региона на пересечении глобальных тенденций мирового развития и индивидуальных смыслов человеческой жизни, культурная политика предлагает новые образы региона, формирует из множества видений то новое, которое вмещает в себя образ будущего»¹.

Доминирующую общую направленность региональной культурной политики можно обозначить как нацеленность на сохранение, освоение и передачу будущим поколениям культурного наследия, поддержку профессионального искусства и самодеятельного художественного творчества, распространение всех форм культуры среди максимально широким из оснований для становления региональной культурной политики в России стали утвержденные Президентом страны в 1996 г. Основные положения региональной политики в Российской Федерации². В настоящее время этот документ актуализирован в соответствии с новыми реалиями и тенденциями государственного строительства. В качестве основной дефиниции взамен «региональной политики» на первый план выходит категория «государственная политика регионального развития», под которой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 13 от 16 января 2017 г. понимается «система приоритетов, целей, задач, мер и действий федеральных органов государственной власти по политическому и социально-экономическому развитию субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»³.

Региональная политика в России имеет достаточно глубокую историю, при этом следует учитывать, что до определенного момента она не носила концептуального характера. Тем не менее проявления региональной политики прослеживаются на протяжении всей

---

¹ Каганский В. Л. Региональная аналитика и видения регионов // Кентавр. 1998. № 20. С. 26.

² Основные положения региональной политики в Российской Федерации, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 03 июня 1996 г. № 803.

³ Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г., утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13.

истории государства Российского. Отдельные ее элементы были свойственны деятельности великокняжеской власти по укреплению централизованных начал в государстве во время объединения русских земель вокруг Москвы, в процессе воссоединения Украины с Россией и последующего расширения территории страны.

Но представлять эти конкретные и целенаправленные действия Российской империи как явление системное не представляется возможным. Слишком много было факторов, не способствовавших формированию устойчивых императивов региональной политики: например, волюнтаризм, связанный с мощным влиянием царского двора, слабо развитая инфраструктура и многое другое.

Системная работа по практическому формированию теоретико-методологических основ региональной политики началась в 20-е гг. XX в., когда перед страной во весь рост встали вопросы хозяйственного и культурного возрождения. Этому в значительной степени способствовала крупномасштабная работа по экономическому районированию страны, ее административно-территориальному устройству. Была проведена огромная работа по совершенствованию государственного управления, экономического районирования, территориально-производственного комплексобразования, территориального планирования и т.п.

В современной научной литературе все больше утверждается точка зрения, что история становления региональной политики в стране прошла пять основных этапов. При этом следует иметь в виду, что последовательность и логика их содержания вытекала зачастую не из задач, вызванных самим ходом исторического развития региона, и строилась, исходя не из глубоких научных проработок, а следовала за изменением общественных условий и политических задач, выдвигаемых на каждом этапе развития страны. Это не всегда благотворно сказывалось на социально-экономическом благополучии как регионов, так и государства в целом. Региональная политика России в советский период испытывала на себе мощнейшее влияние общественно-экономических условий и социально-политических факторов, в которых она развивалась.

Первый этап (1920–1932) – это период интенсивного выстраивания региональной политики. Задачи строительства социализма требовали громадного внимания к экономике, что предполагало внедрение территориального разделения труда, придание известной самостоятельности в развитии территорий. Была изменена старая система административно-территориального деления страны. При этом, несмотря на допущенные ошибки и просчеты,

в целом учитывались факторы, составляющие специфику региональной жизни (экономические, национальные, природные, исторические и др.).

Ядром региональной политики на этом этапе стал принятый в 1920 г. план государственной электрификации России (ГОЭЛРО). Согласно этому плану в стране намечались коренная перестройка энерговооруженности промышленности и создание мощного отечественного машиностроения. По плану ГОЭЛРО создавалось 8 районов: Северный, Центрально-Промышленный, Южный, Приволжский, Уральский, Кавказский, Западно-Сибирский, Туркестанский. Тем самым была предпринята попытка экономического районирования страны на основе развития энергетики. При всем своем положительном влиянии на экономическое развитие страны план имел и существенные недочеты. Так, им были охвачены не все регионы: создатели плана не включили в него районы Восточной Сибири и Дальнего Востока, что существенно сужало его эффективность. Вместе с тем в ГОЭЛРО получили развитие основополагающие принципы размещения хозяйственных объектов и территориальной организации общества, которые предусматривали:

- создание субъектов, способных организовать хозяйственную и социальную политику государства на своих территориях;
- организацию функционирования национально-политических образований, способных обеспечить не только юридическую, но и фактическую ликвидацию социально-экономического неравенства народов. В соответствии с ленинской национальной политикой предполагалось ускоренное развитие национальных окраин страны;
- создание таких территориальных хозяйственных единиц, которые были бы способны обеспечить эффективное развитие, прежде всего промышленное, конкретной территории, а также включение ее в общегосударственную систему территориального разделения труда.

В основу регионального развития были положены установки создания в каждом из указанных экономических районов крупных комплексных хозяйственных структур, завязанных на мощные энергетические узлы, что предполагало задействование всех естественных и общественных ресурсов. Создание таких мощных территориально-производственных комплексов стало важной составляющей стержня государственной региональной политики. Это позволило определить ее приоритетные направления, свя-

занные с решением социальных вопросов, а также экономически эффективного производства. Данные мероприятия впоследствии потребовали пересмотра карты административно-территориального и национально-территориального деления.

Второй этап (1933–1956) – время, когда произошел отход от экономического принципа региональной политики. В 1928 г. руководство страны отказалось от так называемой новой экономической политики (НЭП). Это было связано с тем, что к началу 30-х гг. XX в. была в основных чертах завершена работа по созданию административно-командной системы управления страной.

В 1938–1940 гг. была разработана новая сетка экономических районов СССР, которая отражала успехи развития народного хозяйства каждой из союзных республик, а также экономических районов и страны в целом. По новой схеме, утвержденной правительством, территория СССР делилась на 13 крупных экономических районов: Центральный, Северо-Западный, Европейский Север, Поволжье, Северный Кавказ и Нижний Дон, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальне-Восточный, Южный (Украинская ССР и Молдавская ССР), Западный (Белорусская ССР, Литовская ССР, Латвийская ССР и Эстонская ССР), Закавказский (Грузинская ССР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР), Средняя Азия и Казахстан (Казахская ССР, Узбекская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР и Туркменская ССР).

Новое районирование позволило добиться ощутимых успехов в развитии экономики. Была углублена специализация отдельных районов, что позволило комплексно решать проблемы развития народного хозяйства. В стране возникали крупные народнохозяйственные объекты, что требовало привлечения к созданию промышленного потенциала усилий нескольких регионов и даже всей страны. Это диктовало и необходимость усиления экономических связей между регионами.

Вместе с тем эволюция экономики и региональной жизни в этот период в основном осуществлялась под влиянием политических установок. В результате гипертрофированное развитие получили отрасли, связанные с военно-промышленным комплексом. Волонтаризм и субъективизм присутствовали в решении вопросов комплексного развития республик, подъеме отсталых регионов страны. В экономической жизни возобладали «нажимные» методы руководства, в полной мере проявила себя бесперспективная модель «бюрократического социализма».

Третий этап (1957–1964) – в истории советского общества известный как «семилетка». В этот период была предпринята попытка реформирования системы управления народным хозяйством. Основной преобразований стало создание совнархозов, что предполагало ослабление ведомственно-отраслевого управления, сложившегося к этому времени в полном объеме, и передачу части управленческих функций на места. В этих целях в 1963 г. было осуществлено новое экономическое районирование. Страна была поделена на 18 экономических районов с учетом их природных и экономических особенностей: Центральный, Северо-Западный, Центральнo-Черноземный, Волго-Вятский, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Восточно-Сибирский, Дальне-Восточный, Западно-Сибирский, Прибалтийский (Прибалтийские республики вместе с Калининградской областью), Закавказский (включивший республики Закавказья). На Украине было образовано три района: Южный, Юго-Западный и Донецко-Приднестровский. Кроме названных были созданы Казахстанский, Белорусский экономический районы. Молдавия составила отдельное территориальное образование, не входившее ни в какой экономический район. Половинчатость реформы выразилась в том, что совнархозам не передавались в полном объеме управленческие функции на территориях, что неизбежно приводило их деятельность в противоречие с интересами местных органов власти.

Четвертый этап (1965–1985) – в этот период руководством СССР была предпринята попытка обеспечить сочетание отраслевого и регионального развития. В 1982 г. Северо-Западный экономический район был разделен на два – Северный и Северо-Западный. Таким образом, в стране сложилось 19 экономических районов. На этом этапе активизация работ по территориальной организации общества не привела к конкретным действиям по решению стратегических задач региональной политики.

Пятый этап (1986–1991) известен под названием «перестройка», в течение которой была предпринята попытка отказаться от старых методов руководства страной. Однако реализация этой цели, предпринимавшаяся без глубоких теоретических проработок, зачастую проводилась сверху волевыми методами. В части региональной политики выделялись три направления:

- решение межотраслевых региональных проблем общесоюзного значения;
- коренная перестройка хозяйства промышленных районов с целью модернизации уже сложившихся индустриальных баз общесоюзного значения;

– создание новых межотраслевых территориально-производственных образований общесоюзного значения, в том числе и совместных с зарубежными фирмами¹.

Все намечаемые меры по перестройке управления народным хозяйством, включая региональный аспект, остались невыполненными в силу их аморфности, необоснованности с научных позиций. В этих условиях распад СССР оказался предрешенным вопросом.

После 1991 г. в Российской Федерации в целом сохранилось прежнее деление на экономические регионы, предполагавшее наличие одиннадцати крупных экономических районов: Северо-Западный, Северный, Центральный, Центральнo-Черноземный, Волго-Вятский, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальне-Восточный.

В конце XX – начале XXI вв. в отечественном социально-политическом дискурсе активно обсуждался вопрос о разграничении полномочий между Российской Федерацией в целом, ее субъектами и органами местного управления в области культуры. Конституция относит установление основ федеральной политики и федеральные программы в области культурного развития к компетенции Российской Федерации, а общие вопросы культуры – к совместному ведению Российской Федерации, и субъектов Российской Федерации. Однако «совместное ведение» – понятие сложное, поэтому долгое время между центром и регионами шла острая дискуссия. Принятием Федерального закона «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» в 1999 г. были установлены механизмы реализации конституционных норм².

В настоящее время данный закон утратил силу, и действующим нормативно-правовым актом, регламентирующим правоотношения в данной сфере, является Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государствен-

---

¹ См. подроб.: Гладкий Ю. Н. Чистобаев А. И. Регионоведение: учеб. для вузов. М., 2002.

² Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

ной власти субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)¹; однако с его принятием базовые принципы разграничения полномочий и предметов ведения остались неизменными.

Стоит отметить, что переходный период имплементации Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закончился в январе 2009 г. В результате все его положения вступили в силу на территории всех субъектов Российской Федерации². Это означает, что процесс масштабной децентрализации системы управления закончился. Он сформировал три различных уровня осуществления культурной политики: федеральный уровень с Министерством культуры Российской Федерации во главе; региональный уровень с органами исполнительной власти в субъектах Российской Федерации во главе; муниципальный уровень с органами культурных муниципалитетов, которые часто не существуют в структуре муниципальных исполнительных органов или интегрированы в многоцелевые отделы, офисы и т. д. Поэтому можно заявить о кристаллизации современной многоуровневой системы управления культурными процессами и ее значительной децентрализации.

В процессе осуществленного в 2000-е гг. перераспределения полномочий местного самоуправления в рамках осуществлявшейся административной реформы были существенно расширены полномочия региональных и местных (муниципальных) властей. Этот процесс нашел свое отражение в Основах законодательства Российской Федерации о культуре – изменения коснулись до 60% статей федерального закона. В целях оптимизации государственного бюджетного финансирования сферы культуры была обозначена стратегия на развитие частно-государственного партнерства в сфере культуры.

Качественно новый этап в эволюции региональной культурной политики в Российской Федерации был обозначен принятием Методических рекомендаций субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организа-

---

¹ Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

² Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

ций культуры, утвержденных Минкультуры России от 02 августа 2017 г. № Р-965¹. В этих принципиально новых рекомендациях государство официально признало существование субъектов культурной политики, частной собственности и сделало их неотъемлемой частью культурного развития. Следует отметить, что сравнение различных научных и управленческих подходов к реализации государственной культурной политики предполагает, что до недавнего времени отсутствие четких позиций государства по этому вопросу, проявляющееся как в концептуальных терминах, так и в реалиях государственной культурной политики, отрицательно влияло на всю инфраструктуру социокультурной жизни российского общества. В сложившихся исторических условиях каждому новому поколению граждан необходимо в определенном смысле слова ассимилировать предыдущие и разработать новый инструментарий общих ценностей и норм, переосмысленный в изменившихся обстоятельствах. Проблема отсутствия до недавнего времени концептуального видения реализации государственной культурной политики на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) и ее роли в социальном развитии, несомненно, носила культурный характер. Этот факт превращает ее в предмет научного внимания в ряде гуманитарных наук (политология, социология, антропология, искусствоведение, философия, теория и история культурно-образовательной и социокультурной деятельности и т. д.).

Постепенное становление региональной культурной политики как самостоятельного направления управленческой деятельности актуализировало потребность в ее теоретическом анализе. В числе основных направлений такого анализа следует назвать следующие важные проблемы:

- определение ценностей и целей культурного развития на национальном, региональном и местном уровне;
- анализ политических институтов и процессов, связанных с формированием и реализацией культурной политики;
- изучение основных моделей финансирования учреждений культуры и искусства, включая бюджетное (общественное) финансирование;

---

¹ Методические рекомендации субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры, утверждены распоряжением Министерства культуры Российской Федерации от 02 августа 2017 г. № Р-965.

2.2. Региональная культурная идентичность: ценностное измерение

- разработка системы количественных и качественных показателей оценки эффективности деятельности конкретных учреждений культуры и искусства и культурной политики в целом;
- сравнительные исследования моделей культурной политики различных стран и регионов.

Большинство теоретиков сходятся в признании того, что в региональной культурной политике как деятельности органов исполнительной и законодательной власти по управлению процессами социально-экономического и культурного развития территорий можно выделить два аспекта: экзогенный и эндогенный.

Внешний по своему происхождению экзогенный аспект характеризует деятельность центральных органов государственной власти, осуществляющей культурную политику с учетом интересов развития конкретного региона; это усилия государства, направленные на достижение баланса в социокультурном развитии регионов, формирование значимых результатов и эффективности реализации культурной политики.

Эндогенный аспект региональной культурной политики, внутренний по своему происхождению, означает систему мер и механизмов деятельности региональных органов государственной власти с учетом интересов общенациональной культурной политики. Региональная культурная политика в данном аспекте представляет собой законотворческую, концептуально-стратегическую, информационно-методическую, конкретно-практическую деятельность региональных и местных органов государственной власти, нацеленных на эффективное использование культурных ресурсов региона, повышения роли культуры в жизни региональных сообществ, становление системы ценностей и формирование общероссийской гражданской идентичности, создания условий для гармоничного развития каждой личности.

2.2. Региональная культурная идентичность: ценностное измерение.

При исследовании особенностей применения ценностного подхода к анализу региональной культурной политики необходимо иметь в виду, что изучение человеческих ценностей – важный источник понимания проблем современности. Смысл таких ценно-

стей, как справедливость, патриотизм, гражданская идентичность, семья и т. д., варьируется в зависимости от принимаемой системы идентичности. Определяющие для индивидуумов идентификации себя с этносом, нацией (гражданская идентичность), религией формируют разные смыслы ценностей и реализуемых в культурной политике нормативов.

По мнению социологов, современная Россия пока находится на промежуточной стадии – между распадающейся идентичностью советской и не до конца состоявшейся российской национально-государственной идентичностью. Тем не менее, процесс этот идет. Так, по данным опубликованного в 2008 г. аналитического доклада, с общностью, называемой «советский народ», ассоциируют себя часто – 18% опрошенных, иногда – 41%, никогда – 42%, в то время как «гражданами России» считают себя 36% опрошенных (около половины – 49% уточнили: иногда). Но наиболее сильное чувство общности люди испытывают к представителям своей национальности: часто – 55% опрошенных, 38% испытывают такое чувство время от времени. Граждане с высоким материальным достатком чаще мыслят о себе и о других людях в категориях этнической принадлежности (с ней ассоциируют себя 65%) и жители мегаполисов (74%)¹. Данные опроса свидетельствуют, в частности, о том, что в системе идентификации граждан нашей страны существует ряд проблем, которые нужно решать с помощью правильной и тщательно выверенной ценностно ориентированной региональной культурной политики.

Главнейшей для человека функцией социальной идентификации является возможность зафиксировать единство собственных персональных потребностей и интересов с интересами социальных общностей, которые (даже если сам он этого до конца не осознает) обеспечивают ему самосохранение как индивиду и как личности, защищают его, способствуют реализации потребности в самоутверждении, развитии, самовыражении. Речь идет о выявлении и осмыслении некой тенденции, за которой скрывается укорененная в глубинах народной жизни система базовых ценностей, существующая в форме архетипических конструкций, которые на протяжении тысячелетий формировали разные поколения, создавая лицо народа и нации, обуславливали совершенно определенный тип личности. Механизм социальной идентификации работает как

---

¹ Российская идентичность в социологическом измерении: аналитич. докл. / Ин-т соц-гии РАН. М., 2008. С. 49.

сопоставление личных интересов, ценностей и моделей поведения с интересами различных общностей, в результате которого человек может установить, насколько эти общности «свои» или насколько «чужие», неблизкие ему по характеру и направленности своих ценностных установок.

Региональная идентичность имеет в основании своем чувство общности территории и формируется с опорой на определенную систему ценностей как результат процесса идентификации, сопоставления «себя» с «другими», итог установления сходств / различий между субъектами политических, деловых, культурных, профессиональных связей и отношений. Региональная идентичность ощутимым образом проявляется в устоявшихся нормах поведения жителей региона. Ее можно обнаружить в местном фольклоре, в преданиях, мифах, местной интерпретации истории страны. Она накладывает свой особый отпечаток на особенности формирования региональной культуры, экономики и т. д. Позитивными явлениями выступают рост национального самосознания и понимания ценностей национальной культуры (в частности, пробуждение чувства национального достоинства, ценностей и традиций предков, обращение к религии); обогащение культурной среды ценностями отечественной культуры прошлого; плюрализм ценностей и свобода их выбора, взаимовлияние и диалог культур.

Проблема региональной идентичности в России всегда имела самое непосредственное отношение к поиску и выработке различных вариантов региональной идеологии власти. Практика внедрения идеологической доктрины на местах формировалась в виде определенных приоритетов, служащих ориентиром для иерархии социальных ценностей и системы оценочных политических стереотипов. По словам саратовского исследователя С. И. Барзилова, формирующаяся в регионах идеология «как бы компенсировала жесткую и несправедливую социальную дифференциацию населения символами и заклинаниями относительно общественной солидарности и территориального сожительства. С другой стороны, региональная идеология воплощала и воспроизводила в приличных и апробированных социальных образах сугубо материальные и политические цели административной элиты»¹.

Важное значение в становлении региональной идентичности имела и имеет консолидация регионального сообщества.

---

¹ Барзилов С. И. Концептуализация региональной идеологии власти // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI в. Ульяновск, 1998. Вып. 4. С. 5.

Существенную роль в выявлении и развитии механизмов такой консолидации играют самодейательные субъекты, группы и индивиды, способные обеспечить синтез искусственных и эволюционно-естественных оснований развития региона. Создание условий для такой деятельности субъектов требует установления отношений и связи между деятельностью носителей разных позиций, разных субкультур. Механизм преобразования и развития отношений этих позиций, имеющих в своей основе сорганизованные и связанные друг с другом, но разные субкультуры, лежит в основе новой субъектной организации регионального сообщества.

Концептуализируя региональную идентичность, необходимо выделить условия становления региональной автономности. Перед претендующей на статус автономного субъекта этносоциальной группой (общностью) непременно встает задача сконструировать собственную независимую политическую структуру – некий комплекс политических институтов, которые способны достаточно надежно обеспечить жизнеспособность и безопасность будущего субъекта. Требуется выдвинуть из своего состава политическую и интеллектуальную элиту, поскольку данный регион (или территория) должен быть управляемым и контролируемым. В данном случае речь идет об очень подвижном и по преимуществу социоэмоциональном чувстве восприятия «нас» как отличных от «других».

Самоидентификация человека как жителя определенной территории всегда по сути соотнесена с ориентирами, в иерархии которых имеется несколько подуровней.

Например, о характерном для жителей территории РСФСР способе самоидентификации говорили «матрешечная идентичность», тем самым обозначая компоненты, вкладывавшиеся один в другой: принадлежность к национально-территориальному образованию (в автономных областях и округах добавлялась еще и принадлежность к краю или области России) подразумевала в более широком смысле принадлежность к России и далее, в еще более широком плане, принадлежность к СССР¹.

О. И. Орачева полагает, что в территориальной идентификации личности всегда прослеживаются как минимум три уровня. Это идентификация с непосредственным местом проживания (район, город), далее – идентификация с более масштабной административно-территориальной единицей (край, республика),

---

¹ См.: Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С. 87–136.

затем – с определенным экономико-географическим образованием (Сибирь, Урал, Дальний Восток, Юг России, Северный Кавказ и т. д.)¹.

Маркеры различных пространственно-региональных масштабов и горизонтов вполне реально работают в индивидуальном сознании граждан и коллективном сознании социальных групп: для людей существен ориентир на «родное село», «родной город», «родной край» и так далее, вплоть до понятия «мой регион». Полевые исследования показали наличие в рамках формально одних и тех же общественных групп разных уровней (форм) пространственной идентификации. Стратегии и программы жизнедеятельности зависят от форм пространственной идентификации, это зафиксировано такими психологическими показателями, как восприимчивость к социальным тонусам, характер реакции на современные события, типы переживания. Совокупности показателей (ментальные карты) различаются весьма существенно: нередко можно встретить у представителей разных групп взаимоисключающие варианты. Несомненно, многое сегодня в нашей стране для человека, группы, общности зависит от того, живут ли они, например, в центре возрождающегося, обретающего статус блестящей мировой столицы Санкт-Петербурга или являются жителями старого, обращенного почти в руины военно-промышленного городка; в глухой периферии, где-нибудь на труднодостижимой Камчатке, или же посреди дуги Черноморского побережья.

Поскольку в современных условиях многообразие общественных групп поступательно нарастает, важно учитывать, что представление о любой территориально-пространственной структуре функционирует как целостное в пределах лишь некоторой совокупности групп, иногда даже какой-то одной группы. Из этого следует, что компетентная выработка культурной политики региона, имеющего ранг субъекта РФ (не говоря уже о меньших), в долгосрочной перспективе окажется прерогативой сравнительно небольшого числа людей; причем отсутствие или слабость мер по обеспечению их компетентности в данном вопросе не могут быть ничем скомпенсированы.

Носителем многоаспектно и наиболее целостно проявленной подлинной идентичности региона (места) является настоящая укоренная элита территории; но это лишь одна из многих групп; все

¹ Орачева О. И. Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 41.

социальные группы по-своему, явно или неявно, территориально идентифицированы.

Региональная аналитика обязана выявить и беспристрастно зафиксировать весь спектр различно выраженных форм идентификации. К сожалению, работа со всеми без исключения группами, подход к каждой из них с учетом их специфики и разнообразия вряд ли рассматриваются в настоящее время как существенная часть социокультурной реабилитации – важного шага к обеспечению необходимых составляющих качественной территориальной идентификации, в котором нуждаются все без исключения регионы.

Все субъекты культурной политики признают, то культурная элита региона нуждается в постоянной и безусловной поддержке, однако в рамках плоских схем типа «центр – периферия» такая элита обнаружиться и самоосуществиться не сможет.

Рассматривая проблему многоаспектной региональной идентичности в нормативно-ценностном ракурсе, нельзя обойти вниманием типы региональной идентичности, выделенные Р. Ф. Туровским. Предложенная им классификационная схема построена с учетом национального, географического, экономического и политического факторов и подразумевает наличие шести основных типов.

Первый – республиканская идентичность – характерен для титульных этносов республик и явно доминирует над идентичностью общероссийской.

Второй – наднациональная республиканская идентичность – проявлен как самоидентификация, объединяющая титульный народ, русское население и другие народы, проживающие в республиках.

Третий – русская региональная идентичность с привязкой к субъектам Федерации.

Четвертый – русская региональная идентичность с привязкой к субэтническим общностям (к примеру казаки).

Пятый – русская региональная идентичность с включением в крупные географические общности и сложившиеся комплексы социально-экономических связей (например Урал, Сибирь, Дальний Восток).

Шестой – регионально-идеологическая идентичность, которая определяется исключительно политико-идеологической электро-альной ориентацией регионов¹.

---

¹ Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России... С. 87–136.

Анализ ряда работ других авторов (Е. Ю. Мелешкина, А. В. Попов) позволяет нам выделить еще один тип региональной идентичности в России: региональная идентичность, характерная для «старорусских» в основном депрессивных регионов и условно «новорусских» модернизированных регионов. Для первого типа регионов характерно сочетание ориентации на целостность, единство России ради безопасности и признания многоцентриа, основанного на апелляции к культурно-историческим особенностям и ценностям региона. Политическая элита второго типа регионов стремится демонстрировать реформаторский авангардизм с помощью опережающего использования преобразовательских стратегий по отношению к другим регионам и центру¹.

Стоит отметить, что вопрос о наличии у представителей русского этноса регионального самосознания является дискуссионным. Есть крайняя позиция, заключающаяся в том, что русским присуща «аспатиальность» (от греч. «а-» отрицательная частица, и англ. «space» – пространство), то есть они не чувствуют пространства и его дифференциации (точка зрения представителя политической географии Л. В. Смирнягина². Это приводит к отрицанию существенных региональных различий между русскими. Ряд авторов (А. И. Субетто, М. М. Прохоров) указывают на то, что российская политическая культура испокон веков была подчеркнута централизованной. И эта присущая ей централизованность дополнялась ее общинным, соборным характером³.

Тем не менее, результаты многих исследований, проведенных в 90-х гг. XX в., показывают наличие определенного ядра менталь-

---

¹ См.: Мелешкина Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 126–137.; Попов А. В. Административно-территориальное управление и новая политическая роль регионов // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 5. С. 259–269.

² См.: Смирнягин Л. В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108–115.

³ См.: Субетто А. И. Региональное самосознание в контексте философии истории России как евразийской цивилизации // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 99–167.; Прохоров М. М. Человековедческая доминанта регионального самосознания // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 79–98.

ности, существованию которого русские обязаны самобытным, не утраченным, достаточно устойчивым сочетанием региональных и общенациональных ценностей.

Факт роста регионального самосознания в современной России неоднократно подтверждался мониторингом общественных настроений и комплексными социологическими исследованиями. Несомненным индикатором этого роста на рубеже XX–XXI вв. следует признать ответ респондентов на вопрос, что они считают своей родиной – регион, Россию или бывший СССР? Организованный Центром социологических исследований МГУ в Свердловской области в ноябре 1998 г. опрос показал, что регион считают своей родиной 36,7% респондентов, Россию – 32,9%, бывший СССР – 27,7¹.

Феномен региональной идентичности в России вызвал к жизни ряд исследовательских работ (А. В. Дахина, Н. П. Распопова, А. А. Мацнева, А. А. Сергунина, уже упомянутых Е. Ю. Мелешкиной, О. И. Орачевой, Р. Ф. Туровского), посвященных анализу факторов развития данного феномена. Обобщив научные выводы упомянутых исследователей, мы выделили в качестве наиболее значимых следующие стимул-факторы развития региональной идентичности в 1990-х гг. – начале XXI в.

1. Кризис как стимул. С распадом СССР возник кризис общенациональной идентичности: отмена прежней системы политической идентификации на общенациональном уровне объективно стимулировала поиски способов и механизмов идентификации на различных уровнях.

2. Суверенизация национальных автономий. Стремление национальных республик бывшего СССР к самостоятельности стимулировало аналогичный процесс в русских регионах, что в целом способствовало федерализации страны.

3. Экономический кризис. Развал экономики усилил у людей чувство психологической и профессиональной незащищенности, неудовлетворенность своим положением, пессимизм и опасения по поводу своего будущего. Регионы не могли более рассчитывать на помощь центра; эта ситуация диктовала необходимость им самим действовать в условиях трудного, крайне непростого выбора способов и средств выживания. Рост экономической самостоятельности регионов неизбежно должен был пройти полосу экономических противоречий с центром.

---

¹ Орачева О. И. Региональная идентичность: миф или реальность?.. С. 41.

4. Неравномерность социально-экономического развития регионов России. В стране всегда существовали «регионы-доноры» и «регионы-реципиенты». Прежний расклад ролей оказался нарушен, выработка новой системы взаимоотношений между регионами существенно повлияла на подвижки в общественном сознании.

5. Этнотерриториальный принцип формирования Федерации. Соответствующий принцип закрепил различное положение субъектов РФ. Национальные республики, приобретая дополнительные полномочия, в процессе реализации и утверждения нового своего статуса фактически противопоставили себя «русским» регионам.

6. «Москвоборчество». Противопоставление регионов Москве как наиболее привилегированному региону резко усилило экономические и политико-культурные противоречия по линии «центр – провинция».

7. Введение губернаторских выборов. Данное электоральное нововведение превращало руководителей региона из чиновников-назначенцев во всенародно избранных политических лидеров. Оно способствовало повышению самостоятельности региональных элит и значительно усиливало их влияние.

Для дальнейшего изучения феномена региональной идентичности необходимо определить политические индикаторы, формы проявления данного феномена. По мнению Е. Ю. Мелешкиной, выделяются два взаимосвязанных аспекта в бытовании региональной политической идентичности: первый аспект – это деятельность региональных органов власти, их политические приоритеты, характерные черты политического стиля; а второй аспект – политические ориентации и политическое поведение населения¹.

Данная схема анализа позволила выделить следующие формы проявления региональной идентичности в политическом пространстве России:

1. Борьба региональных лидеров за отстаивание региональных интересов в противовес интересам центра. В период избирательных кампаний региональным лидерам характерна своеобразная риторика, включающая в себя мотивы региональной стабильности на фоне упоминаний о необходимости поддерживать стабильность на федеральном уровне.

2. Усиление влияния отдельных городов, являющихся центрами федеральных округов.

---

¹ Мелешкина Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства... С. 131–132.

3. Развитие горизонтальных, межрегиональных связей. Особыми субъектами регионального политического процесса стали межрегиональные ассоциации, осуществляющие деятельность по продвижению своих консолидированных интересов. Это, например, такие ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации, как «Большая Волга», «Сибирское соглашение», «Большой Урал», «Черноземье», «Северный Кавказ» и т. д.

4. Функционирование региональных партий и общественных движений.

5. Разработка имиджа территорий (брендинг территорий). Во многих регионах все большее внимание уделяется работе над имиджем территорий, задача которой – сделать регион привлекательным для инвесторов, «прогнеть» на всю Россию и «вписать» образ регионального лидера в образ региона. В рамках этой работы в ряде случаев происходит сотворение региональных мифов.

6. Относительно высокая степень доверия избирателей по отношению к руководителям субъектов Российской Федерации.

7. Популярность определенного типа политического лидера в период выборов – «хозяина-защитника», то есть кандидата на пост главы субъекта Федерации, сочетающего в своем образе деловые и патерналистские характеристики, способного наладить нормальную жизнь в регионе. Изменение образа региона как в сознании его жителей, так и в восприятии региона населением страны. «Регионы стали ассоциироваться с большей в отличие от центра политической стабильностью, формированием более благоприятного психологического климата, развитием местного патриотизма ... более терпимым отношением к различным политическим партиям и движениям, в том числе к оппозиции»¹.

8. Проведение местных праздников, фольклорных фестивалей, восстановление храмов, открытие новых памятников и музеев.

Итак, на сегодняшний день можно говорить о достаточно выраженной тенденции к формированию региональной идентичности в современном политическом пространстве России. В связи с этим растет интерес к данной проблеме и в научных кругах. Изучены факторы развития региональной идентичности, зафиксированы политические индикаторы, формы проявления данного феномена.

В настоящий момент представляется актуальным комплексное изучение отдельно взятой территории как поля для реализации

---

¹ Орачева О. И. Региональная идентичность: миф или реальность?.. С. 41.

региональной культурной политики. В рамках такого исследования особый интерес вызывают проблемы места и роли региональной идентичности в иерархии самоидентификаций субъекта изучаемого региона, а также изучение региональной мифологии, символики, местного пантеона героев, региональных интересов в контексте их соответствия интересам центра.

Определение идентичности в качестве основы реализации ценностно-нормативного подхода в региональной культурной политике закономерно распространяется и на понятие региональной идентичности, под которой понимается «имидж территории, включающий внутренний набор образов, символов, мифов, в отличие от внешнего имиджа (с точки зрения мигранта, политтехнолога, организатора туризма, путешественника и т.д.)»¹. Сама по себе идентичность регионального уровня не может рассматриваться в качестве доминирующей или основной, но в то же время она не может и игнорироваться.

В нынешней ситуации, когда формирование гражданской идентичности рассматривается государством и обществом в качестве базисной задачи, некоторые исследователи допускают, что роль региональных особенностей с течением времени станет минимизироваться, однако этот вывод представляется ошибочным. В настоящее время нарастающую актуальность приобретает проблема соотношения общероссийской и местной идентичностей, что подтверждается данными социологических опросов, в которых респондентам предлагается ответить, какая идентичность им ближе – гражданская, этнокультурная, религиозная и прочее. По данным опроса, приведенным Л. М. Дробижевой, 50% татар в Татарстане ощущают себя одновременно и представителями своего этноса, и россиянами². То есть всего 25% в равной мере идентифицируют себя как татар и россиян, следовательно, для 25% общероссийская идентичность не является определяющей. Данный факт свидетельствует о том, что в системе идентификации граждан нашей страны существует ряд проблем, которые нужно срочно решать с помощью правильной и выверенной ценностно ориентированной политики.

Социологические опросы проводились также с целью выяснить, является ли местный патриотизм формой скрытого сепаратизма, при этом был сделан вполне однозначный вывод: «Региональная

¹ Цит. по: Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010. С. 71.

² Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 215.

идентичность не тождественна сепаратизму. Опросы показали, что установки на российский и местный патриотизм стимулируют друг друга. Региональная идентичность с русским населением не сопряжена с сепаратизмом, а также с чувством недоверия к жителям других территорий (с этим часто связывают региональную идентичность). В рамках модельного полигона региональная идентичность, по сути, является одной из форм российского патриотизма. Поэтому попытки деформировать региональную идентичность (например, посредством радикального изменения административно-территориального деления) чреваты деформацией российского патриотизма»¹. Этот вывод сделан на основе анализа данных, поступивших из регионов с преимущественно этнически русским населением, поэтому нуждается в проверке на основе сведений из других, этнически разнообразных регионов страны.

Отношения федерального центра и регионов должны строиться на идеях развития, взаимного обогащения, творческого сотрудничества, переплетения культур. Базисом при этом может выступать единая для всех традиционных этнокультур фундаментальная основа. Соединяющим звеном между ней и всеми культурами выступает ценностно-нормативный подход.

Фундаментальное согласие по поводу таких базисных понятий, как человек, смысл жизни, природа и структура жизненного мира человека, семья, род, народ, родина, страна, природа, бог, любовь, справедливость и др., является в настоящее время насущной необходимостью. Очень важно, чтобы смыслы, распространяемые в российском полиэтничном мире, принимались как сами собой разумеющиеся всеми народами нашей страны, как свои родные ценности, памятуя о том, что «главнейшими и определяющими ценностями, началом всякой системы ценностей является человек, его жизнь и его счастье»².

Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что местный патриотизм, наряду с российским, составляет сущность российской идентичности: «Местный (региональный) патриотизм нами трактуется как внутренний ресурс российской идентичности в целом. Местный патриотизм, наряду с российским патриотизмом, тождественен позитивной российской идентичности»³. Основной

---

¹ Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. М., 2010. С. 206–207.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 70.

недостаток такой позиции – ее оторванность от проблем рассмотрения вопроса о сущности идентичности вообще, что можно трактовать как недостаток самой модели идентичности. Именно система идентичностей способна превратить любого патриота в великого духовного подвижника или, наоборот, в человека, одержимого идеями национального фанатизма или исключительности. В ряде случаев дошедший до крайней степени и искаженный таким образом патриотизм становится национальной бедой вместо того, чтобы стать основой народного процветания.

Обоснованная система ценностей, укорененная в систему идентичностей, определяет процесс формирования гармонично развитого целостного человека, стабильность развития социума, устойчивость социально-политических систем и поступательный сбалансированный прогресс всего человечества. Вот почему сегодня первостепенная задача культурной политики – создание условий для гармонизации системы ценностных отношений. В качестве ориентиров в такой работе может служить ряд задач:

- инкультурация всего объема культурного наследия в руло культурной политики в свете позитивных ценностных оценок;
- формирование у субъектов традиционной системы базовых идентичностей: индивидуальной, половой, семейно-родовой, этнической, гражданской, цивилизационной, общечеловеческой, религиозной, духовной;
- конституирование системы социально одобряемых положительных ценностей в качестве принятого норматива;
- нормативное определение социально неодобряемых ценностей (антиценностей) в качестве негативно оцениваемых.

Рассмотрение проблемы типологии ценностей приводит к определению в качестве основы для анализа следующие группы ценностей:

- *общечеловеческие* (основа – Устав ООН, где перечислены основополагающие ценности человечества);
- *ценности, которые оказываются под гнетом попыток переосмыслений, переоценки, наполнения иным содержанием; традиционные ценности России* (основа – Стратегия государственной культурной политики);
- *региональные этнокультурные ценности* (основа – региональные нормативно-правовые акты, определяющие культурную политику);
- *религиозные ценности* (отраженные в Библии, Торе, Коране и других священных писаниях).

Ряд ценностей, входящих в различные группы, неизбежно совпадут, что и определит их приоритетный характер при формировании основ применения ценностно-нормативного подхода в контексте региональной культурной политики.

2.3. Основные этапы регионализации социокультурного пространства Юга России

Возобладавшая в последние десятилетия административная направленность пространственного развития России может быть выражена понятием «регионализация»: вследствие тенденций этого процесса в стране усиливается правовое, государственно-административное, социокультурное и экономическое своеобразие отдельных территорий. Как уже было отмечено (см. параграф 2.1), сами тенденции и комплекс вызываемых ими изменений отличаются от того типа регионализации, стратегию которого выработывал в общегосударственном масштабе Совет по размещению производительных сил при Госплане СССР. В рамках такой стратегии формировавшиеся регионы являлись частями единого народнохозяйственного комплекса, а их границы, как правило, совпадали с государственно-административными. При таком типе системного управления и развития однородная структура государственных органов и единая правовая система делали функции регионов комплиментарными друг другу. Регионы не вступали в прямую экономическую и политическую конкуренцию, более того, за счет своей народнохозяйственной специализации превращались в взаимодополняющие звенья единых технологических и социально-культурных цепочек. Это соответствовало таким принципам государственной региональной политики советского государства, как комплексность социально-экономического развития (цель которого – самодостаточность регионов, страны, социалистического содружества) и выравнивание его уровня в различных регионах.

После того как прекратилось существование СССР, заново переструктурированное постсоветское пространство перестало функционировать как гомогенная площадка индустриализации, при развитии которой производительные силы планировалось распределять равномерно, с учетом специализации каждого региона

в рамках единого народнохозяйственного комплекса. В последнее десятилетие XX в., уже вне правомочности законов территориального деления СССР и, соответственно, в условиях отмены прежней региональной политики, фактически был дан старт новой регионализации России¹. Органы управления субъектов Федерации постепенно сосредотачивали в своих руках, «стягивали на себя» экономический, административно-политический и культурно-символический капитал, что в конечном итоге позволило региональным властям, в границах зоны их юрисдикции, создать своеобразные административно-интегрированные сообщества.

Региональная политика не является самостоятельным явлением, она часть общегосударственной политики социально-экономического развития страны в целом. Вместе с тем эффективность ее осуществления зависит от учета особенностей каждого конкретного региона. В этой связи остановимся подробнее на Северо-Кавказском регионе, который можно охарактеризовать как один из полиэтнических регионов Российской Федерации. Уникальность его определяется историческими, экономическими, географическими, политическими факторами. С древних времен данный регион был важным перекрестком коммуникаций, связывающих Азию с Европой. И ныне его выгодно отличает разветвленная сеть дорог. Наличие трех морей с достаточно протяженной береговой линией, богатым природно-ресурсным и климатическим потенциалом, развитой промышленностью и сельскохозяйственным производством, значительная курортно-рекреационная база делает его поистине «жемчужиной» России.

В историческом развитии Северного Кавказа в советский период в основу регионального развития были положены установки создания в каждом из экономических районов крупных комплексных хозяйственных структур, завязанных на мощные энергетические узлы, что предполагало задействование всех естественных и общественных ресурсов. Создание таких мощных территориально-производственных комплексов стало стержнем государственной региональной политики. Это позволило определить ее приоритетные направления, связанные с решением социальных вопросов, а также экономически эффективного производства. Это потребовало и пересмотра карты административно-территориального и национально-территориального деления.

¹ Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 1999. С. 24.

Осуществление этих направлений региональной политики наглядно прослеживается на примере Северного Кавказа, где еще в 1918 г. появились первые государственные образования в составе РСФСР.

Так, в марте 1918 г. на II съезде Советов народов Терека в Пятигорске была провозглашена Терская советская республика, а 23 марта 1918 г. декретом областного Временного Революционно-го Комитета образована Донская советская республика.

27–30 мая 1918 г. в Екатеринодаре (ныне Краснодар) на III съезде Советов Кубани и Черноморья была провозглашена Кубано-Черноморская советская республика. Ставропольская советская республика была провозглашена 1 (14) января 1918 г. На I съезде Советов Северного Кавказа 7 июля 1918 г. была образована Северо-Кавказская советская республика, в которую вошли Кубано-Черноморская, Терская и Ставропольская советские республики.

В начале 20-х гг. XX в. на Северном Кавказе было образовано два субъекта РСФСР – Дагестанская и Горская автономные советские социалистические республики. 13 ноября 1920 г. в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) на Чрезвычайном съезде народов Дагестана была оглашена декларация правительства РСФСР о советской автономии Дагестана. 20 января 1921 г. декретом ВЦИК была образована Дагестанская АССР в составе РСФСР.

Горская АССР была провозглашена 17 ноября 1920 г. на съезде народов Терской области и части Кубанской области (Карачай) во Владикавказе. Здесь 20 января 1921 г. был оглашен декрет ВЦИК об образовании Горской АССР. В состав Горской республики вошли 6 административных округов: Балкарский, Владикавказский (позже Осетинский), Кабардинский, Карачаевский, Назрановский (позже Ингушский), Чеченский.

В процессе дальнейшего национально-территориального размежевания из состава ГАССР были выделены округа: Кабардинский (1 сентября 1921 г.), Карачаевский (12 января 1922 г.), Чеченский (30 ноября 1922 г.), Балкарский (16 января 1922 г.). Декретом ВЦИК от 7 июля 1924 года ГАССР была упразднена и на ее территории созданы Северо-Осетинская и Ингушская АО и населенный казаками Сунженский округ с правами губисполкома. Особый самостоятельный статус получили города Владикавказ и Грозный.

Вскоре происходит реформирование статуса Карачаево-Черкесии и Чечни, которые становятся автономными областями. Кабардаи Балкария объединяются и создают Кабардино-Балкарскую

автономную область. В 1922 г. из состава Кубано-Черноморской области выделилась Черкесская (Адыгейская) автономная область, к Дагестану была присоединена часть земель, заселенных чеченцами и терскими казаками.

В 1924 г. 10 северокавказских национально-территориальных образований вошли в состав Юго-Востока России. Это образование, прообраз будущего Северокавказского региона, включало в себя следующие административно-территориальные субъекты: Донскую и Кубано-Черноморскую области, Ставропольскую и Терскую губернии, Карачаево-Черкесскую, Адыгейскую, Чеченскую, Кабардино-Балкарскую автономные области, 2 города с особым статусом – Грозный и Владикавказ. Дагестан и Горская республика в состав Юго-Востока не вошли. В том же году Юго-Восток был переименован в Северо-Кавказский край, куда наряду с ранее входившими территориями были включены Ингушетия и Северная Осетия. На этом этапе преобразования не закончились.

В 1931 г. Дагестан вошел в состав Северо-Кавказского края. Учитывая многонациональный состав населения на отдельных территориях были созданы национальные сельские Советы, которых уже к 1925 г. в крае насчитывалось более 70.

С отказом руководства СССР от реализации новой экономической политики значительные изменения произошли на Северном Кавказе. Так, в 1934 г. существовавший Северо-Кавказский край был разделен на Азово-Черноморский и Северо-Кавказский. В состав Азово-Черноморского вошли Донская и Кубано-Черноморская области, Адыгея, а в состав Северо-Кавказского с центром в Пятигорске – Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечня, Ингушетия, Карачай, Черкесия и территория Ставрополя. На Северном Кавказе к этому времени уже функционировало 103 национальных сельских Советов. 15 января 1934 г. была образована Чечено-Ингушетия как автономная область в составе РСФСР с центром в Грозном. В 1936 г. Северная Осетия, Кабардино-Балкария и Чечено-Ингушетия стали автономными республиками и вместе с Дагестаном вышли из состава Северо-Кавказского края. Оставшаяся часть края получила название Орджоникидзевогo края. 13 сентября 1937 г. Азово-Черноморский край был ликвидирован в результате чего образовались Ростовская область и Краснодарский край.

Административно-территориальное деление на Северном Кавказе воплощалось в жизнь неоднозначно, допускались ошибки и просчеты, не всегда учитывались пожелания населения.

Зачастую однопациональные территории дробились и присоединялись к территориям вновь образуемых автономий, что нарушало десятилетиями сложившиеся связи. Укрупнение автономий осуществлялось зачастую без учета различий в языке, традициях, обычаях, вероисповедании и т.п. Это не могло не наложить свой отпечаток на жизнь людей, что в конечном итоге порождало проблемы, решение которых или игнорировалось, или откладывалось на неопределенный срок. Принципы организации этой системы игнорировали не только вопросы социальной политики, но и экономические методы функционирования хозяйственного организма регионов, так как экономическое районирование требовало относительной самостоятельности хозяйственной жизни конкретных территорий. Это совершенно не вписывалось в сталинскую модель построения социализма и не соответствовало методам управления складывавшейся административно командной системы.

Решение многих вопросов осуществлялось волевыми методами, а зачастую верх брал и произвол. Апогеем такой политики стал период массовых депортаций 1941–1944 гг., когда с территории Северного Кавказа были насильственно выселены немцы, греки, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши – всего более 600 тысяч человек. Это привело к ликвидации Карачаевской АО, территория которой была поделена между Грузией и Ставропольским краем. На территории Чечено-Ингушской АССР была образована Грозненская область, а часть земель отошла Дагестану и Северной Осетии. Лишь в 1957 г. эти народы были реабилитированы, а их автономии восстановлены. Вместе с тем, при решении вопросов территориально-государственного устройства реабилитированных народов был допущен произвол в восстановлении автономий в прежних границах. Часть земель осталась в соседних автономиях, часть территории была прирезана за счет земель других субъектов региона. Ошибки, допущенные в результате определения административных границ на Северном Кавказе, наряду с другими факторами повлияли на осложнение этнополитической обстановки и стали причиной нестабильности в регионе.

Однако было бы неправильно не замечать, что за двадцать пять лет развития страны – а на этот период приходятся предвоенные пятилетки, Великая Отечественная война, послевоенное восстановление народного хозяйства – в экономике страны произошли позитивные сдвиги. В этот период СССР стал могучей индустриальной державой, осуществлялись крупные народно-хозяйственные проекты. Решение этих вопросов, конечно, было бы невозможно без учета

отдельных объективных законов экономики, но главным в развитии регионов оставались внеэкономические подходы.

Современную культуру Северного Кавказа отличают особая сложная многослойность, полисубъектность и синкретизм. Эта специфика задана и обусловлена историей ее формирования – векторами диалога кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX в.

В советский период на Северном Кавказе существовал определенный баланс, способствовавший активному «прорастанию» различных культур друг в друга, их толерантности и дружественности, что определялось, с одной стороны, факторами классического, универсального характера и мирового авторитета русской культуры, с другой стороны, монополией социалистической идеологии. Крах социализма, распад СССР повлекли за собой неизбежный кризис идентичности (в том числе культурно-цивилизационной), который пережили не только коренные сообщества горских (кавказских) народов, но также русские и русскоязычные жители Северного Кавказа и России в целом.

Вызванный распадом Союза Советских Социалистических республик системный кризис, охвативший Российскую Федерацию, спровоцировал, среди всего прочего, «скачок», чреватый сбоем работы многих культурных механизмов: резкий отказ от ориентира на прежние незыблемые авторитеты, падение значимости, утрату для массового сознания доминант универсального характера, черпаемых в наследии русской культуры. Скачкообразной перемене способствовала и деятельность СМИ, особенно электронных, которые на Северном Кавказе, как и в других регионах страны, взяли курс на расшатывание и подрыв доверия ко всему, что так или иначе связано с наследием Российской империи и СССР, в целом – к российской культурной доминанте.

Цивилизационно-культурный нигилизм федеральных властей в 90-е гг. XX в., проявлявший себя как стремление разрушить ценностную систему, опорочить знаки и символы отвергаемой эпохи (а вместе с ними – все культурные маркеры советской и дореволюционной России), изменил менталитет общества. Пропаганда «модернизации как вестернизации», навязывание этого «новейшего» эталона также послужили фактором кризиса, упадка национального самосознания, способствовали созданию отталкивающего образа России и русского народа, склоняли к трактовкам русской культуры как вторичной, служащей лишь ретранслятором культуры европейской. Такие тенденции в полиэтничном государстве не

могли не носить деструктивного характера. В результате воспитывалась генерация сограждан, у которых в значительной степени ослаблено чувство патриотизма. Лишенные культурных корней, такие индивиды не ценят наследие страны. Не испытывая приверженности к культурному достоянию и склонности беречь, умножать его, они готовы участвовать в любых видах асоциальной деятельности.

Ранее принадлежность к великой державе и ее культурным достижениям в разных сферах деятельности была общим предметом гордости всех населяющих ее наций и народностей, в том числе и народов Северного Кавказа. 1990-е продемонстрировали ситуацию противоположную: на первый план выдвинулась потребность дистанцироваться от «непрестижной», тупиковой социокультурной системы, «изжить», отказаться от ее влияния. Такого характера лозунги подавались некоторыми представителями национальных элит в качестве неперемennого условия этнического самосохранения.

Все это повлекло за собой кризис российской идентификации коренных народов России, в том числе Северного Кавказа. Если еще в 1980-х – начале 1990-х гг. семантика словосочетаний типа *политика России на Северном Кавказе* или *роль России в разрешении конфликтов на Северном Кавказе*) вызывала вопрос: «разве Кавказ не Россия, а жители Северного Кавказа не россияне?», то в связи с чеченскими событиями настроения существенно изменились. Противопоставление стало актуальным даже для благожелательно настроенных к России представителей народов Северного Кавказа. Кризис российской идентичности актуализировал этническую, религиозную, северокавказскую и кавказскую самоидентификацию горских народов. Сопровождавшие этот процесс обстоятельства работали на усиление их цивилизационно-культурной оппозиции к собственно России и русским.

На Северном Кавказе, как и в других обществах, в условиях дезинтеграции дал о себе знать так называемый архаический синдром – регенерация интенций подсознательного, сужающих действенность рациональных начал в комплексе обыденных представлений и стереотипов поведения. Воздействие иррационального размывало, отменяло еще недавно действовавшие границы норм общественного, семейно-бытового поведения. Соответствующие процессы, протекающие на разных уровнях и в различных формах, склоняли к тому типу чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, который свойствен не рациональному мышлению, а мифологическому.

В этом смысле актуализация традиционной культуры для новых поколений постепенно приобретала тот характер и то русло, в котором осуществлялась трансляция этнического наследия до XVIII – первой половины XIX вв. и от которого народы ушли в период «европеизации». В сфере интереса к формированию исторического сознания горских народов возросла значимость факторов, определяющих этническое и панэтническое самосознание (соответствующие им аспекты культурно-цивилизационной самоидентификации). Поток монографий, научных статей, публицистики по проблемам истории отдельных народов еще в 90-х гг. XX в. захлестнул информационное пространство всех субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Публикации, нередко псевдонаучные и лишь внешне наукообразные, имели очевидное сходство в одном – в стремлении возвеличить былую историческую роль своих народов, внушая современникам этноцентризм, уверить их в собственной национальной исключительности и превосходстве над другими. Хотя подобная тенденция в настоящее время уже не столь рельефна, конструирование исторических мифов, имеющих весьма отдаленное отношение к реальности, до сих пор, к сожалению, не ушло в прошлое.

Неприятие массовой культуры западного общества как несовместимой с коренной ценностной системой и менталитетом, который присущ народам Северного Кавказа, отход от «всего советского», по сути – отчуждение от русской культуры, кризисное состояние российской действительности – все эти факторы работали, как уже отмечалось, на повышение статуса традиционной культуры горских народов как базиса этнической самоидентификации, источника моделей коммуникации и социализации.

Специфика традиционной культуры народов Северного Кавказа, формировавшейся исключительно в опоре на социально санкционированные стереотипы поведения и мышления и имевшей высокую сопротивляемость, наиболее ярко проявлена в пяти основных сферах. Ее ядро прослеживается в: 1) воинском культурном комплексе и стиле жизни, 2) кавказском гостеприимстве, 3) культе старшинства, 4) хозяйственно-культурном комплексе и 5) семейно-брачных отношениях¹. Выработанные в совокупности названных сфер ценности, их иерархия воплощены в морали, этике, нравах и других элементах культуры северокавказских народов.

---

¹ См.: Унежев К. Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997.

Акцентированные императивом долженствования, эти ценности закреплены у всех автохтонных народов Северного Кавказа в морально-этических кодексах: адыгагъэ (адыгство) – у адыгов, апсуара – у абхазов, намис (честь) – у тюркских и части дагестанских этносов и др. Подобные кодексы выступают важнейшим регулятором стиля, образа жизни горцев, матрицей норм индивидуального и группового поведения.

В иерархии образа жизни существенно влияние старейшин, авторитет и слово умудренных опытом кардинально значимы при принятии решений. Однако в сферах деятельности, где традиционный опыт отсутствует (банковское дело, менеджмент, отчасти – государственное управление, современная военная тактика и т. п.), влияние старейшин, как и других традиционных институтов, большой роли не играет.

Ценности традиционной культуры показали способность противостоять энтропийным процессам, быть действенным механизмом самосохранения народов. В период кризиса российского общества и этнической идентификации они стали средством адаптации горцев к переходным условиям.

Особо следует отметить, что возрождается не весь комплекс традиционной культуры, а именно те его сегменты и стороны, которые востребованы в современных условиях: к примеру, для приспособления к модернизационным процессам или, наоборот, для надежной защиты (сопротивления) по отношению к тем культурным инновациям, которые угрожают ментальной идентичности. Так, традиции групповой сплоченности и солидарности, развитые отношения родства, землячества и проч. позволяют «кавказцам» более гибко приспосабливаться к изменениям среды, эффективно достигать результатов. За счет такой приспособляемости, гораздо большей по сравнению с «русскоязычными» группами населения, они действуют активнее других в самых различных сферах, в том числе в теневых. Сплоченность и успешность, в свою очередь, способствуют повышению устойчивости традиционной культуры, определяют ее динамичное саморазвитие.

Одной из уязвимых сторон возврата к традиционным культурам является то, что их возрождение связано с легитимацией этноцентризма. Данное обстоятельство оказывает влияние на полилог компонентов, многоликих составляющих северокавказского дома народов. Традиционные этнические ценности, подкрепляемые тенденцией к возрождению национальных культур, при современном состоянии исторического сознания волей-неволей подпитывают

сложные по своему составу конфликты между осетинами и ингушами, адыгами и тюркскими народами, «кочевниками» (кумыки, ногайцы) и горцами Дагестана и пр. Попутно выявлению противоречий возникают тенденции к конституированию гомогенных панэтнических культур, противостоящих друг другу (адыгской, вайнахской), и другие предложения, вплоть до проектов создания дагестанской нации с кавказской культурой, государственным турецким языком, открытой для воздействия западной цивилизации и культуры. В целом ситуация культурного взаимодействия горских народов колеблется между тенденциями к комплиментарности, нахождению консенсуса и тенденциями к разного рода конфликтам.

Таким образом, проявленная в цивилизационно-культурном взаимодействии на Северном Кавказе борьба намерений и устремлений имеет перспективы как консенсусного, так и конфликтного протекания процессов.

С ослаблением доминантной роли русской культуры культурное пространство Северного Кавказа стало сегментированным.

В условиях кризиса, пережитого в постсоветский период Россией, существенно повысилась роль традиционных форм культуры народов Северного Кавказа, которые достаточно сложно и противоречиво взаимодействуют с иными культурными составляющими. Присущий взаимодействию разновекторный характер не сводим к противостоянию «консерватизма» и «модернизма» или к противопоставлению русской культуры культурам народов Северного Кавказа.

Тенденция ослабления доминантной роли русской культуры, заметная в данный период на Северном Кавказе, пересекается с попытками заместить ее авторитет воздействием стереотипов западной массовой культуры и влиянием различных исламских течений.

Хотя Северный Кавказ приобретает в цивилизационно-культурном отношении все более заметные восточные черты, постепенно восстанавливает «восточную» ментальность, окрашенную в тона исламской цивилизации, исторически сложившееся за несколько веков взаимодействие создало такую комплиментарность между традиционной культурой народов Северного Кавказа и классической русской культурой (такими основополагающими ценностями российской цивилизации, как соборность, многокультурность и пр.), которая может стать потенциалом возрождения российского суперэтнуса – при условии открытого диалога и сохранения этнокультурной идентичности всех народов, всех этнических составляющих кавказской горской цивилизации.

Процесс их взаимодействия не может быть стихийным, он нуждается в государственном регулировании на основе соблюдения закона ментальной идентичности. Учитывать сущностные связи между менталитетом народа и содержанием политики государства – значит создать условия антикризисного развития во всех сферах воспроизводства и саморазвития региональной культуры: в системе образования, политических и социальных институтах, религиозных и общественных объединениях, СМИ. Это восстановит доминантную роль и престиж русской культуры, позволит сбалансировать свойства полиэтничной традиционной северокавказской культуры в условиях протекания современных модернизационных процессов.

2.4. Культурная жизнь регионов Юга России: институты, практики и пути формирования единого культурного пространства

Тенденции социокультурного развития современной цивилизации, обострившиеся противоречия и вызовы, стоящие сегодня перед Россией, не могут не оказывать существенного влияния на все сферы общественной жизни. Оказавшись в ситуации стихийного изменения условий и доминирования многофакторных воздействий, между глобализацией и глобальной мировой нестабильностью, российское общество вновь находится в поиске ответов на жизненно важные вопросы. В этом процессе исключительная роль принадлежит культуре как системе ценностей.

Именно к культуре обращен сегодня основной вызов времени, оптимальный ответ на который в немалой степени зависит от социально-нравственного потенциала каждого человека и общества в целом. В этой связи особую актуальность приобретает проблема изучения культурной жизни страны и ее многочисленных регионов.

Культурная жизнь – понятие чрезвычайно широкое, включающее в себя ряд содержательных характеристик сферы общественной жизни, однако как категория в научной литературе чаще употребляется спорадически и, как правило, не имея под собой жесткого методологического конструкта.

Культурную жизнь следует рассматривать в качестве специфически сформированного пространства общественной жизнедеятель-

ности, обеспечивающего непрерывное воспроизводство, развитие, личностную и социальную реализацию всех субъектов культуры, а также их взаимодействие. Исходя из классического определения понятия «сферы жизни», данного еще А. К. Уледовым, в котором под сферой понимается «не вся жизнедеятельность людей, а лишь ее целенаправленно организованные, структурированные формы, опирающиеся на специализированные институты, осознанную и регулируемую функционально-ролевую деятельность людей»¹, культурная жизнь общества есть организованные, структурированные формы социальной активности, опирающиеся на институты культуры, осознанную и регулируемую функциональную деятельность людей по выполнению основных функций культуры. В широком смысле культурная жизнь может пониматься как все формы и виды деятельности в сфере культуры, направленные на удовлетворение культурных потребностей людей; в узком – как практическое воплощение социально-адаптационных функций культуры через целенаправленную культурную деятельность субъектов культуры.

Так, культурная жизнь общества – это сложная, открытая, самоорганизующаяся и регулируемая, динамично функционирующая система, основной характеристикой которой является интенсивный культурный обмен с социальной средой, результатами деятельности и информацией. Регулирование отношений между субъектами и институтами культурной жизни составляет важнейшую функцию органов государственного и общественного управления, предопределяет цели и задачи культурной политики.

В теории и практике оценки культурной жизни и изучения эффективности ее результатов существует три тематических измерения:

– институциональное, в рамках которого рассматривается деятельность учреждений культуры, структурированная в соответствии с выделенными элементами культурной жизни. Институциональное измерение определяется агентами (учреждениями культуры), их деятельностью (услугами и благами культуры) и результатами их деятельности (вкладом в культурную жизнь, в удовлетворение культурных потребностей жителей региона);

– информационное, образуемое взаимодействующими потоками информации, касающимися событий культурной жизни региона;

---

¹ Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 26

– социографическое измерение совокупности практик акторов культурной жизни¹.

Далее представлен анализ культурной жизни регионов Юга России в институциональном измерении в контексте задачи формирования единого культурного пространства. Изначально определенные границы поля анализа культурной жизни соответствуют общесистемным представлениям и отвечают трем необходимым критериям (по Ж. Вьету и Ж. Пиаже) – целостности, трансформации и саморегулирования².

Исторически сложившийся полиэтничный состав населения Российской Федерации обязывает пристально изучать, сохранять и развивать все богатство и многообразие культур. Внимание к развитию культуры межэтнических отношений и их гармонизации вызвано геополитическим положением России как государства, в котором проживают представители более ста девяноста этносов, имеющих свою историю, обладающих уникальными особенностями материальной и духовной культуры.

Являясь зоной контакта многих культур и этносов, особое место на карте страны занимает Юг России – один из самых полиэтничных и поликонфессиональных регионов мира. Несмотря на существующую культурную пестроту, в результате многовекового процесса этнической дивергенции и конвергенции сложилась особая общность, которую в этнологии обозначают термином «северокавказская культурная область»³. Более двух веков народы Юга России находятся в составе российского государства. За этот период они добились значительных успехов в развитии экономики, культуры, образования, литературы, получили высокий уровень самоуправления. Ключевую роль в этом процессе всегда играла русская культура, русский язык, создающий уникальный коммуникационный канал.

---

¹ См.: Хлевнюк О. Д., Самодин А. А. Исследование «Мониторинг культурной жизни города Москвы и оценка эффективности деятельности учреждений культуры Департамента культуры Москвы: статистико-социологический анализ»: московские музеи // Справочник руководителя учреждения культуры. 2013. № 2. С. 5–25.

² См. подроб.: Коваленко Т. В. К вопросу о построении теоретической модели современной российской театральной культуры // Материалы международного конгресса по креативности и психологии искусства. Пермь; М., 2005. С. 279.

³ Регионоведение: учеб. пособ. / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д, 2004. С. 7.

Базовыми характеристиками исторически сложившегося культурного пространства культурной жизни Юга России на современном этапе выступают, с одной стороны, открытость различным цивилизационным влияниям, а с другой, – устойчивость местных традиций, сохраняющих своеобразие в условиях интенсивного духовного взаимодействия.

Количественные характеристики институтов культурной жизни регионов Юга России представлены в таблице 2.1, составленной на основе Паспортов культурной жизни регионов Российской Федерации по состоянию на 1 января 2015 г.

Таблица 2.1

Ресурсная база культурной жизни регионов Юга России		
№ п/п	Виды учреждений культуры	Количество
Северо-Кавказский федеральный округ		5359
	<i>Республика Дагестан, всего</i>	2219
	из них:	
1.	Библиотеки	1063
	Культурно-досуговые учреждения	1029
	Музейные учреждения	5 (38 филиалов)
	Театры и концертные организации	24
	<i>Республика Ингушетия, всего</i>	93
	из них:	
2.	Библиотеки	50
	Культурно-досуговые учреждения	13
	Музейные учреждения	9
	Театры и концертные организации	7
	<i>Кабардино-Балкарская Республика, всего</i>	416
	из них:	
3.	Библиотеки	166
	Культурно-досуговые учреждения	146
	Музейные учреждения	20
	Театры и концертные организации	10

Продолжение табл. 2.1

	<i>Карачаево-Черкесская Республика, всего</i>	349
	из них:	
4.	Библиотеки	162
	Культурно-досуговые учреждения	146
	Музейные учреждения	1
	Театры и концертные организации	6
	<i>Республика Северная Осетия-Алания, всего</i>	305
	из них:	
5.	Библиотеки	136
	Культурно-досуговые учреждения	142
	Музейные учреждения	16
	Театры и концертные организации	12
	<i>Чеченская Республика, всего</i>	575
	из них:	
6.	Библиотеки	274
	Культурно-досуговые учреждения	240
	Музейные учреждения	6 (6 филиалов)
	Театры и концертные организации	9
	<i>Ставропольский край, всего</i>	1402
	из них:	
7.	Библиотеки	604
	Культурно-досуговые учреждения	559
	Музейные учреждения	40
	Театры и концертные организации	7
	Южный федеральный округ	7446
	<i>Республика Адыгея, всего</i>	332
	из них:	
1.	Библиотеки	149
	Культурно-досуговые учреждения	127
	Музейные учреждения	8
	Театры и концертные организации	6

Окончание табл. 2.1

	<i>Республика Калмыкия, всего</i>	325
	из них:	
2.	Библиотеки	148
	Культурно-досуговые учреждения	149
	Музейные учреждения	1
	Театры	2
	<i>Краснодарский край, всего</i>	2560
	из них:	
3.	Библиотеки	1046
	Культурно-досуговые учреждения	1101
	Музейные учреждения	60
	Театры и концертные организации	10
	<i>Астраханская область, всего</i>	530
	из них:	
4.	Библиотеки	252
	Культурно-досуговые учреждения	188
	Музейные учреждения	19
	Театры и концертные организации	9
	<i>Волгоградская область, всего</i>	1076
	из них:	
5.	Библиотеки	474
	Культурно-досуговые учреждения	364
	Музейные учреждения	41
	Театры и концертные организации	13
	<i>Ростовская область, всего</i>	2623
	из них:	
6.	Библиотеки	975
	Культурно-досуговые учреждения	1288
	Музейные учреждения	42
	Театры и концертные организации	10

Как следует из представленных данных, ресурсная база культурной жизни регионов Юга России достаточно значительна. Всего на территории Северо-Кавказского и Южного федеральных округов сосредоточено 12805 учреждений культуры различных типов. Однако детальный анализ ситуации демонстрирует значительную неравномерность.

В таблице 2.2 приведены данные по обеспеченности регионов Юга России учреждениями культуры всех типов на 1 тыс. чел. Расчеты произведены на основании сведений о численности населения Российской Федерации по муниципальным образованиям за 2015 г.¹

Таблица 2.2

Обеспеченность учреждениями культуры населения регионов Юга России

№ п/п	Регион	Ранг	Количество учреждений культуры на тыс. чел.
1.	Республика Калмыкия	1	1,2
2.	Республика Адыгея		0,7
3.	Республика Дагестан	2–4	0,7
4.	Карачаево-Черкесская Республика		0,7
5.	Ростовская область	5	0,6
6.	Кабардино-Балкарская Республика		0,5
7.	Астраханская область	6–9	0,5
8.	Краснодарский край		0,5
9.	Ставропольский край		0,5
10.	Республика Северная Осетия – Алания	10–	0,4
11.	Чеченская Республика	12	0,4
12.	Волгоградская область		0,4
13.	Республика Ингушетия	13	0,2

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 г. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2015.

Наибольшее количество учреждений культуры на 1 тыс. человек населения региона приходится на Республику Калмыкия, наименьшее – на Республику Ингушетию. Ситуация неравномерного территориального распределения институтов культурной жизни часто ведет к углублению духовного неравенства – проблемы, решение которой, наряду с неравенством материальным, представляется одной из наиболее актуальных в условиях текущего социокультурного развития. Измерение духовного неравенства через сочетание статистических и социологических количественных методов, а также пути решения этой проблемы на теоретико-методологическом уровне были предложены в исследованиях В. М. Петрова, И. И. Горловой и Т. В. Коваленко¹.

Эффективным способом преодоления неравномерности территориального размещения институтов культурной жизни регионов Юга России и, как следствие, решение проблем духовного неравенства, является формирование единого культурного пространства. В современных российских реалиях единое культурное пространство следует понимать как процесс углубления культурного взаимодействия между этническими группами и историко-культурными областями. Формируясь на основе культурной интеграции, единое культурное пространство рассматривается как процесс:

- взаимодействия между институтами культурной жизни, творцами и потребителями благ и услуг культуры;
- согласования национальных форм культуры, традиций и новаций;
- установления общероссийской системы ценностей.

Вместе с тем культурная интеграция не означает унификации культурных норм, способов восприятия и осознания мира, систем традиций.

Процесс сближения культур и ценностей народов России является основой укрепления культурных, коммуникационных, цивилизационных связей, в ходе которого достижения науки и искусства, новые формы социальной активности получают возможность широкого распространения на уровне всех структур гражданского общества, формируя его целостность, а, следовательно, и национальную безопасность.

---

¹ См.: Петров В. М. Количественные методы в искусствоведении. М., 2004; Горлова И. И., Коваленко Т. В. Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24 С. 105–111.

Наиболее перспективной формой культурной интеграции выступает культурный обмен, который может быть реализован в сфере:

- взаимодействия общественных объединений, организаций и структур гражданского общества;
- профессиональной коммуникации научного сообщества;
- литературного творчества и библиотечно-библиографической деятельности;
- взаимодействия профессиональных театральных и концертных коллективов;
- музейно-выставочной деятельности;
- этнокультурной деятельности и поддержки народного художественного творчества;
- туризма.

Гармоничное развитие межэтнических отношений возможно только в условиях культурного диалога, который может содействовать укреплению в обществе системы морально-нравственных ценностей, составляющих основу всех мировых религий, и пропаганде преимуществ мирного существования разных народов в рамках одного сильного государства. Здесь важна системная работа, включающая в орбиту взаимодействия структуры гражданского общества, горизонтальные сети, молодежь.

Так, например, в 2015 г. создан Московский кавказский клуб, который занимается вопросами сглаживания противоречий между носителями различных культур и традиций. Клуб объединяет представителей национально-культурных обществ народов Северного Кавказа, ответственных сотрудников органов государственной власти и правоохранительных ведомств, специализирующихся на вопросах этноконфессионального взаимодействия, а также общественников и экспертов.

Множество мероприятий интегративного характера проводятся в высших учебных заведениях Юга России. 4 июля 2014 г. в Республике Адыгея на базе Майкопского государственного технологического университета создано Адыгейское республиканское региональное отделение Общероссийского общественного движения содействия укреплению дружбы и согласия среди молодежи «Всероссийский межнациональный союз молодежи». В Северо-Кавказском федеральном университете в 2015 г. состоялся III Фестиваль культур народов Северного Кавказа «Северо-Кавказский федеральный округ: Дом дружбы», программа которого включала исторические игры, этнографические выставки, ярмарку

ремесел, различные мастер-классы, карнавал национальной кухни, концерты фольклорных ансамблей, турниры народных игр, интеллектуальные брейн-ринги и молодежный форум. Цель проводимого мероприятия заключалась в популяризации идей толерантности и формировании культуры межэтнического общения, знакомстве студентов с историей Кавказа и укреплении творческих региональных связей в области народного творчества.

В Чеченском государственном университете в 2015 г. состоялся Северо-Кавказский фестиваль молодежной культуры «АРТ Квадрат», который собрал представителей высших учебных заведения Северного Кавказа. Традиционно в Адыгейском государственном университете проходит Фестиваль национальных культур, в ходе которого студенты – представители разных народов готовят презентации своих культур и блюда национальной кухни.

В сфере межэтнических отношений постоянно возникают новые проблемы и вызовы, нуждающиеся в адекватном научном осмыслении. Роль научного сообщества, сотрудников научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений в процессе гармонизации этнокультурных и этнополитических процессов достаточно высока: от их оценок, их вклада в культурный обмен и интеграцию во многом зависит состояние межэтнических отношений.

Примером такой интеграции является международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия», проведенный 3–5 апреля 2015 г. Южным филиалом Института Наследия при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации. В работе форума приняли участие 110 человек – представители научно-образовательных учреждений, органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций субъектов Южного и Северокавказского федеральных округов, а так же Республики Абхазия. Собранных на форуме ученых приветствовали заместитель начальника Управления внутренней политики Администрации Президента Российской Федерации М. В. Белоусов.

С 2016 г. форум проводится в рамках Плана мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.¹ при

---

¹ План мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 2648-р.

финансовой поддержке федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)». Сегодня он стал ежегодной международной и межрегиональной платформой диалога представителей науки, образования, учреждений социально-культурной сферы, туризма, органов исполнительной и законодательной власти, общественных организаций и других институтов гражданского общества. Регулярное проведение данного мероприятия способствует совершенствованию научно-методического обеспечения государственной политики в сфере культуры и межэтнического взаимодействия¹.

Множество мероприятий, направленных на решение вопросов культурной интеграции народов Кавказа и России, проходит в университетах, научно-исследовательских учреждениях субъектов, региональных отделениях и научных центрах РАН. Только за последний год состоялись IV международный научно-образовательный форум «Кавказский диалог» (Северо-Кавказский федеральный университет), всероссийская научно-практическая конференция «Россия и народы Северного Кавказа в XIX–XX вв.»: опыт социально-экономического, политического и культурного взаимодействия (Чеченский государственный университет), всероссийская научно-практическая конференция «Диалог культур и диалог в поликультурном пространстве: культурное проектирование и формирование нравственного облика молодежи» (Дагестанский государственный университет), круглый стол «В единстве народов будущее России», приуроченный ко Дню народного единства (филиал Дагестанского государственного университета в Дербенте) и др.

Ключевая роль в процессе формирования единого культурного пространства, конструировании общероссийской гражданской идентичности, налаживании межэтнического диалога и установлении мира принадлежит профессиональному искусству. Принципиальное значение имеет не просто подготовка нового художественного продукта, но и его представление обществу. В этом смысле роль гастрольной деятельности трудно переоценить. Профессиональные творческие коллективы Северного Кавказа активно вовлечены в данный вид деятельности, в том числе обменного характера, как в рамках Юга России, так и всей страны.

Важным событием, направленным на обеспечение и углубле-

---

¹ Коваленко Т. В. Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149–153. – URL: http://heritagemagazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf.

ние межкультурного диалога, стал большой концертный тур Государственного ансамбля танца «Вайнах» (Чеченская Республика), прошедший сентябре–октябре 2014 г. в городах Сахалинской области, Уральского и Сибирского федеральных округов (Новосибирск, Томск, Новокузнецк, Кемерово), а также в Самаре и Москве.

В рамках Года культуры при поддержке Министерства культуры Российской Федерации Государственный республиканский абазинский драматический театр (Карачаево-Черкесская Республика) дал четыре спектакля на Малой сцене Саратовского академического театра юного зрителя имени Ю. П. Киселева. Публике была представлена постановка сказки Ю. Шидова по мотивам нартских сказаний «Золотая стрела». Труппа Карачаевского драматического театра имени Ш. М. Алиева (Карачаево-Черкесская Республика) представила сценическую версию трагедии Софокла «Электра» в московском Театре Луны. Незадолго до этого Театр Луны посетил с гастролями Карачаево-Черкесию, где с небывалым аншлагом прошел показ спектакля «Ночь нежна» по роману Ф. С. Фицджеральда.

Национальный театр Республики Адыгея имени И. С. Цея, Русский государственный театр имени А. С. Пушкина и Камерный музыкальный театр Республики Адыгея имени А. А. Ханаху участвовали в XIV Региональном театральном фестивале «Кубань театральная – 2014» имени народного артиста СССР М. А. Куликовского, ставшем своеобразным смотром достижений театрального искусства народов региона. Академический русский театр имени Е. Б. Вахтангова (Республика Северная Осетия-Алания) организовал обменные гастроли с Русским театром драмы и комедии Республики Калмыкия.

Профессиональные творческие коллективы из регионов Северного Кавказа – постоянные участники крупных мероприятий, проводимых по всей стране. Так, государственный фольклорный ансамбль песни и танца «Магас» (Республика Ингушетия) выступал с концертом на X Всероссийском молодежном образовательном форуме «Селигер–2014» в Тверской области. Мастера искусств Чеченской Республики участвовали в Днях культуры Чеченской Республики в Москве в июле 2014 г. Ансамбль народного танца «Айвад» (Республика Северная Осетия – Алания) стал участником Международного фестиваля народного творчества стран СНГ и Балтии «Содружество», прошедшем в 2015 г. в Ростове-на-Дону.

Лучшие творческие казачьи коллективы и мастера декоративно-прикладного творчества доказали уникальность Ставрополь-

ского края на фестивале национальных видов спорта и традиционной культуры «Кавказские игры», который прошел в Чеченской Республике. Одной из составляющих культурной программы стал большой этнографический комплекс «Казачье подворье», отображавший традиционное жилище казачьих семей в XIX–XX вв. На территории подворья, также была организована выставка самоваров, объединившая 250 уникальных экземпляров.

Коллектив Государственной филармонии Карачаево-Черкесской Республики принял участие в показе совместной программы Государственного хореографического ансамбля «Театр танца» и Красноярского академического ансамбля танца Сибири имени М. Голенко в рамках культурного проекта «Сибирь – Кавказ единый мир» 17 мая 2015 г. на сцене Русского театра драмы и комедии Черкесска.

Важнейшими событиями художественной жизни, связанными с интеграцией регионов Северного Кавказа в единое культурное пространство России, стали:

- выставка работ Лауреата Государственной премии Российской Федерации Михаила Шемякина;
- выставка живописи народных художников России Сергея Андрияки и Дмитрия Белюкина;
- персональная выставка сочинского художника Александра Отрошко «Сочи. Море. Настоящая живопись».

Литература всегда выступала мощным фактором объединения народов России, сохраняя при этом интернациональный характер и представляя собой важнейший ресурс взаимного влияния и взаимного духовного обогащения россиян, принадлежащих к разным этническим культурам. Необходимо отметить сокращение поля приложения усилий писателей в регионах: закрыты многие редакции по изданию национальных литератур, нет региональных литературных журналов, ориентированных на знакомство читателей с молодыми авторами, новые книги местных писателей редко становятся объектом внимания профессиональной критики и литературоведов. Во многих национальных книжных издательствах по-прежнему господствует распределительный характер формирования издательских планов. Писатели издаются в порядке очереди, квоты, к юбилеям, а не по принципу первоочередной публикации новых ярких произведений.

Но работа по формированию единого культурного пространства в сфере литературно-издательской деятельности все-таки ведется. Так например, с 28 по 31 июля 2015 г. состоялась конференция руководителей издательских предприятий Юга Рос-

сии, объединившая представителей из 10 субъектов федерации – Кабардино-Балкарии, Чечни, Дагестана, Ингушетии, Северной Осетии, Краснодарского и Ставропольского краев, Астраханской и Волгоградской областей, Республики Крым. Конференция была организована Ассоциацией книгоиздателей России при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Российского книжного союза и двух профильных региональных министерств – Кабардино-Балкарской Республики и Чеченской Республики. На конференции были рассмотрены актуальные вопросы культурной политики и возрождения интереса к чтению, проведены мастер-классы и семинары повышения квалификации издательских кадров.

В рамках долгосрочной программы Национальной библиотеки Республики Адыгея по восстановлению истории библиотек как части истории культуры региона с 2002 г. проводятся историко-библиотечные чтения. Из года в год круг участников мероприятий расширяется. Это специалисты Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, библиотек Краснодарского, Ставропольского краев, Ростовской области, Республик Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Чечня, а также Республики Абхазия; Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицина, Национального архива Республики Адыгея, Южного филиала Института Наследия.

* * *

Итак, региональная культурная политика представляет собой целостный феномен, образуемый непрерывным взаимодействием двух содержательных пластов – экзогенного и эндогенного. Она определяет стратегию государственного развития и призвана управлять духовной жизнью региона, координировать его взаимоотношения с центром, способствовать эффективному развитию региональных отношений. Региональная культурная политика является неотъемлемой составной частью культурной политики государства, направленной на совершенствование духовной жизни людей в соответствии с принятой государственной стратегией развития. В процессе реализации региональной культурной политики следует учитывать социально-экономические особенности территории, интересы и запросы различных категорий населения, культурный потенциал региона, общенациональные тенденции и местную специфику.

В то же время региональные диспропорции в доступе к услугам учреждений культуры, расходы на культуру, развитие инфраструктуры создают риски для сохранения единого культурного пространства. Региональные диспропорции в развитии культуры проявляются в зависимости от наличия институтов культурной жизни, финансировании и доступе к культурному наследию для значительных масс населения. Региональная дифференциация расходов на культуру и искусство в процентах от валового регионального продукта показывает недавнюю тенденцию к снижению (с 10 раз в 2010 г. до 6,5 раз в 2013 г.), тогда как региональные различия в сфере безопасности и развития инфраструктуры остаются значительными.

Стоит также отметить, что трансформация системных связей северокавказских народов, традиций межэтнического и межкультурного взаимодействия, осуществляемая за счет внешних и внутренних факторов, несет угрозы общему культурно-историческому наследию и выстраданному духовному единству общества. В этой связи важнейшей задачей ученых, деятелей культуры, науки, общественности Северного Кавказа является отстаивание на всех уровнях традиционной системы ценностей единого этнокультурного пространства. Заявивший о себе в предыдущие десятилетия экстремизм в любой его форме представляет чрезвычайную опасность для российского государства и общества. На Северном Кавказе любые проявления национализма и религиозной нетерпимости могут привести к тяжелым и необратимым последствиям. Ученые, общественные деятели, лидеры религиозных общин, представители гражданского общества, приложив все усилия, могут способствовать проведению последовательной, глубокой и настойчивой работы по профилактике экстремизма, искоренения предпосылок его проявления, своевременного выявления причин, способных спровоцировать конфликты на этнической, социальной или религиозной почве.

Принимая во внимание все это, необходимо активизировать поиск единых ценностных ориентиров и подходов к культурному наследию как основе культурно-исторического диалога не только народов Северного Кавказа, но и России в целом. Современная стратегия культурной жизни регионов Юга России, учитывая сложившийся опыт позитивного этнического взаимодействия, должна быть насыщена живыми инициативами, понятными молодым людям и направленными на объединение национальных интересов.

ГЛАВА 3

Ценностно-нормативный подход в контексте современной региональной культурной политики

3.1. Нормативно-правовая база региональной культурной политики как основа актуализации ценностей

Свое юридическое выражение государственная культурная политика находит в нормативных правовых актах разного уровня, исходящих от органов, осуществляющих нормотворческую деятельность. Научный анализ данных документов, учитывающий их ценностную компоненту, должен базироваться не только на специальных методах, применяемых в теории государства и права (формально-правовой, сравнительно-правовой методы, метод правового моделирования и т. д.), сколько на различных научных инструментах, позволяющих выявить и исследовать содержащиеся в них ценностно-нормативные конструкции: контент-анализ, дающий возможность трансформировать изначально не структурированную информацию в специально организованный массив данных, а также методы герменевтики, связанные с определением как правового, так и ценностного смысла тех или иных норм.

Концептуальный базис современной государственной культурной политики в Российской Федерации составляют положения «Основ государственной культурной политики», которые были утверждены в конце декабря 2014 г. Указом Президента Российской Федерации. Этот документ, разработанный Администрацией Президента Российской Федерации и прошедший широкое общественное обсуждение, ныне является основополагающим нормативным правовым актом в сфере культуры. Его положения получили дальнейшее развитие в Стратегии государственной культурной политики, утвержденной в феврале 2015 г. постановлением Правительства Российской Федерации.

Кроме того, в настоящее время продолжают действовать «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», принятые в начале 1990-х гг., в период кардинальных социально-политических изменений, и отражающие реалии и подходы, свойственные тому во многом непростому времени. С момента их

принятия во многом изменилась законодательная база культурной политики, благодаря прогрессу высоких технологий и Интернета подверглись определенной трансформации формы и способы доведения произведений культуры до массового зрителя, развивающаяся быстрыми темпами глобализация также оказала свое непростое влияние на национальную культуру. Все это еще в 2010 г. дало российским законодателям основание для утверждения о том, что принятые в 1992 г. «Основы...» «устарели и больше не соответствуют современному состоянию общества и уровню развития законодательной базы, не вписываются в реалии XXI века, не отражают потребности граждан Российской Федерации»¹. Поэтому с 2011 г. осуществляется обсуждение и подготовка федерального закона «О культуре»², при этом данный процесс характеризуется сложностью и противоречивостью, что является следствием плюрализма мнений и точек зрения на перспективы и приоритеты развития отечественной культуры, выражаемых различными политическими акторами и субъектами. Летом 2015 г. данный законопроект был вынесен на общественное обсуждение и за последующий период собрал немало комментариев и поправок. Несмотря на сложность стоящей перед законодателями задачи, связанной с его доработкой и принятием, председатель избранной в сентябре 2016 г. Государственной Думы VII созыва В. В. Володин согласен с мыслью о том, что «среди приоритетных законопроектов, которые должна будет рассмотреть Госдума..., должен быть закон о культуре»³. Судя по сообщениям СМИ, в подобном ключе высказываются и другие представители депутатского корпуса⁴, что дает определенную

---

¹ Парламентские слушания «О концепции проектанового базового федерального закона о культуре» // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (19 апреля 2010 года) – URL: <http://www.komitet2-3.km.duma.gov.ru/file.xp?idb=1746379&fn=2%20%E1%E0%E7%E2%FB%E9.doc&size=94720>.

² Законопроект № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации» // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=617570-5](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=617570-5).

³ Володин считает закон о культуре приоритетным для принятия Госдумой // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/politics/20161005/1478560016.html>.

⁴ См.: Говорухин: необходимо доработать и принять новый закон «О культуре» // Информационное агентство «Регнум». – URL: <https://regnum.ru/news/polit/2189126.html>; Сергей Боярский: новый регламент повысит престиж Госдумы // Парламентская газета. 21 окт. 2016. – URL:

уверенность в том, что закон «О культуре» может быть принят по крайней мере до момента истечения полномочий депутатов нового созыва. Реализация государственной политики в сфере культуры, как правило, сопряжена с рядом трудностей, которые, впрочем, не являются исключительным атрибутом нашего времени. Так, культура, к сожалению, почти всегда и повсеместно финансировалась по так называемому «остаточному принципу», а разработка оптимальной экономической модели ее функционирования является до сих пор предметом интенсивных дискуссий, в которых принимают участие ученые, деятели культуры, представители власти и гражданского общества. Помимо достаточно часто ощущаемого недостатка бюджетных средств для реализации мероприятий по государственной охране культурного наследия, существенным препятствием повышения степени эффективности использования государственных субсидий является «распыление» финансовых (а вслед за ними материально-технических и людских) ресурсов.

Выходом, позволяющим в значительной мере нивелировать проблемы финансового характера, является применение программно-целевого метода, сущность которого заключается «в отборе основных целей социального, экономического и научно-технического развития, разработке взаимосвязанных мероприятий по их достижению в намеченные сроки при сбалансированном обеспечении ресурсами и эффективном развитии производства»¹. Самой развитой формой конкретного выражения идей и принципов программно-целевого метода в области стратегического и финансового планирования является государственная программа, представляющая собой «документ стратегического планирования, содержащий комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам, а также инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации»².

<https://www.pnp.ru/state-duma/2016/10/21/sergey-boyarskiy-novyy-reglament-povysit-prestizh-gosdumy.html>.

¹ Денисов В. В. Социально-экономический проект как инструмент реализации региональной политики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Рыбинск, 2005. С. 10–11.

² Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации, утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588.

Основной федеральной государственной программой, нацеленной на достижение государственно-политических целей и задач в сфере культуры, является ныне действующая Федеральная целевая программа «Культура России» (2012–2018), служащая мощным средством осуществления культурной политики на общегосударственном уровне.

Суммируя все вышеизложенное, следует заключить, что нормативно-правовая база государственной культурной политики Российского государства состоит из трех основных блоков, составляющих нормативно-правовую триаду:

1) *регулятивно-правового блока*, опирающегося в настоящее время на Основы законодательства Российской Федерации о культуре, место которых, надо полагать, в ближайшем будущем займет закон «О культуре»; кроме того, в данный блок входят практически все законодательные акты, регламентирующие вопросы, связанные с культурой, например законы «О библиотечном деле», «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации» и ряд других нормативно-правовых документов, в которых определены основные направления деятельности государства в тех или иных областях культуры и искусства;

2) *концептуально-стратегического блока*, базис которого составляют Основы государственной культурной политики и Стратегия государственной культурной политики. В ряду документов, входящих в данный блок, следует указать Концепцию долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 г. (утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1019-р), Концепцию развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 гг. (утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 1244-р), Концепцию сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг. (утвержденную приказом Министерства культуры Российской Федерации от 17 декабря 2008 г. № 267) и др.;

3) *программно-целевого блока*, включающего нормативно-правовое обеспечение Федеральной целевой программы «Культура России» и других подобных программ.

Перечисленные документы являются основой реализации государственной культурной политики на федеральном уровне.

Между тем, развитие культурно-политической сферы регионов России, обладая значительным своеобразием, не менее важно для формирования гармонично развитой личности и укрепления единства российского общества. Региональная культурная специфика оказывает непосредственное влияние в том числе и на законодательство субъектов Российской Федерации, а также на функционирующие в них системы стратегического планирования развитием социокультурной сферы. Кроме того, значительнейшая доля событий культурной жизни в России происходит именно на региональном уровне, финансируется из региональных бюджетов при непосредственном участии органов государственной власти субъектов Федерации, осуществляющих государственную политику в области культуры. Региональные особенности культурной политики находят свою опору в определенном наборе ее ценностных ориентиров, элементы которого могут обладать как определенной самобытностью, так и совпадать по своему смысловому содержанию с аналогичными ценностными ориентирами, составляющими фундамент культурной политики в других регионах – уникальностью при этом обладает сама совокупность элементов, имеющих ценностную значимость.

Все это обуславливает важность исследования ценностного измерения региональной культурной политики прежде всего посредством анализа документов, составляющих ее нормативно-правовую базу. Проведенный по научно обоснованной методике, данный анализ позволит выявить совокупность ценностных оснований культурной политики определенного региона, а также разработать принципы их структурирования в рамках ценностной модели региональной культурной политики.

Неотъемлемой и самой яркой чертой Юга России, избранного в качестве «исследовательской площадки», было и остается многоликое разнообразие, проявляющее себя практически во всем: от природных ландшафтов до различных сфер человеческой деятельности. История этого обширного края весьма глубока и богата судьбоносными для многих народов событиями, поскольку на территории южнороссийского макрорегиона пересекались разнообразные миграционные потоки, из-за чего состав местного населения изначально формировался как сложный, но вместе с тем целостный комплекс элементов, различных по своей этнокультурной принадлежности.

В каждом из регионов Юга России действует хотя бы один из упомянутых элементов нормативно-правовой триады, регламенти-

рующих государственную культурную политику¹. Так, в большинстве из субъектов Федерации, входящих в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, действуют законы о культуре, исключением здесь являются Астраханская область, Республика Крым (разработан проект), город Севастополь и Чеченская Республика. В некоторых регионах в наименовании законодательного акта, регулирующего общественные отношения в сфере культуры, акцент сделан на ограничении сферы действия закона совокупностью неких конкретных аспектов: например, в Ставропольском крае («О некоторых вопросах в области культуры в Ставропольском крае») или в Карачаево-Черкесской Республике («О регулировании отдельных вопросов в сфере культуры на территории Карачаево-Черкесской Республики»); законодатели Волгоградской области уже на уровне наименования законодательного акта предпочли разграничить сферы культуры и искусства («О культуре и искусстве Волгоградской области»). Пять из рассмотренных региональных законов, регулирующих сферу культуры (Республика Адыгея, Краснодарский край, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания), были приняты в 1990-х гг., пять (Волгоградская область, Республика Калмыкия, Ростовская область, Кабардино-Балкарская Республика, Ставропольский край) – в течение первого десятилетия XXI в., один (Карачаево-Черкесская Республика) – в 2010-х гг. При этом в законодательные акты регулярно вносились изменения, последние редакции всех рассмотренных документов датируются 2015–2016 гг.

Концептуально-стратегические документы, определяющие развитие культуры, приняты всего в четырех из изучаемых пятнадцати субъектов Федерации, при этом три нормативных акта являются концепциями (Волгоградская, Ростовская области, Республика Дагестан), один – стратегией (Ставропольский край). Приняты они были в основном в период с 2012 по 2015 гг., за исключением «Стратегии развития отрасли культуры Ставропольского края на период до 2020 г.», утвержденной Министерством культуры данного региона в 2009 г.

Несмотря на то, что проанализированные региональные документы по стратегическому планированию в сфере культуры были приняты главным образом до момента вступления в силу общефедеральной Стратегии государственной культурной политики, их

¹ Полный перечень документов, регламентирующих региональную культурную политику субъектов Российской Федерации, расположенных на Юге России, представлен в Приложении 1.

3.1. Нормативно-правовая база региональной культурной политики...

структурные элементы по смыслу идентичны ее разделам. Практически все рассмотренные концептуально-стратегические документы содержат следующие структурные элементы, которые в большинстве своем скомпонованы последовательно:

- общие положения;
- характеристика современного состояния сферы культуры (анализ современной ситуации в указанной сфере в некоторых документах дается по отдельным отраслям и видам художественного творчества);
- цели, задачи и направления развития культуры (перспективы развития региональной культуры в ряде документов определены для отдельных отраслей или вида художественно-творческой деятельности);
- механизмы реализации перспективных целей и задач (указаны в большинстве проанализированных концептуальных документов);
- ожидаемые результаты и основные показатели эффективности результатов реализации положений концептуально-стратегического документа.

Таким образом, все рассмотренные нормативно-правовые документы в целом соответствуют по своей структуре требованиям п. 7 ст. 19 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹, определяющего требования к содержанию отраслевых документов стратегического планирования, принятых на федеральном уровне и закономерно распространяющихся на уровень законодательства субъектов Федерации.

Кроме того, отдельные документы включают разделы общего характера, определяющие принципы развития культуры (Концепция развития культуры в Волгоградской области на период до 2020 г.) или миссию отрасли культуры (Стратегии развития отрасли культуры Ставропольского края на период до 2020 г.). Отдельно в ряде случаев определяются также и этапы реализации положений документа.

Документы концептуально-стратегического характера, как уже было отмечено, приняты далеко не во всех регионах Юга России, что предоставляет обширное поле деятельности для органов исполнительной власти тех субъектов РФ, где соответствующие

---

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

нормативные правовые акты еще не разработаны; к тому же определяющий документ – общенациональная Стратегия культурной политики – уже принята и служит стержневой основой для создания концептуально-стратегических документов, определяющих главные ориентиры и направления развития региональной культуры.

Программно-целевые инструменты планирования процесса развития культуры, в отличие от концептуально-стратегических, используются во всех регионах Юга России и имеют статус государственных программ. Действующие программы были приняты в период с 2013 по 2016 гг., со сроком реализации от трех до семи лет. Структура и содержание данных нормативных правовых актов регламентируются Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» и Методическими указаниями по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации¹. В 2017 г. Минэкономразвития России утвердил новые Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, тем самым упомянутый в тексте документ утратил силу².

Основные формальные характеристики государственных программ (формы паспортов государственной программы и подпрограммы государственной программы) регламентируются и, как показывает практика нормотворчества, распространяются не только на федеральные, но и на региональные госпрограммы. Рассмотренные региональные государственные программы, нацеленные на развитие культуры, в структурном отношении соответствуют требованиям законодательства, отличаясь преимущественно лишь компоновкой структурных элементов и наличием тех или иных дополнительных и обосновывающих материалов.

В задачи данного исследования не входит рассмотрение финансовой составляющей государственных целевых программ или степени успешности различных мероприятий, которые проводятся

---

¹ Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утверждены приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № 690.

² Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации, утверждены приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 582.

в ходе их реализации, поэтому в контексте преследуемых целей и задач их формально-структурный анализ представляется исчерпывающей и необходимой основой для изучения заключенных в них аксиологических акцентов.

3.2. Методика аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику

Анализ формальной составляющей нормативно-правовых актов представляется достаточно общим инструментом, носящим в значительной степени внешний по отношению к ним характер, поэтому практически не выявляет конкретных ценностных ориентаций или направленности анализируемых документов. Интерпретационно-смысловой анализ их содержания также не увенчается приемлемым результатом, поскольку будет сосредоточен главным образом на констатации их соответствия тем или иным международным правовым актам, касающимся, например, прав и свобод человека, которые сами по себе понимаются как ценностные системы, или же нормам федерального законодательства.

Ценностная составляющая законотворческого процесса имеет огромное значение при разработке нормативных правовых актов, связанных с регулированием сферы культуры. Система духовно-нравственных ценностей, отражаясь в нормативных актах, становится не просто моральным ориентиром – она приобретает характер и силу закона, следование которому обязательно для всех граждан страны. Эта аксиологическая основа подчас достаточно очевидна и может лежать на поверхности, будучи непосредственно актуализирована в установочной части законодательного акта (например преамбуле). Вместе с тем в ряде случаев элементы ценностного фундамента того или иного нормативно-правового акта дисперсно распределены по его тексту, и для их выявления и объединения этого фундамента в монолитное целое требуется применение специальных методов, в частности, уже упоминавшегося контент-анализа.

Имеющиеся методологические подходы к изучению ценностей, упомянутые во введении к данному исследованию, разнообразны.

разные аксиологические классификационные системы (М. Рокич, В. Франкл, Д. А. Леонтьев, Н. С. Розов, Б. С. Ерасов, И. Ф. Исаев и др.), в том числе и те, которые принято воспринимать как классические, к сожалению, не в полной мере адекватно отражают обширный спектр ценностей, имеющих отношение к культурной жизни, представляясь, скорее, искусственными моделями, которые с большим или меньшим успехом могут быть применены лишь к тем или иным ее субъектам, – в основном к индивидуумам или отдельным группам.

Процесс появления многих новых субъектов культурной политики в период современной истории России, субъектов, являющихся индивидами (независимые создатели, менеджеры в сфере культуры и т. д.), социальными группами, партиями, институтами различных форм собственности, характеризуется тем, что они принимают активное и сознательное участие в развитии культуры часто с единственной целью финансовой выгоды. Поэтому можно заявить об активной конкуренции между субъектами культурной политики не только в смысле привлечения посетителей, но и в плане их финансовых ресурсов. Это особенно актуально для государственных и муниципальных субъектов культурной политики, которые не выдерживают такую конкуренцию с частными организациями по различным причинам. Нельзя не отметить, что специализированные социально ориентированные некоммерческие организации играют все более важную роль как одни из основных участников культурной политики в связи с активным развитием гражданского общества в Российской Федерации.

Многомерная сложность культуры, неоднозначный характер культурных явлений, колоссальное количество разнородных субъектов и акторов культурной политики, бесконечное множество проявлений творчества, изобилие зачастую полярных оценок этих проявлений – все это делает любую заранее разработанную теоретическую схему заведомо непригодной для практического использования. Именно поэтому в прикладном исследовании культурной политики необходимо исходить из данных эмпирического опыта, не пытаясь использовать готовые методологические инструменты, но собрав и обобщив материал наблюдений, постараться путем применения общенаучных методов создать рабочую классификационную модель, памятуя при этом о том, что она может быть применима исключительно для решения избранной конкретной задачи. В качестве объектов изучения необходимо использовать документы, входящие в состав нормативно-правовой триады государственной

культурной политики, при этом тщательно выявляя их ценностно-значимые элементы посредством анализа содержания текста.

Таким образом, именно контент-анализ как общенаучный методический инструмент должен лежать в основе предлагаемого метода аксиологического анализа нормативных правовых актов, первым этапом которого является выявление *ценностно-значимых утверждений*, представляющих собой фразы и предложения, имеющие аксиологическую смысловую нагрузку. Эти выражения могут быть как прямыми, так и опосредованными, что можно проиллюстрировать конкретными примерами:

1. *Опосредованное ценностно-значимое утверждение*: «...именно театр приобретает особую важность в развитии человеческого потенциала, в создании благоприятных предпосылок для плодотворной реализации способностей каждого человека, улучшения условий жизни жителей и качества социальной среды»¹.

Как можно заметить, данное утверждение состоит из двух основных частей, соединенных логической связкой: объектной (театр) и ценностной, которая приведенном примере включает сразу несколько аксиологических ориентиров (развитие человеческого потенциала, плодотворная реализация способностей каждого человека, улучшение условий жизни жителей и качества социальной среды). Одним словом, все подобные утверждения можно привести к схеме вида:

Объект [важен для] Ценность,

при этом содержание ценностной части должно иметь абстрактное значение (то есть обозначать понятие, свойство, действие, качество, состояние), относясь по своему смыслу к представлениям, идеям, целям и т. д., определяемым как несомненное, безоговорочно признаваемое благо для индивидуума, общества, государства или всех их совокупно. При условии соответствия объекта данным требованиям, он также может рассматриваться как ценностно-значимый компонент утверждения.

2. *Прямое ценностно-значимое утверждение*: «реализация Программы будет осуществляться в соответствии со следующими основными приоритетами:

---

¹ Государственная программа Волгоградской области «Развитие культуры и туризма в Волгоградской области на 2015–2020 гг.», утверждена Постановлением Администрации Волгоградской области от 8 мая 2015 г. № 217-п.

<...> 3) создание условий для творческой самореализации граждан, культурно-просветительской деятельности, организации художественного образования и культурного досуга...»¹.

В данном выражении также можно выделить две части: ориентационную, определяющую высокую значимость последующих выражений в структуре документа, и ценностную: при этом ориентационная и ценностная компоненты соотносятся друг с другом как целое и часть. Выраженное в виде схемы, оно принимает вид:

Основание [является] Ценность,

где на месте оснований могут фигурировать цели, принципы, приоритеты и иные положения, определяющие фундамент развития культуры или культурной политики. Ценностная часть, кроме наполненности положительным смыслом, может одновременно являться целью (задачей) развития и удовлетворять определенную духовную потребность.

Таким образом, первый этап предлагаемой методики состоит в выявлении ценностно-значимых утверждений путем содержательного анализа текста документа.

Второй этап заключается в определении *ценностно-целевых ориентиров* документа путем объединения близких в смысловом отношении ценностно-значимых утверждений.

Например, в ходе предыдущего этапа при анализе *Концепции развития культуры в Волгоградской области на период до 2020 г.* были выделены три ценностно-значимы

1. «Государственная политика в сфере развития культуры в Волгоградской области направлена на сохранение культурного наследия и развитие культурного многообразия...».

2. «В основе государственной политики в сфере развития культуры Волгоградской области на период до 2020 года лежат следующие принципы:

<...> – признание культурного разнообразия и осознание единства культурного пространства Волгоградской области»;

3. «<...> ... – культурные права, свободы, плюрализм».

Эти утверждения объединены идеей сохранения культурного многообразия (плюрализма культур), которая и представляет собой ценностно-целевой ориентир.

¹ Государственная программа Республики Адыгея «Развитие культуры на 2014–2018 гг.», утверждена Постановлением Кабинета Министров Республики Адыгея от 21 ноября 2013 г. № 272.

В том же документе содержатся следующие утверждения:

1. «Библиотеки являются не только хранителями исторической памяти и традиций, но и являются структурой, которая способна обновить традицию, организовать новые смыслы вокруг культурных феноменов».

2. «Музеи способны не только сохранять ценности и обеспечить к ним доступ граждан, но и создавать инновационные культурные продукты, события и смыслы».

3. «В процессе реализации концепции планируется поэтапно достичь следующих результатов:

<...> эффективное сочетание традиций и новаторства в культурной сфере».

Общей для данных утверждений является идея о культурных инновациях как о ценностном ориентире, значимыми качествами которого являются сочетание с традицией и ее обновление.

В результате проведенных обобщений формируется корпус ценностно-целевых ориентиров анализируемого документа (*Приложение 2*). При этом может быть выявлено несколько десятков подобных ориентиров, среди которых можно назвать, помимо упомянутых: свободу информации, развитие и самореализацию индивидуума, создание (упрочение, интеграцию) единого культурного пространства региона, патриотизм, национальное согласие, популяризацию наследия, истории и культуры региона, возрождение семейных традиций, улучшение качества жизни, творческий плюрализм и т. д.

В каждом регионе существует свой уникальный набор ценностно-целевых ориентиров, зависящий в первую очередь от культурной специфики субъекта Федерации. Кроме того, дальнейший анализ показывает, что данные ориентиры могут быть сгруппированы в зависимости от смысловой привязки к личности, обществу, региону, государству или же обладать важностью для человеческой цивилизации в целом. Процесс дальнейшего абстрагирования составляет содержание третьего этапа предлагаемой методики и приводит к выявлению *ценностных приоритетов*, которые лежат в основе региональной культурной политики. Например, совокупность следующих ценностно-целевых ориентиров, отраженных в Концепции культурной политики Волгоградской области (*Приложение 3*), заставляет определить в качестве одной из ценностных основ документа идею прогресса: развитие и самореализацию индивидуума, прогресс общества, развитие государства, устойчивое региональное развитие, модернизацию региона,

модернизацию образа жизни. Как можно заметить, каждый из рассмотренных ценностно-целевых ориентиров по своему смыслу и происхождению связан соответственно с личностью, обществом, государством и регионом; последний ориентир (модернизация образа жизни) имеет универсальный характер и присущ всем перечисленным субъектам процесса культурного развития. Для большей наглядности полученные результаты по ценностному приоритету «прогресс» следует объединить в таблицу, дополнив их другими ценностно-целевыми ориентирами, отражающими идеи прогресса и развития.

Подобным же образом (путем группировки ценностно-целевых ориентиров, дальнейшего их соотнесения и обобщения) выделяются и остальные элементы, определяющие ценностно-нормативную основу государственной культурной политики в том или ином регионе, которые в своем единстве образуют матрицу ценностных приоритетов. Для Концепции культурной политики Волгоградской области данная матрица приведена в *Приложении 3*. Исходя из приведенных в ней данных, можно сделать вывод, что ценностными приоритетами, определяющими культурную политику данного региона, являются:

- прогресс;
- наука, образование, просвещение;
- единство;
- согласие, взаимоуважение, диалог;
- равенство и социальная справедливость;
- творчество, новаторство, приращение культуры;
- стабильность, сохранение культурных благ, духовных и культурных традиций;
- качество жизни;
- самостоятельность, автономность;
- гражданственность, патриотизм;
- плюрализм, многообразие, культурное разнообразие;
- законность и права человека;
- культурное выживание и упрочение влияния государства и региона.

Рассмотренный документ является самым объемным и содержательным из всех нормативных правовых актов концептуально-стратегического содержания, подвергшихся анализу в данном исследовании, поэтому сформированная на его основе матрица ценностных приоритетов может служить первоначальной основой для аксиологического анализа других подобных документов.

Таблица 3.1

Результаты анализа ценностно-целевых ориентиров
Концепции культурной политики Волгоградской области
по ценностному приоритету «прогресс»

Ценностные приоритеты	Личность	Общество	Государство	Регион	Универсальные ориентиры
Прогресс	Развитие и самореализация индивидуума	Прогресс общества	Развитие государства	Устойчивое региональное развитие, модернизация региона	Модернизация образа жизни
	Непрерывное личностное совершенствование	Творческое развитие молодежи		Повышение уровня развития культурной среды региона	Прогресс культуры
					Развитие цивилизации

Ценностные приоритеты, которыми наполнена Концепция региональной культурной политики в Республике Дагестан на период до 2020 г., по сугубо формальным характеристикам совпадают с приоритетами, отражающими ценностную направленность культурной политики в Волгоградской области, однако на уровне ценностно-целевых ориентиров, составляющих содержание матрицы приоритетов, отмечаются определенные различия (*Приложение 4*). Так, наиболее значительное внимание региональные власти северокавказской республики уделяют повышению конкурентоспособности региона, улучшению его имиджа, т. е. ценностным ориентирам, относящимся к безопасности и упрочению влияния. Отдельное место в документе отводится характеристике культуры и искусства как самостоятельных ценностей, проблемам формирования культурной личности, относящимся к ценностным идеям прогресса, а также таким ценностным приоритетам, как наука, образование, просвещение и воспитание (*Приложение 5*).

Вместе с тем, в Концепции региональной культурной политики в Республике Дагестан отсутствуют такие понятия, как «патриотизм» и «национальное согласие», хотя упоминается утверждение самосознания людей разных национальностей как граждан единой страны, фактически означающее формирование общероссийской гражданской идентичности.

В целом концептуально-стратегические документы несут в себе значительную долю ценностно-значимых утверждений, что делает их весьма репрезентативными для анализа аксиологической составляющей. Вызывает определенное сожаление лишь тот факт, что данные нормативные правовые документы разработаны далеко не всеми регионами, поскольку акты стратегического планирования в сфере культуры не относятся к документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках планирования и программирования на уровне субъекта Российской Федерации, и их наличие не является, таким образом, обязательным. Между тем, как показывает практика, определение главнейших приоритетов, целей, задач развития культуры является не просто формальным требованием современности, но насущно необходимо в силу объективного усложнения системы общественных отношений, включения высоких технологий и информационных коммуникаций в сферу взаимодействия субъектов культуры и необходимости модернизации культурной инфраструктуры в субъектах Российской Федерации.

Сфера региональной культуры, тем не менее, в первом приближении может регулироваться посредством собственно зако-

нодательных актов – региональных законов, регламентирующих общественные отношения в ней. Все ценностно-значимые утверждения в той или иной степени относятся к оценочным суждениям, в большинстве случаев неприемлемым для свойственного им (законодательным актам) строгого стиля, атрибутом которого является обязательная точность и однозначность изложения правовых норм. В силу данного обстоятельства нормативные правовые акты, принимаемые представительными органами власти, предоставляют в распоряжение исследователя сравнительно небольшой объем материала. Тем не менее, ценностные матрицы, формируемые на их основе, также важны для нужд аксиологического анализа региональной культурной политики.

В ходе исследования был проанализирован областной закон Ростовской области «О культуре», принятый в октябре 2004 г. В ряду самых сильных ценностно-смысловых акцентов документа стоит обеспечение прав и свобод граждан (особо отмечены при этом граждане, имеющие ограничения по здоровью), что, в принципе, является закономерным для содержания правоустанавливающего документа. Сохранение традиций в форме поддержки народных художественных промыслов, ремесел, самостоятельного творчества, а также сохранение культурного наследия тоже занимают видное место в кругу ценностно-значимых ориентиров культурной политики в Ростовской области. В законе уделено также внимание вопросам сохранения и поддержки профессионального искусства, при этом весомые меры законодатель стремится осуществлять в отношении юных талантов и начинающих исполнителей, что определяет аксиологическую нацеленность культурной политики на творческое развитие молодежи, обновление и обогащение существующей культурной палитры новыми яркими творческими тонами.

Вышеописанные методы были применены при анализе всех документов, приведенных в *Приложении 1*, при этом были получены следующие выводы: нормативно-правовые документы субъектов Российской Федерации, расположенных на Юге России, определяющие культурную политику данных регионов, не содержат положений, состоящих в отрицании традиционных духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России; ни в одном из рассмотренных документов не отмечена пропаганда национальной исключительности, ограничения прав или свобод граждан по признаку принадлежности к определенной национальной или культурной группе; в проанализированных источниках отсутствуют отрицательные оценки или негативные установки в

отношении каких-либо этнических, конфессиональных или субкультурных групп; в культурной политике регионов отсутствуют идеи ценностного нигилизма, морального равнодушия, циничного прагматизма или этического релятивизма.

Рассмотренные документы свидетельствуют о том, что основными ценностными приоритетами, абсолютными основаниями ценностной матрицы региональной культурной политики практически во всех субъектах Юга России являются: прогресс (развитие), знание (наука, образование, просвещение, воспитание), единство, согласие (взаимоуважение и диалог), равенство и социальная справедливость, творчество (созидание, новаторство, приращение культуры), стабильность (сохранение культурных благ, ценностей, духовных и культурных традиций), качество жизни, гражданственность и патриотизм, культурное многообразие (плюрализм, разнообразие), законность и права человека, выживание, безопасность и расширение возможностей человека, региона и государства. Все перечисленные ценности в совокупности демонстрируют глубоко гуманистическую направленность региональной культурной политики, сформулированной с опорой на идею сохранения непреходящих традиционных ценностей, бесценного культурного наследия, ее прогрессивный, созидательный, творчески ориентированный, инновационный характер, основанный на приоритете научного знания, образования и просвещения. В свете положений изученных документов полноценное развитие региональной культуры является одним из факторов воспитания патриотизма и гражданственности, залогом повышения качества жизни людей и становится возможным в условиях культурного многообразия, взаимоуважения, диалога, формирующих единство регионального и общероссийского культурного пространства.

Вместе с тем необходимо отметить, что набор ценностных приоритетов региональной культурной политики должен быть дополнен духовно-нравственными ценностями, которые сложились в ходе исторического развития России (человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравственного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством¹). В настоящее время, к сожалению, результаты проведенного исследования не позволяют напрямую констатировать наличие данных аксиологических

---

¹ См.: Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г., утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р.

ориентиров в документах, определяющих региональную культурную политику.

Кроме того, при разработке региональных концептуально-стратегических документов необходимо учитывать установки, определенные в Основах государственной культурной политики и Стратегии государственной культурной политики, которые, будучи общефедеральными нормативными актами, должны служить общей идейной основой для создания регионального законодательства не только в политико-правовом, но и в аксиологическом аспекте. Для этого, безусловно, требуется тщательное изучение особенностей региона (социально-экономических, культурно-исторических, этнокультурных, культурно-инфраструктурных и др.), которое позволит достичь эффективного сочетания общего и особенного в региональной культурной политике. Немаловажным также является определение специфических для региона вызовов, в частности, обладающих потенциальной опасностью для ценностной сферы. Помимо этого необходимо определить основные характеристики модели региональной культуры, которая станет результирующей суммой всех мер, предусмотренных той или иной стратегией или программой. При этом учет количественных показателей, определяющих эффективность региональной культурной политики, представляется явно недостаточным, поскольку ясно, что при анализе ее результатов необходимо исходить прежде всего из того, насколько планомерные и последовательные инвестиции в человека привели к качественному обновлению его личности¹. Отсюда следует необходимость использования при оценке эффективности политики в сфере культуры методов, основанных на изучении изменений, происходящих с обществом и индивидуумом под влиянием культуры и определенной ценностной матрицы, задающей приоритеты региональной культурной политики.

Эффективность региональной культурной политики в значительной степени зависит от того, насколько её формы, характер и целенаправленность отвечают закономерностям динамики культуры. Но при этом методическая база подобного понимания региональной культурной политики пока отстает от реальных процессов в сфере региональной культуры, а аксиологический анализ на постоянно действующей основе не проводится.

---

¹ См.: Основы государственной культурной политики, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.

Отсюда следует необходимость использования при оценке эффективности политики в сфере культуры методик, основанных на изучении изменений, происходящих с обществом и индивидуумом под влиянием культуры и определенной ценностной системы, задающей приоритеты региональной культурной политики.

Поиск критериев и измеряемых показателей эффективности реализации региональной культурной политики является достаточно сложной задачей, не имеющей единых методических подходов. Поэтому оценку культурной политики в регионе предлагается проводить по следующим направлениям:

- анализ ее соответствия федеральной и региональной нормативно-правовой базе в сфере культурной политики;
- измерение ценностного потенциала путем анализа ценностно-идентификационной основы объединения населения региона, анализа воздействия культуры и искусства на формирование ценностных установок жителей региона;
- социокультурное исследование инфраструктуры отрасли культуры региона, которое включает оценку деятельности подведомственных учреждений, востребованность их различными социально-демографическими группами населения региона.

По каждому из обозначенных направлений должны осуществляться мониторинговые замеры, результаты которых предлагается использовать в деятельности органов власти региона.

Цель методики аксиологического анализа эффективности реализации региональной культурной политики – определить ценностные характеристики участия жителей в культурной жизни и запросы, которые они предъявляют к сфере культуры региона, а также выявить факторы, обуславливающие выбор населения в данной сфере. Посредством данной методики предлагается провести анализ нормативной основы региональной культурной политики и культурных практик региона; изучить, услуги каких учреждений культуры пользуются наибольшим спросом; проанализировать структуры культурного запроса жителей региона, факторов, его определяющих, и различий в запросах разных групп населения в контексте ценностно-нормативного подхода.

Задача подобных исследований заключается не только в «замере» различных составляющих культурного развития, исследовании её отдельных фактов и феноменов, но и в попытке взглянуть на культуру региона в её целостности, представив общую картину ее функционирования.

Методика исследования предполагает систематизацию информации по следующим направлениям:

1. Сравнительный анализ основных характеристик и показателей нормативно-правовой базы федерального и регионального уровня в сфере культурной политики.

2. Анализ основных форм и особенностей реализации региональной культурной политики.

3. Анализ степени соответствия отраженных в нормативно-правовых документах ценностных подходов региональной культурной политики аксиологической направленности реализуемых в сфере культуры мероприятий.

4. Анализ интенсивности потребления художественных образцов и ценностей через замеры периодичности и частоты контактов населения со сферой искусства, исследование типичных форм проведения свободного времени потребителя.

5. Исследование мотивационной активности в формировании художественного интереса потребителя через установление видов художественно-эстетических занятий в жизни человека, определение места, которое они занимают в сознании потребителя, и того, какова степень их осознания и актуального выражения в виде художественного запроса.

6. Разработка рейтинга художественных предпочтений населения региона.

7. Анализ репертуарно-содержательной политики учреждений культуры и искусства региона через оценку действующего репертуара учреждений.

8. Тестирование степени удовлетворённости потребителей системой услуг региональных организаций культуры.

9. Исследование факторов влияния на мотивационную стратегию потребления культурных продуктов рекламно-информационной деятельности организаций культуры.

10. Анализ интенсивности деятельности общественных институтов и художественно-культурных площадок в регионе через изучение гастрольной деятельности, фестивалей и художественных акций.

11. Исследование информационно-коммуникативного поля художественной культуры региона.

12. Изучение социальных эффектов воздействия искусства на потребителя с привлечением социально-психологических методик исследования, позволяющих фиксировать феномен долгосрочного влияния художественных ценностей на индивидуума.

3.3. Культурная жизнь современного сельского социума как индикатор степени эффективности региональной культурной политики (на примере Краснодарского края)

Ярко выраженная разнородность социального и культурного пространства современной России требует выработки новых концепций и механизмов «научно-обоснованной культурной политики» (В. М. Петров). В этих обстоятельствах значительно возрастает роль исследований о культуре и обществе, в особенности их фундаментального уровня, приоритетное развитие которого рассматривается как важный фактор эффективного общественного развития. В этой связи особую актуальность приобретает проблема изучения культурной жизни страны и ее многочисленных регионов.

Необходимость мониторинга эффективности культурной политики в Российской Федерации определена в «Основах государственной культурной политики», где указано, что «достижение целей государственной культурной политики требует проведения регулярного мониторинга состояния общества и его культурного развития на основе специально разработанной системы целевых показателей»¹. В настоящее время эта проблема все чаще становится предметом специальных прикладных исследований в регионах России², однако необходимо отметить, что в подавляющем большинстве речь идет об оценке потенциала культурной жизни и выявлении динамики развития городской субкультуры³. При этом не вызывает никаких сомнений, что необходим и специальный анализ состояния и противоречий культурной жизни сельского социума на современном этапе.

---

¹ Основы государственной культурной политики, утверждены Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808.

² См., напр.,: Зубанова Л. Б., Рушанин В. Я. Культура в действии: социологический мониторинг эффективности культурной политики в регионе (на примере Челябинской области) // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 46–52.

³ См., подроб.: Скрипачева И. А. Городской образ жизни как составляющая часть культурной системы общества // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 71–76; Скрипачева И. А. Социальная реальность города сквозь призму культурных процессов (на примере г. Тольятти) // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 114–119.

В настоящем параграфе представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в рамках выполнения государственного задания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева по теме «Ценностно-нормативный подход как основа реализации региональной культурной политики». Определяя исследовательскую стратегию, авторы опирались на стереометрическую модель пространства А. С. Кармина¹, формализованную М. Я. Сарафом. Согласно этой модели, культурное пространство есть координатный континуум, имеющий три измерения: X – когнитивная ось, Y – ценностная; Z – регулятивная; следовательно, плоскость XY – область духовной культуры, YZ – социальной, XZ – технической². Исходя из этого культурную жизнь можно представить как ассиметричное образование различных подсистем, динамику которого определяет их взаимодействие. Выявление ряда количественных показателей, характеризующих эти подсистемы, позволяет сделать выводы относительно состояния культурной жизни современного сельского социума и определения эффективности практик реализации культурной политики с учетом оценок населения. Изначально определенные границы поля анализа культурной жизни соответствуют общесистемным представлениям и отвечают трем необходимым критериям (по Ж. Вьету и Ж. Пиаже) – целостности, трансформации и саморегулирования³.

Исследовательская стратегия включала следующие аспекты:

- замеры общественного мнения по основным характеристикам культурной жизни и проблемам эффективности функционирования учреждений культуры в сельских районах Краснодарского края;
- диагностика социокультурного воздействия активных практик культурной политики на ценностные и поведенческие установки;
- предложения по регулированию государственной культурной политики региона в соответствии с оценками населения.

---

¹ Кармин А. С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 58.

² Сараф М. Я. Измерение культурного пространства // Пространство и время. 2014. № 1. С. 63.

³ Коваленко Т. В. К вопросу о построении теоретической модели современной российской театральной культуры // Материалы международного конгресса по креативности и психологии искусства. М.; Пермь, 2005. С. 279.

Авторами был разработан анкетный опрос «Основные характеристики и динамика культурной жизни современного сельского социума». Выборка составила 1428 респондентов – жителей трех сельских районов Краснодарского края, социально-демографические возрастные группы которых представлены в таблице 3.2.

Таблица 3.2

Социально-демографические группы
участников исследования (%)

Район Краснодарского края	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Гулькевичский	33,5	41,6	29,7	33,4	33,0
Каневской	35,4	29,0	39,1	37,4	34,0
Тбилисский	31,1	29,4	31,2	29,2	33,0
Весь массив	100	100	100	100	100

Эмпирическое исследование основных характеристик и динамики культурной жизни современного сельского социума включало в себя следующие тематические блоки:

- изучение взаимодействий аудитории со сферой культуры и искусства;
- анализ свободного времени и включение художественно-эстетических занятий в его структуру для различных групп сельского населения;
- установление мотивации участия сельского населения в событиях культурной жизни и посещении учреждений культуры;
- выявление эффекта воздействия активных практик культурной политики на ценностные и поведенческие установки респондентов¹.

Исследование состояния культурной жизни современного сельского социума в указанном ключе позволяет не только проанализировать ее текущее состояние и определить перспективы развития, но и, в соответствии с теоретической моделью централизации Г. А. Голицына², экстраполировать его результаты на пове-

¹ По условиям исследования для ряда вопросов анкеты был возможен выбор нескольких вариантов ответа, но не более трех.

² См.: Голицын Г. А. Искусство «высокое» и «низкое»: системная роль элитарной субкультуры // Творчество в искусстве – искусство творчества. М., 2000. С. 245–264.

3.3. Культурная жизнь современного сельского социума...

денческие установки и мотивацию соответствующих социально-демографических групп сельского населения других районов Краснодарского края, не включенных в выборку.

Как свидетельствуют результаты анкетного опроса, большинство респондентов исследуемых районов (65,3%) удовлетворены состоянием культурной жизни и считают основой своего участия в ней посещение учреждений культуры свободное время. Основными учреждениями сельской местности, где проходят культурные события Краснодарского края, являются клубы (дома или дворцы культуры, культурно-досуговые центры), библиотеки и музеи.

Цели, с которыми чаще всего жители районных центров и станций Кубани посещают клубы (дома / дворцы культуры, культурно-досуговые центры), библиотеки и музеи, отражены в таблице 3.3 и распределяются следующим образом:

Таблица 3.3

Распределение по социально-демографическим группам целей посещения учреждений культуры (%)

Цели посещения	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Пообщаться с друзьями, односельчанами	46,0	61,8	31,7	39,8	33,7
Узнать местные новости	14,6	11,1	13,5	15,2	18,4
Послушать лекции, встретиться с писателем, артистом	5,2	4,2	4,3	6,8	4,9
Потанцевать	19,3	63,4	21,0	3,1	2,4
Принять участие в массовом мероприятии	23,5	25,6	32,6	21,3	11,8
Послушать концерт, посмотреть спектакль	40,4	33,6	40,1	48,1	34,4
Посмотреть фильм	5,0	6,1	4,8	5,7	3,1
Заняться художественным или техническим творчеством	2,0	3,1	2,4	1,8	0,7
Принять участие в политических мероприятиях, выборах	25,6	9,5	20,0	32,7	37,5

Сельские жители приходят в учреждения культуры в основном для общения с друзьями, односельчанами (46,0%), послушать концерт или посмотреть спектакль (40,4%). Для молодежи в возрасте от 18 до 25 лет, помимо указанных целей, важно потанцевать (63,4%) или принять участие в массовом мероприятии (25,6%), для лиц старше 60 лет – узнать местные новости (18,4%) или прийти на политические мероприятия, особенно выборы (37,5%).

Результаты периодичности посещений учреждений культуры населением, представленные в таблице 3.4, свидетельствуют об эпизодическом характере личной включенности жителей Краснодарского края в культурную жизнь.

Таблица 3.4

Посещаемость учреждений культуры
сельскими жителями Краснодарского края (%)

Вопрос / ответ	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Как часто вы посещаете клуб (дворец культуры)?					
у нас их нет	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3
совсем не хожу	27,7	10,7	23,2	28,4	49,3
несколько раз в год	48,1	34,7	53,6	55,8	39,6
2-3 раза в месяц	8,4	20,2	6,3	6,8	3,1
не чаще 1 раза в неделю	4,6	11,8	5,1	2,0	1,4
2-3 раза в неделю	5,1	15,6	4,8	1,5	1,4
практически ежедневно	2,0	4,6	2,2	1,1	1,0
нет ответа	3,9	2,3	4,6	4,2	3,9
Как часто вы посещаете библиотеку?					
у нас их нет	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1
совсем не хожу	46,9	37,8	38,6	46,4	69,1
несколько раз в год	24,2	30,2	29,7	22,2	13,5
2-3 раза в месяц	17,2	19,5	20,5	18,9	7,3
не чаще 1 раза в неделю	3,1	4,2	3,9	3,1	1,0
2-3 раза в неделю	1,6	3,4	1,4	1,3	0,7
практически ежедневно	1,0	1,1	0,7	1,3	0,7
нет ответа	5,9	3,7	5,1	6,6	7,6

Продолжение Табл. 3.4

Как часто вы посещаете парк?					
у нас их нет	33,0	40,1	30,9	31,2	33,3
совсем не хожу	25,6	13,0	21,5	28,6	38,2
несколько раз в год	25,5	19,8	31,2	26,8	19,8
2-3 раза в месяц	5,0	10,7	5,8	4,0	0,7
не чаще 1 раза в неделю	2,3	5,3	2,4	1,3	1,0
2-3 раза в неделю	1,5	4,6	1,2	0,9	0
практически ежедневно	1,6	2,7	1,0	0,9	0,3
нет ответа	5,5	3,8	6,0	6,3	6,7
Как часто вы посещаете музей?					
у нас их нет	34,3	40,1	34,3	34,1	36,1
совсем не хожу	45,9	13,0	44,9	45,7	45,8
несколько раз в год	11,4	19,8	11,6	11,6	10,4
2-3 раза в месяц	0,2	10,7	0,2	0,2	0
не чаще 1 раза в неделю	0,1	5,3	0	0	0
2-3 раза в неделю	0,1	4,6	0,2	0	0
практически ежедневно	0,1	2,7	0,5	0,2	0
нет ответа	7,9	3,8	8,3	8,2	7,7

По результатам опроса жителей при фиксации частоты и регулярности посещений клубов, библиотек, парков и музеев наиболее распространенным вариантом ответов для возрастных групп 26–40 и 41–60 лет был «несколько раз в год», в то время как в группах от 60-ти и старше лидировал ответ «совсем не хожу». Анализ ответов говорит о том, что в сельской местности Краснодарского края существует проблема формирования активной аудитории учреждений культуры.

Для группы молодежи (18-25 лет) посещение учреждений культуры и искусства сводится к участию в массовых событиях, развлекательных мероприятиях и досуговых практиках.

Необходимо отметить низкие показатели интереса аудитории к музейной сфере, учитывая богатое природное и культурное разнообразие наследия Кубани. Невысокие рейтинговые позиции музеев в ответах респондентов («у нас их [музеев] нет») – 34,3%, «совсем

не хожу» – 45,9%, «несколько раз в год» – 11,4%), на наш взгляд, выступают симптомами игнорирования региональных традиций, ослабления связи современного сельского жителя с историко-культурным наследием территории.

Большая доля ответов «у нас их нет» на вопросы относительно парков и музеев говорит о проблемах, связанных с невостребованным социально-культурным потенциалом жителей сельской местности как ресурсом целенаправленного развития регионально-го туризма, и происходящих в сфере культуры процессов, направленных на изучение и сохранение культурного наследия края¹. Вышеуказанный ответ входит в тройку наиболее распространенных выборов – около 30%. Описанная ситуация ведет к углублению проблемы духовного неравенства², формированию непреодолимых разрывов между городской и сельской субкультурами и вне всякого сомнения нуждается в регулировании путем проведения научно-обоснованной культурной политики.

Тем не менее, отсутствие определенных типов учреждений культуры на территории населенного пункта не приводит к формированию стимулов к их посещению в городе, аккумулирующему все направления культурно-исторического и природного наследия, театрального искусства, современных художественных практик, народных художественных промыслов (см. таблицу 3.5).

Вызывает беспокойство то, что почти 51% ответивших респондентов практически никогда не посещают учреждения культуры, выезжая из своих районов в город Краснодар. Частично отсутствие контактов со сферой культуры компенсируется выездами творческих коллективов Краснодарской государственной филармонии и Творческого объединения «Премьера» с гастрольными турами в муниципальные образования края, хотя их интенсивность явно недостаточная.

Особенностью современных контактов сельского жителя со сферой культуры и искусства становится феномен «одомашненно-

---

¹ См. подроб.: Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А. Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 17–23. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gorlova_Bychkova_Kostina.pdf.

² См. подроб.: Горлова И. И., Коваленко Т. В. Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 26. С. 105–111.

го» потребления, то есть замена непосредственных контактов (посещений учреждений культуры, индивидуальных художественно-эстетических занятий) на пассивные, реализуемые посредством просмотра медиа-ресурсов (телевидение, Интернет).

Таблица 3.5

Посещение учреждений культуры
сельскими жителями Краснодарского края
при выезде в город Краснодар (%)

Интенсивность посещений	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Да, регулярно	26,2	36,8	25,7	23,4	20,5
Да, когда выезжаю с детьми	20,8	14,5	31,4	25,5	8,7
Практически никогда	50,9	47,2	40,7	49,8	67,3
нет ответа	2,1	1,5	2,2	1,3	3,5

В сфере проведения досуга традиционно популярные направления культурной жизни (кино, библиотека, клуб, массовые праздники) конкурируют с просмотром телевизионных передач, Интернетом, чтением дома книг, газет, журналов, занятиями домашними делами (см. таблицу 3.6).

Таблица 3.6

Основные виды занятий в свободное время
у сельских жителей Краснодарского края (%)

Виды занятий	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Хожу в кино	1,8	3,4	1,0	2,2	0,7
Смотрю телевизор, слушаю музыку, использую Интернет	53,5	49,2	53,1	55,4	55,6
Хожу в библиотеку	15,0	19,5	14,5	17,6	8,0
Хожу в клуб (ДК)	16,0	27,5	17,9	12,7	8,0
Читаю дома книги, газеты, журналы	35,1	28,6	34,1	40,4	34,0
Отдыхаю, ничего не делаю	7,5	10,3	6,3	5,9	9,4

Продолжение табл. 3.6

Хожу на рыбалку, охоту	12,8	9,5	14,3	16,0	8,7
Бываю на вечерах, массовых праздниках, танцах	11,5	24,0	12,1	7,5	5,2
Занимаюсь в кружках по интересам и т.п.	1,5	1,5	2,2	1,3	0,3
Занимаюсь спортом	4,3	12,6	3,4	2,2	1,0

Так, согласно опросу, наиболее востребованными видами занятий в свободное время оказываются: просмотр фильмов, концертов, спектаклей по телевизору и Интернету (53,5%), чтение книг, газет, журналов в домашних условиях (35,1%).

Участие в событиях культурной жизни формирует особый тип аудитории, однако результаты опроса указывают на то, что художественно-эстетическое потребление в домашних условиях явно опережает непосредственные контакты. Посещение учреждений культуры занимает невысокую позицию в ответах респондентов (в среднем от 11,5 до 16%); варианты, предусматривающие активные формы культурной жизни (занятия в кружках по интересам и т.п.), не превышают даже двух с половиной процентов практически для всех социально-демографических групп.

При определении причин, которые мешают посещать учреждения культуры в сельской местности (представлены в таблице 3.7), особое место в ответах респондентов заняла позиция «дома есть телевизор, DVD-проигрыватель» – 32,9%.

Таблица 3.7

Причины, мешающие часто посещать учреждения культуры в сельской местности Краснодарского края (%)

Причины	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Семейные обстоятельства	31,1	30,5	42,0	27,7	20,8
Плохое здоровье	20,3	1,5	3,4	19,8	62,5
Нежелание никуда ходить	9,5	5,3	8,2	10,5	12,8
Наличие дома телевизора, DVD-проигрывателя	32,9	38,2	34,1	32,3	27,8

Продолжение табл. 3.7

Отсутствие интересных мероприятий в клубе (ДК)	10,9	17,2	15,0	7,9	4,2
Клуб находится далеко от дома	10,0	9,2	8,2	9,5	13,9
Не налажена реклама мероприятий	8,4	13,0	11,4	6,6	3,1
Интересные мероприятия бывают большей частью платные	8,0	9,2	7,7	9,0	5,6
В клубе (ДК) холодно, неуютно	8,3	9,5	9,7	8,1	5,6
Не устраивает режим работы клуба (ДК)	1,6	3,8	1,4	1,1	0,7
Не устраивает уровень организации работы кружков	2,3	3,4	3,4	2,0	0,3
У меня другие увлечения, занятия	6,3	8,0	5,6	5,9	6,6

Второе и третье место по значимости разделили причины «Семейные обстоятельства» – 31,1% и «Плохое здоровье» – 20,3% (за счет категории «60 лет и старше», положительные ответы которой составили 62,5%).

С целью уточнения позиции «Отсутствие интересных мероприятий в клубе (ДК)» (4 место в рейтинге причин) респондентам задавался вопрос: «Какие из мероприятий в клубе Вы посетили бы наиболее охотно?» Распределение ответов представлено в таблице 3.8.

Таблица 3.8

Перечень мероприятий,
востребованных сельскими жителями
Краснодарского края (%)

Мероприятия	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
На общественно-политические темы	11,3	3,1	5,8	14,7	21,9
На экономические, сельскохозяйственные темы	11,3	3,8	9,4	15,4	14,9

Продолжение табл. 3.8

Технические выставки, вечера	11,8	15,6	14,0	10,8	6,9
Семейные мероприятия	46,5	34,4	56,5	46,6	42,4
Вечера и диспуты на морально-этические темы	13,2	11,1	14,7	16,0	8,3
Вечера на темы литературы и искусства	24,2	26,3	23,9	27,3	17,7
Спортивные вечера, соревнования	27,2	52,7	32,4	20,2	7,6

Наиболее востребованными у молодежи 18-25 лет являются спортивные вечера, соревнования (52,7%), однако семейные мероприятия интересны всем категориям опрошенных: 18-25 лет – 34,4%, 26-40 лет – 56,5%, 41-60 лет – 46,6%, старше 60 лет – 42,4%, также как и вечера на темы литературы и искусства, в среднем по группам набравшие 24,2%.

При изучении уровня организации работы кружков респондентам был задан вопрос: «В каких объединениях и клубах по интересам Вы хотели бы участвовать?» (таблица 3.9).

Таблица 3.9

Объединения и клубы по интересам,
востребованные сельскими жителями
Краснодарского края (%)

Объединения и клубы по интересам	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Технического конструирования, моделирования	4,6	8,0	5,8	3,1	2,1
Общественно-политических вопросов	5,6	1,5	1,9	8,4	10,4
Проблем современной экономики	4,6	3,1	3,9	5,3	3,8
Проблем экологии и охраны окружающей среды	9,2	6,1	6,8	11,4	12,5
Любителей изобразительного, музыкального искусства	5,5	8,4	5,8	5,7	2,1

Продолжение табл. 3.9

Проблем кино, видео- и фотоискусства	4,8	8,4	6,0	3,1	2,1
Обсуждения литературных произведений	4,3	3,4	3,4	6,4	3,5
Туристических, краеведческих	6,1	13,7	7,5	3,3	1,7
Ветеранов	12,3	0	1,2	10,5	41,7
Допризывников	3,1	3,4	2,9	3,7	2,1
Охотников и рыболовов	13,2	11,1	16,4	13,8	9,7
Садоводов и цветоводов	12,2	3,1	9,7	17,6	15,6
Молодых семей	14,3	27,1	23,2	5,5	3,5
Клубы интересных встреч	25,1	24,4	28,7	27,5	16,3
Коллекционеров (книг, монет, и т.д.)	1,4	3,1	0,2	2,0	0,7
Шахматно-шашечный	4,6	3,1	4,6	5,5	3,8
Молодежный	16,0	55,0	17,4	1,5	1,7
Женский	21,5	17,9	26,6	25,3	1,5
«Кому за 30»	11,9	2,7	21,3	14,1	3,8
Клубы по интересам и объединения меня не интересуют	9,2	2,7	5,3	10,5	18,8

Наибольший интерес у респондентов всех групп вызывает направление «Клубы интересных встреч» (25,1%), женские объединения (21,5%); у молодежной аудитории – молодежные направления (55,0%), а у группы старше 60 лет – клуб ветеранов (41,7%).

Несколько противоречивыми видятся результаты опроса в связи с тем, что при выборе наиболее интересных мероприятий из блока вопросов «Какие из мероприятий в клубе Вы посетили бы наиболее охотно?», вес третьей по популярности позиции ответов «Вечера на темы литературы и искусства» (24,2%) не коррелирует с весом позиции ответов «Обсуждения литературных произведений» (4,3%), «Любителей изобразительного, музыкального искусства» (5,5%) из блока «В каких объединениях и клубах по интересам Вы хотели бы участвовать?». Одним из объяснений отмеченного противоречия, когда популярность вечеров на темы литературы и искусства зафиксирована при низких показателях интереса

к обсуждению литературных произведений, встреч любителей изобразительного, музыкального искусства на базе клубов по интересам, может выступать недостаточная информационная поддержка клубных мероприятий на фоне очень редких встреч с приезжими артистами (таблица 3.10).

Таблица 3.10

Периодичность проведения концертов
приезжих артистов в сельской местности
Краснодарского края (%)

Периодичность	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Часто	7,1	6,9	8,2	7,3	5,6
Не так часто, как хотелось бы	17,6	15,3	19,3	19,3	14,9
Жалею, что концертов мало	30,7	35,5	35,3	30,1	20,5
За последний год не проводились	25,3	32,1	23,4	24,2	24,3
Предпочитаю другие развлечения	17,4	9,9	12,8	17,8	29,5
Нет ответа	1,9	0,3	1,0	1,3	5,2

Несмотря на критические замечания респондентов по отдельным направлениям деятельности, отношение к деятельности клубов (домов культуры, культурно-досуговых центров) в сельской местности достаточно положительно, особенно у молодежной части аудитории (таблица 3.11).

Таблица 3.11

Отношение к клубу в сельской местности
Краснодарского края (%)

Утверждение	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Без клуба было бы скучнее жить	67,2	79,4	69,8	67,5	51,4
Без клуба в моей жизни ничего не изменилось бы	29,6	18,7	27,8	28,1	45,1
Нет ответа	3,2	1,9	2,4	4,4	3,5

3.3. Культурная жизнь современного сельского социума...

Положительно ответили на утверждение «Без клуба было бы скучнее жить» 67,2% опрошенных, а в группе 18-25 лет – 79,4%.

Степень удовлетворенности работой сельских учреждений культуры с точки зрения населения представлена в таблице 3.12.

Таблица 3.12

Оценка качества работы сельских учреждений культуры населением Краснодарского края (%)

Вопрос / ответ	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Как работает клуб (дворец культуры) Вашего населенного пункта?					
у нас их нет	0,3	0,1	0,2	0,2	0,7
хорошо	40,8	48,1	42,3	39,6	33,7
удовлетворительно	32,1	35,9	31,6	34,5	25,3
плохо	4,7	4,6	5,3	5,1	3,5
затрудняюсь ответить	20,5	10,7	18,1	19,6	35,1
нет ответа	1,6	0,6	2,5	1,0	1,7
Как работает библиотека Вашего населенного пункта?					
у нас их нет	0,2	0,1	0,2	0,2	0,3
хорошо	46,1	47,7	53,1	45,5	35,1
удовлетворительно	21,6	27,5	18,6	24,0	17,0
плохо	2,2	1,9	2,4	2,0	2,4
затрудняюсь ответить	27,1	22,1	22,2	25,5	41,7
нет ответа	2,8	0,7	3,5	2,8	3,5
Как работает парк Вашего населенного пункта?					
у нас их нет	32,6	40,1	30,0	31,2	33,0
хорошо	13,4	13,7	13,5	14,3	11,5
удовлетворительно	16,6	17,9	18,4	17,1	11,8
плохо	15,0	15,6	18,4	13,6	11,4
затрудняюсь ответить	17,7	10,3	14,5	19,1	27,1
нет ответа	4,7	2,4	5,2	4,7	5,2

Продолжение табл. 3.12

Как работает музей Вашего населенного пункта?					
у нас их нет	34,7	35,5	33,8	34,5	36,8
хорошо	12,4	10,3	15,2	10,3	12,2
удовлетворительно	11,8	12,2	11,4	12,7	10,1
плохо	2,5	3,4	4,1	1,5	1,0
затрудняюсь ответить	33,4	35,1	29,7	35,6	34,4
нет ответа	5,2	3,5	5,8	5,4	5,5

По результатам опроса можно увидеть, что большинство респондентов, несмотря на высокую оценку деятельности ДК, клубов, библиотек и музеев, выраженную в совокупной доле оценок «хорошо» и «удовлетворительно», все же дали низкие оценки работе парков (ответы «плохо» – 15%).

Высокий процент неопределенных ответов по всем вопросам («затрудняюсь ответить» и «нет ответа»), может рассматриваться, с одной стороны, как наличие проблем в реализации запросов населения по функционированию районных учреждений культуры, а с другой стороны, как ответ на информационную недостаточность в освещении деятельности данных учреждений.

Общая характеристика культурной жизни сельского социума предполагала несколько оценочных суждений, отражающих возможные состояния ее функционирования. Ее результаты приведены в таблице 3.13.

Таблица 3.13

Оценка культурной жизни сельских районов
Краснодарского края (%)

Оценочное суждение о культурной жизни	Весь массив	18-25 лет	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Не удовлетворен	17,2	22,5	17,4	14,9	16,0
Частично удовлетворен	31,8	34,0	31,9	34,1	25,7
Удовлетворен	33,5	34,7	34,8	33,4	30,2
Затрудняюсь ответить	17,0	8,0	15,5	16,7	28,1
Нет ответа	0,5	0,8	0,4	0,9	0

Как показывают результаты опроса, однозначная оценка культурной жизни Краснодарского края на сегодняшний момент явно затруднена. Несмотря на то, что лидирующее значение в оценках сельской аудитории связывается с ее благоприятным развитием («частично удовлетворен» – 31,8%, «удовлетворен» – 33,5%), тем не менее, вызывают серьезную озабоченность приблизительно равные позиции ответов, отражающих отрицательное мнение респондентов («не удовлетворен» – 17,2%, в молодежной группе – 22,5%) и индифферентную позицию («затрудняюсь ответить» – 17,0%, в группе старше 60 лет – 28,1%). Именно последняя позиция свидетельствует о недостаточной включенности респондентов в процессы функционирования культурной жизни, что говорит о низкой эффективности процессов создания и потребления районного художественного продукта.

Однако позитивной представляется ситуация, свидетельствующая о стремлении сельских жителей не только самим участвовать в культурной жизни своего населенного пункта, но и вводить художественно-эстетические занятия в жизнь детей как необходимую ценностную основу социализации личности (таблица 3.14).

Таблица 3.14

Оценка возможности дать ребенку
художественное образование
в сельских районах Краснодарского края (%)

Вопрос/ответ	Весь массив	26-40 лет	41-60 лет	старше 60 лет
Есть ли у Вас возможность дать ребенку художественное образование?				
наш ребенок обучается	24,6	28,2	24,2	21,0
дополнительное обучение не планировали	14,2	24,5	14,5	3,5
не получилось	9,0	17,4	7,3	2,1
нет ответа	52,2	29,9	54,0	73,4
Если Вы хотели, но не смогли отдать ребенка в специализированную школу, то укажите, в чем причина?				
Ребенок не справлялся с нагрузкой в общеобразовательной школе	5,0	9,2	4,8	1,4
Учебные группы были переполнены, и нам не хватило места	0,4	1,0	0	0,3

Продолжение табл. 3.14

Плата за обучение показалась слишком высокой	5,6	11,4	5,1	0,7
В населенном пункте не было нужного кружка	7,6	15,2	5,9	2,1
Что-то еще	3,0	5,3	2,4	1,0
Нет ответа	78,4	57,9	81,8	94,5

Тем не менее, при ответе на вопрос «Есть ли у Вас возможность дать ребенку художественное образование?» наибольшее число респондентов (24,5%) в группе от 26 до 40 лет ответили, что «дополнительное обучение не планировали». Только у 24,6% опрошенных дети получают художественное образование. Среди причин, по которым родители или близкие родственники не смогли отдать ребенка в специализированную школу, максимальный процент во всех возрастных когортах по всему массиву набрали ответы «плата за обучение показалась слишком высокой» – 5,6% и «в населенном пункте не было нужного кружка» – 7,6%. Наибольшее число опрошенных по всем социально-демографическим группам (около 70%) не дали ответов на данные вопросы.

Возможно, такое преобладание индифферентных оценок в прогнозе перспектив индивидуальной самореализации в сельских районах может объясняться не только качеством предложений в художественной сфере, но и основывается на уровне жизни сельского населения.

* * *

Резюмируя содержание настоящей главы, следует отметить, что нормативно-правовая база региональной культурной политики регионов Юга России в настоящее время находится преимущественно в стадии разработки, при этом законы о культуре и государственные программы ее развития, определяющие основные направления культурной политики, приняты в подавляющем большинстве регионов; однако концептуально-стратегические документы, к сожалению, в подавляющем большинстве рассмотренных субъектов Российской Федерации пока не разработаны. Вместе с тем корпус действующих на региональном уровне правовых актов представляет собой вполне достаточную основу для полноценного изучения нормативно-ценностной компоненты региональной культурной политики.

Результаты применения разработанной в ходе исследования методики аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику, показали, что заложенные в них установки имеют положительную ценностную направленность, полностью отражают гуманистические принципы и идеалы, постулируя идеи прогресса, знания, согласия и единства. При этом в ценностном поле важнейшее место занимают аксиологические ориентиры, связанные со стабильностью, уважением к прошлому, следованием традициям или их возрождению, сохранением культурного наследия. Немаловажное значение в ряду ценностных приоритетов имеет также расширение возможностей человека, региона и государства в целом. Все это является свидетельством единства целей и содержания культурной политики на федеральном и региональном уровнях.

На основе материалов проведенного авторами эмпирического исследования рассмотрены проблемы состояния и динамики культурной жизни современной российской провинции. Приведены результаты анкетного опроса жителей трех сельских районов Краснодарского края (Гулькевичского, Каневского, Тбилисского), осуществлен мониторинг общественного мнения по основным характеристикам культурной жизни и проблемам эффективности функционирования учреждений культуры в сельских районах, изучено социокультурное воздействие активных практик культурной политики на ценностные и поведенческие установки. Эмпирическое исследование основных характеристик и динамики культурной жизни современного сельского социума содержало в себе изучение взаимодействий аудитории со сферой культуры и искусства, анализ свободного времени и включение художественно-эстетических занятий в его структуру для различных групп сельского населения, изучение мотивации участия сельского населения в событиях культурной жизни и посещения учреждений культуры, выявление эффекта воздействия активных практик культурной политики на ценностные и поведенческие установки респондентов.

Результаты опроса свидетельствуют, что большинство респондентов исследуемых районов (65,3%), удовлетворены состоянием культурной жизни и считают основой своего участия в ней посещение учреждений культуры в свободное время. Несмотря на критические замечания по отдельным аспектам культурной жизни, отношение к деятельности клубов (домов культуры, культурно-досуговых центров) в сельской местности является достаточно положительным, особенно у молодежной части аудитории. Оценка состояния

культурной жизни современного сельского социума позволяет с определенностью говорить о благоприятном восприятии ее населением. Однако, отражая в ответах позитивное отношение к развитию сферы культуры региона в целом, респонденты указывают на недостаточность функционирования ряда сельских учреждений сферы культуры Краснодарского края. И это упущение требует устранения, поскольку важным фактором развития базовых ценностей личности могут стать художественное просвещение и более интенсивная гастрольная деятельность, способные компенсировать существующие институциональные диспропорции и привести в сельскую культурную жизнь необходимые элементы динамики.

Заключение

Накопленный мировой философской мыслью опыт рассмотрения проблем духовных ценностей свидетельствует о том, что они представляют собой защитный механизм, предотвращающий деформацию базисной структуры идентичностей, неотъемлемо присущих данной культуре. Ценностные установки представляют собой реакцию индивидуального и коллективного сознания на процесс самоидентификации и тот облик, который приобретает свойственная сознанию система идентичностей. При этом рассмотренный в настоящем исследовании ценностно-нормативный подход тесно взаимосвязан с подходом цивилизационным, поскольку они базируются на одном фундаменте – системе идентичностей человека и общества.

Учитывая это, отправной точкой процесса формирования созидательной и эффективной региональной культурной политики следует признать укрепление идентичностей, способствующих гармонизации системы общественных отношений. Совершенно закономерным представляется тезис о том, что если система идентичностей индивидуума отличается непостоянством, индифферентизмом или размытостью, то и его система ценностей также непостоянна, индифферентна или размыта, поэтому без учета идентификационной основы ценностно-нормативный подход, примененный к сфере культурной политики, может создать неустойчивую систему в силу зависимости ценностных смыслов и определяемых ими норм от изменения системы базовых идентичностей.

Таким образом, система ценностей, будучи должным образом обоснованной и включенной в систему идентичностей, является фундаментом формирования гармонично развитого целостного человека, что становится залогом стабильного развития социума, устойчивости социально-политических систем и поступательного сбалансированного прогресса всего человечества.

Изучение современного состояния региональной культурной политики в Российской Федерации показало, что она представляет собой целостный феномен, образуемый непрерывным взаимодействием двух содержательных пластов – экзогенного и эндогенного. В функциональном аспекте культурная политика определяет

стратегию государственного развития и во многом призвана управлять духовной жизнью региона, координировать его взаимоотношения с центром, способствовать эффективному развитию межрегиональных отношений. В системно-структурном смысле региональная культурная политика является неотъемлемой составной частью культурной политики государства, направленной на совершенствование духовной жизни людей в соответствии с принятой государственной стратегией развития.

В процессе определения приоритетов и последующей реализации региональной культурной политики следует учитывать, помимо исторически сложившейся идентичности, социально-экономические особенности территории, интересы и запросы различных категорий населения, культурный потенциал региона, общенациональные тенденции и местную специфику.

Исследование культурной жизни в ряде регионов Юга России, показало что трансформация системных связей северокавказских народов, традиций межэтнического и межкультурного взаимодействия, осуществляемая за счет внешних и внутренних факторов, несет угрозы общему культурно-историческому наследию и выстраданному духовному единству общества. В этой связи важнейшей задачей ученых, деятелей культуры, науки, общественности Северного Кавказа является отстаивание на всех уровнях традиционной системы ценностей единого этнокультурного пространства.

Все более интенсивно заявляющий о себе экстремизм в любой его форме представляет чрезвычайную опасность для российского государства и общества. Но на Северном Кавказе любые проявления национализма и религиозной нетерпимости могут привести к тяжелым и зачастую необратимым последствиям. Однако ученые, общественные деятели, лидеры религиозных общин, представители гражданского общества как субъекты ценностно ориентированной культурной политики могут способствовать проведению последовательной и настойчивой работы по профилактике экстремизма, искоренению предпосылок его проявления, своевременному выявлению причин, способных спровоцировать конфликты на этнической, социальной или религиозной почве.

Анализ нормативно-правовой базы культурной политики в регионах Юга России показал, что в настоящее время она находится преимущественно в стадии разработки. И хотя законы о культуре и государственные программы развития культуры, определяющие основные направления культурной политики, приняты в подавляющем большинстве субъектов Юга России, концептуально-

стратегические документы пока не разработаны в 11 из 15 рассмотренных территорий. Вместе с тем, корпус действующих на региональном уровне правовых актов представляет собой вполне достаточную основу для полноценного изучения нормативно-ценностной компоненты региональной культурной политики.

Результаты применения разработанной в ходе исследования методики аксиологического анализа нормативно-правовых документов, определяющих региональную культурную политику, показали, что заложенные в них установки имеют положительную ценностную направленность, полностью отражают гуманистические принципы и идеалы, постулируя идеи прогресса, научного знания, согласия и единства. При этом в ценностном поле важнейшее место занимают аксиологические ориентиры, связанные со стабильностью, уважением к прошлому, следованием традициям и их возрождением, сохранением культурного наследия. Немаловажное значение в ряду ценностных приоритетов имеет также расширение возможностей человека, региона и государства в целом. Все это является свидетельством единства принципов, целей и содержания культурной политики на федеральном и региональном уровнях.

Актуальная задача современной региональной культурной политики состоит в том, чтобы создать условия для гармонизации системы общественных отношений посредством применения ценностно-нормативного подхода. В качестве ориентиров в такой работе могут служить ряд задач:

- вовлечение всего объема культурного наследия в руло культурной политики в ценностной интерпретации, формирующей непротиворечивое и бесконфликтное восприятие любых объектов в свете позитивных оценок;
- формирование в обществе традиционной системы базовых идентичностей (индивидуальной, половой, семейно-родовой, этнической, гражданской, цивилизационной, общечеловеческой, религиозной, духовной);
- защита и поддержка системы социально одобряемых положительных ценностей в качестве принятого норматива;
- нормативное определение социально неодобряемых ценностей, так называемых «антиценностей» в качестве осуждаемых или негативно оцениваемых.

Кроме того, необходимо активизировать поиск единых ценностных ориентиров и подходов к культурному наследию как основе культурно-исторического диалога не только народов Северного Кавказа, но и России в целом. Современная стратегия культурной

жизни регионов Юга России, учитывая сложившийся опыт позитивного этнического взаимодействия, должна быть насыщена живыми инициативами, понятными людям всех возрастов, представителям всех этносов и конфессий и направленными на объединение национальных интересов, консолидацию общества и укрепление государственности.

Эмпирическое исследование культурной жизни, проведенное авторами, в целом показало достаточную степень эффективности региональной культурной политики, функционирующей в условиях сохранения преимущественно традиционной системы ценностных ориентиров. Однако было выявлено, что, выражая в ответах по большей части позитивное отношение к развитию сферы культуры региона в целом, респонденты, тем не менее, указывали на недостаточную степень развития и функционирования системы сельских учреждений сферы культуры Краснодарского края.

По результатам проведенного опроса, визуально-зрелищные направления культурной коммуникации: кино, массовые мероприятия, праздники, танцевальные вечера – удерживают свои позиции. Однако особенность современных контактов населения со сферой культуры – «одомашненное» потребление – приводит к снижению прямых и непосредственных коммуникаций между производителями и потребителями художественных продуктов и услуг. Было выявлено, что в последнее время усиливается художественно-эстетическое воздействие на личность, на формирование ценностных основ ее духовной жизни. Вот почему важными факторами развития базовых ценностей личности становится художественное просвещение, интенсивная гастрольная деятельность академических коллективов и поддержка информационной среды сельских досуговых учреждений, способные компенсировать существующие институциональные диспропорции и привнести в сельскую культурную жизнь необходимые элементы динамики.

В связи с этим важным элементом модернизации культурной жизни сельских районов Краснодарского края, как и всего Юга России, должно стать изменение в структуре деятельности учреждений культуры, предполагающее реализацию следующих направлений:

- включенность личности в коллективно-исторический региональный контекст через участие в деятельности объединений по интересам для сохранения и развития культурных традиций, культурного наследия территории;
- трансляция и актуализация культурных ценностей через продвижение художественных событий, социокультурных и

туристических продуктов, формирование социально значимых подходов и проектов в сфере культуры региона;

– внедрение в жизнь системы эстетического воспитания и образования детей и молодежи, основанной на лучших образцах классического и современного искусства;

– поддержка информационной среды функционирования сельских учреждений культуры, создание дискуссионной площадки для обсуждений их деятельности.

Именно в развитии данных направлений видится серьезный трансформирующий эффект воздействия культуры на ценностные установки личности, предстающий в качестве стратегической задачи современной культурной политики.

Список источников

- Сила культуры. План действий по политике в области культуры в интересах развития* (принят Межправительственной конференцией по политике в области культуры в интересах развития. Стокгольм, 2 апреля 1998 г.) [Электронный ресурс] // Законодательная дума Томской области. – URL: http://duma.tomsk.ru/files2/8280_plan_deistvii.pdf (дата обращения: 18.06.18).
- Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии* (принята 2 ноября 2001 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры [Электронный ресурс] // ООН. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity (дата обращения: 18.06.18).
- Our Creative Diversity. Report of the World Commission on Culture and Development* [Electronic resource] // UNESCO. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0010/001055/105586Eb.pdf> (accessed June 17, 2018).
- Конституция Российской Федерации*. Официальное издание. М.: Юр. лит., 2009.
- Указ Президента Российской Федерации от 03 июня 1996 г. № 803 «Об *Основных положениях региональной политики в Российской Федерации*» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9452/page/1> (дата обращения: 25.11.16).
- Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении *Основ государственной культурной политики*» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526bc0d7d43e934f4.pdf> (дата обращения: 15.06.18).
- Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О *Стратегии национальной безопасности Российской Федерации*» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512310038.pdf> (дата обращения: 15.06.18).
- Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2016 г. № 581 «О создании *Общероссийской общественно-государственной организации «Российский фонд культуры»*» [Электронный ресурс] // Президент Российской Федерации. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201610310038.pdf> (дата обращения: 18.09.18).
- Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении *Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 г.*» [Электронный ресурс] //

- Президент Российской Федерации. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201701160039.pdf> (дата обращения: 18.09.18).
- Основы законодательства Российской Федерации о культуре* (утверждены Верховным Советом Российской Федерации 09 октября 1992 г. № 3612-1) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=181702&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.3422867588254679#0> (дата обращения: 15.06.18).
- Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «*О языках народов Российской Федерации*» (ред. от 12.03.2014) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 15.06.18).
- Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «*О вывозе и ввозе культурных ценностей*» (ред. от 28.12.2017) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/ (дата обращения: 15.06.18).
- Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 78-ФЗ «*О библиотечном деле*» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5434/ (дата обращения: 15.06.18).
- Федеральный закон от 17 ноября 1995 г. № 169-ФЗ «*Об архитектурной деятельности в Российской Федерации*» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8344/ (дата обращения: 15.06.18).
- Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «*О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации*» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10496/ (дата обращения: 15.06.18).
- Федеральный закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ «*О национальной культурной автономии*» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722/ (дата обращения: 15.06.18).
- Федеральный закон от 06 января 1999 г. № 7-ФЗ «*О народных художественных промыслах*» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21497/ (дата обращения: 15.06.18).

- Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 119-ФЗ «О принципах и порядке разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23497/ (дата обращения: 25.11.16).
- Федеральный закон от 04 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43126/ (дата обращения: 25.11.16).
- Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 25.11.16)
- Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 21.08.16).
- Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 1992 г. № 266 «О мерах государственной поддержки культуры и искусства в период экономических реформ» (в ред. от 23.12.2002) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EX P;n=256995#08019152296986879> (дата обращения: 12.04.16).
- Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/docs/all/73444/> (дата обращения: 12.04.16).
- Постановление Правительства Российской Федерации от 3 марта 2012 г. № 186 «О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 гг.)» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/docs/all/81331/> (дата обращения: 12.04.16).

- Постановление Правительства Российской Федерации от 7 октября 2013 г. № 888 «О подготовке и распространении, в том числе опубликовании, ежегодного государственного доклада о состоянии культуры в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201310110012.pdf> (дата обращения: 12.04.16).
- Постановление Правительства Российской Федерации от 10 июля 2017 г. № 817 «О Правительственной комиссии по вопросам государственной культурной политики» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/files/EwwJBAAIqsUjL3M8Qde9Q7DNAwvBMUai.pdf> (дата обращения: 18.05.18).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 июня 2011 г. № 1019-р «Об утверждении Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/docs/all/77737/> (дата обращения: 12.04.16).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02 апреля 2012 г. № 434-р «Об утверждении Концепции развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 г.» (в ред. от 13.12.2017) [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/docs/all/81547/> (дата обращения: 12.04.16).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201406090016.pdf> (дата обращения: 12.04.16).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «О утверждении Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201506020017.pdf> (дата обращения: 21.08.16).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 2395-р «Об утверждении Концепции развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201511300018.pdf> (дата обращения: 12.04.16).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 2648-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. Стратегии государственной национальной поли-

- тики Российской Федерации на период до 2025 г.» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201512290053.pdf> (дата обращения: 10.05.16).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. № 326-р «Об утверждении *Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.*» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf> (дата обращения: 24.07.16).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01 декабря 2016 г. № 2563-р «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2016–2018 гг. *Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г.*» [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации. – URL: <http://static.government.ru/media/files/9JWKkzndyH2E0R6nR3x61AhuV3n6ysln.pdf> (дата обращения: 25.08.18).
- Распоряжение Минкультуры России от 02 августа 2017 г. № Р-965 «Об утверждении *Методических рекомендаций субъектам Российской Федерации и органам местного самоуправления по развитию сети организаций культуры и обеспеченности населения услугами организаций культуры*» [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: <https://www.mkrf.ru/upload/iblock/ef1/ef1f89539eeefae7b45c4432cc0744d3.pdf> (дата обращения: 12.10.17).
- Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 13 октября 2016 г. № 2296 «Об утверждении *Плана деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2016–2021 гг.*» [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: https://www.mkrf.ru/documents/ob_utverzhdenii_plana_deyatelnosti356444/ (дата обращения: 15.12.16).
- Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 ноября 2013 г. № 690 «Об утверждении *Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации*» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159904/ (дата обращения: 21.08.16).
- Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 582 «Об утверждении *Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации*» (ред. от 15.03.2017) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_205801/ (дата обращения: 12.10.18).

- Постановление Администрации Волгоградской области от 8 мая 2015 г. № 217-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области *«Развитие культуры и туризма в Волгоградской области на 2015–2020 гг.»*» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/428546157> (дата обращения: 21.08.16).
- Постановление Кабинета Министров Республики Адыгея от 21 ноября 2013 г. № 272 «О государственной программе Республики Адыгея *«Развитие культуры на 2014–2018 гг.»*» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/460172387> (дата обращения: 21.08.16).
- Законопроект № 617570-5 «О культуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. – URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=617570-5](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=617570-5) (дата обращения: 24.07.16).
- Парламентские слушания «О концепции проекта нового базового федерального закона о культуре» [Электронный ресурс] // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (19 апреля 2010 г.) – URL: <http://www.komitet2-3.km.duma.gov.ru/file.xp?idb=1746379&fn=2%20%E1%E0%E7%EЕ%E2%FB%E9.doc&size=94720> (дата обращения: 24.07.16)
- Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2014 г. [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2015/gosdoklad_verсия%20ГД%20и%20СФ%20ФИНАЛ.pdf (дата обращения: 24.07.16).
- Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2015 г. [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2016/02_09_2016_01.doc (дата обращения: 24.07.16).
- Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2016 г. [Электронный ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации. – URL: https://www.mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2017_new/Gosudarstvennyj-doklad-o-sostojanii-kultury-v-Rossijskoj-Federacii-v-2016-godu.pdf (дата обращения: 24.07.17).
- Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2015 г. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2015.
- Статистика культуры 2016. Ежегодное справочное издание о состоянии культуры Российской Федерации в цифрах / Министерство культуры Российской Федерации. М. 2017.

Список использованной литературы

- Астафьева О. Н.* Культурная политика государства: вопросы о реально существующем и потенциально возможном // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 50–58.
- Астафьева О. Н.* Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 1–3) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2010. № 2. С. 5. – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/20.html&j_id=3. (дата обращения: 30.09.17).
- Астафьева О. Н.* Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 4–5) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 1. С. 4. – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/38.html&j_id=5. (дата обращения: 30.09.17).
- Астафьева О. Н.* Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8) [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2011. № 2. С. 6. – URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/73.html&j_id=6. (дата обращения: 30.09.17).
- Астафьева О. Н.* Культурная политика регионов: гражданская солидарность в фокусе общественного внимания // Библиотекосведение. 2015. № 5. С. 31–36.
- Астафьева О. Н., Горушина С. Н.* Теоретическая концептуализация и практическая деятельность государства в вопросе обеспеченности населения услугами библиотек // Библиотекосведение. 2017. № 4. С. 367–377.
- Астафьева О. Н., Синецкий Б. С.* Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4. С. 70–80.
- Астафьева О. Н.* Понимание культуры как основание для концептуализации стратегий культурной политики // Библиотеки в информационном обеспечении государственной культурной политики: мат-лы X всерос. совещания (3–4 окт. 2018 г., Москва). М.: Пашков дом, 2018. С. 23–36.
- Багдасарьян В. Э., Сулакишин С. С.* Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. 624 с.
- Бажанов В. А.* О феномене национализма. Может ли Татария быть катализатором общероссийских тенденций? // Посев. 1998. № 10. С. 19–24; № 11. С. 13–16.
- Бакуменко Г. В., Коваленко Т. В.* Памятники Великой Отечественной войны: символизация успеха и вопросы реконструкции историко-культурного наследия [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 1. С. 80–89. – URL: <http://heritage-magazine.com/wp-content/>

- uploads/2015/07/2015_1_Bakumenko&Kovalenko.pdf (дата обращения: 18.12.17).
- Баранов А. В., Пеницын Ю. А.* Изменение приоритетов молодежной политики России в контексте укрепления единства российской нации // PolitBook. 2017. № 3. С. 23–33.
- Баранов А. В.* Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 2. С. 55–61. – URL: http://heritagemagazine.com/wp-content/uploads/2017/06/2017_2_Bararov.pdf (дата обращения: 01.07.17).
- Баранов А. В., Донцова М. В., Чигрин В. А.* Межэтнические отношения в Краснодарском крае и Республике Крым в зеркале общественного мнения молодежи: сравнительный анализ // Общество: социология. Психология, педагогика. 2017. № 11. С. 10–14.
- Барзилов С. И.* Концептуализация региональной идеологии власти // Наука, культура, высшее образование на пороге XXI в.: сб. ст. Ульяновск: Средневолжский науч. центр, 1998. Вып. 4. С. 5–9.
- Белова Т. В.* Культура и власть. М.: Философ. об-во СССР, 1991. 211 с.
- Богачева О. В.* Государственное финансирование сферы культуры и искусства // Вопросы экономики. 1996. № 10. С. 74–79.
- Бурдые П.* Социология политики: Пер с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
- Востряков Л. Е.* Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение. СПб.: Сев-Зап. акад. гос. службы, 2005. 342 с.
- Востряков Л. Е.* Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2007. 365 с.
- Востряков Л. Е.* Государственная культурная политика: от патерналистской к партнерской модели? // Управленческой консультирование. 2011. № 4. С. 141–154.
- Востряков Л. Е.* Государственная культурная политика: понятия и модели. СПб.: Изд-во Сев.-Зап. ин-та РАХНиГС, 2011. 168 с.
- Востряков Л. Е.* Государственная культурная политика: когнитивные модели и страновые различия // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. № 2. С. 166–178.
- Востряков Л. Е., Тургаев А. С.* Новая модель государственной культурной политики России // Вестник СПбГИК. 2018. № 3. С. 6–16.
- Гамаюнов С. А.* Проблемы методологии местной истории. Киров: Вятский гос. пед. ун-т, 1996. 239 с.

- Генова Н. М.* Инфраструктура культурного пространства региона как основа адаптации культурной политики // Мир науки, культуры и образования. 2010. № 4. С. 239–242.
- Генова Н. М.* Вариативная модель развития структуры культурного пространства региона в культурной политике // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 1. С. 197–201.
- Генова Н. М.* Культурная политика в системе инфраструктуры культуры региона. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 288 с.
- Генова Н. М.* Культурная политика в процессе модернизации инфраструктуры пространства региона: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Кемерово, 2012. 332 с.
- Гладкий Ю. Н. Чистобаев А. И.* Регионоведение: учеб. вузов. М.: Гардарики, 2002. 384 с.
- Голицын Г. А.* Искусство «высокое» и «низкое»: системная роль элитарной субкультуры // Творчество в искусстве – искусство творчества: кол. монография. М.: Наука–Смысл, 2000. С. 245–264.
- Голицын Г. А., Петров В. М.* Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции. М.: URSS, 2019. 272 с.
- Горлова И. И.* Культурная политика в современной России: региональный аспект: учеб. пособ. для вузов. Краснодар: Советская Кубань, 1998. 319 с.
- Горлова И. И., Коваленко Т. В.* Духовное неравенство и прикладные задачи культурной политики // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 24. С. 105–111.
- Горлова И. И.* Регион как социокультурное и образовательное пространство // KANT. Социально-гуманитарные науки. 2013. № 1. С. 33–42.
- Горлова И. И., Бычкова О. И.* Региональные целевые программы как элемент модели вариативной культурной политики // Вопросы культурологии. 2014. № 6. С. 69–75.
- Горлова И. И.* Совершенствование нормативно-законодательной базы как условие развития сферы культуры России // Право и практика. 2015. № 1. С. 92–101.
- Горлова И. И., Бычкова О. И.* Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–273.
- Горлова И. И., Бычкова О. И.* Нормативно-правовая база Российской Федерации в сфере религиозного наследия // Право и практика. 2015. № 3. С. 89–100.
- Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А.* Опыт инновационного моделирования инновационных программ сохранения и использования объектов культурного и природного наследия // Право и практика. 2015. № 4. С. 110–117.

- Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А.* Программно-целевое управление в регионах России как инструмент практической реализации этнокультурной политики // Вопросы культурологии. 2015. № 5–6. С. 89–96.
- Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А.* Разработка и реализация инвестиционных региональных этнокультурных проектов на базе объектов историко-культурного наследия [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 17–23. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Gorlova_Bychkova_Kostina.pdf (дата обращения: 30.09.17).
- Горлова И. И., Бычкова О. И., Костина Н. А.* Методические аспекты аксиологического анализа эффективности реализации региональной культурной политики // Культурное наследие России. 2017. № 1. С. 6–12.
- Горлова И. И., Коваленко Т. В., Бычкова О. И.* Культурная жизнь российской провинции: состояние, тенденции, противоречия (на примере Краснодарского края) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 30. С. 28–36.
- Горшенева-Долунц И. К.* О предпосылках и основаниях современной культурной политики // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 17–20.
- Горшенева-Долунц И. К.* Основные концепты и приоритеты культурной политики России: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Краснодар, 2015. 144 с.
- Гуцалов А. А.* Русский цивилизационный код – идентичность, ценности, культура [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. 2016. № 4. С. 2. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/393.html&j_id%3D29. (дата обращения: 30.09.17).
- Дахин А. В., Распопов Н. П.* Проблема региональной стратификации в современной России // Полис. 1998. № 4. С. 132–144.
- Денисенко И. Ф.* Взаимодействие политической элиты и элиты культуры в политическом процессе современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов н/Д, 2001. 159 с.
- Денисов В. В.* Социально-экономический проект как инструмент реализации региональной политики: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Рыбинск, 2005. 24 с.
- Дискин И. Е.* Культура: стратегия социально-экономического развития. М.: Экономика, 1990. 107 с.
- Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б.* Культура: менеджмент, анимация, маркетинг : Пер. с сербохорв. Новосибирск: Тигра, 2000. 227 с.
- Дробизева Л. М.* Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. Ежегодник–2002. М.: Academia, 2002. С. 213–244.

- Еремеева А. Н.* Культурная жизнь Кубани в XX веке. Краснодар: Платонов, 2013. 160 с.
- Жидков В. С.* Культурная политика и театр. М.: ИздАТ, 1995. 320 с.
- Жидков В. С., Соколов К. Б.* Культурная политика России: теория и история: учеб. пособ. для вузов. М.: Акад. Проект, 2001. 592 с.
- Загребин С. С.* Культурная политика в постсоветской России 1991–2015 гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 4. С. 18–23.
- Закунов Ю. А.* Метафизика русской идеи И. А. Ильина в контексте современного национально-государственного развития России // Творческое наследие И. А. Ильина: вопросы общенациональной политики и культуры: сб. мат-лов междунар. науч. конф (22–23 дек. 2014 г., Москва). М.: Ин-т Наследия, 2015. С. 77–99.
- Зубанова Л. Б., Рушанин В. Я.* «Культура в действии»: социологический мониторинг эффективности культурной политики в регионе (на примере Челябинской области) // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 46–52.
- Зубаревич Н. В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 264 с.
- Идентичности и ценности в эпоху глобализации* / под ред. Ю. Н. Пахомова, Ю. И. Павленко. Киев: Наукова думка, 2013. 603 с.
- Идентичность: личность, общество, политика:* энцикл. изд. / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
- Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.):* сб. науч. ст / отв. ред. И. П. Савельев. М.: Первый печ. двор, 1997. 238 с.
- Каганский В. Л.* Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект // Экономика, политика, общество. Новые реалии России: сб. науч. тр. М.: Б. и., 1992. Вып. 2. С. 83–86.
- Каганский В. Л.* Основания регионального анализа в гуманитарной географии // Изв. РАН. Сер.: География. 1999. № 2. С. 42–50.
- Каганский В. Л.* Реальности регионализации: основные аспекты процесса // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М.: Интерпракс, 1994. С. 171–175.
- Каганский В. Л.* Региональная аналитика и видения регионов // Кентавр. 1998. № 20. С. 18–26.
- Каганский В. Л.* Регионы в несоветском пространстве // Российские регионы в новых экономических условиях. М.: Ин-т географии РАН, 1996. С. 30–36.
- Каменец А. В.* Культурная политика и современная социокультурная ситуация: методологические основы системы управления на федеральном

- и региональном уровнях в сфере культуры // Ориентиры культурной политики. 1998. № 10. С. 13–29.
- Каменец А. В.* Концептуальные основы культурной политики. М.: Изд-во Московского гос. ун-та к-ры и искусств, 2005. 155 с.
- Кармин А. С.* Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 52–60.
- Карпова Г. Г.* Государственное управление и общественные приоритеты в сфере культурной политики России // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1. С. 7–20.
- Карпова Г. Г.* Социальная динамика культурной политики в современной России: дис. ... д-ра социолог. наук: 22.00.06. Саратов, 2011. 403 с.
- Карпова Г. Г.* Социальное поле культурной политики. М.: Вариант, 2011. 267 с.
- Коваленко Т. В.* К вопросу о построении теоретической модели современной российской театральной культуры // Материалы международного конгресса по креативности и психологии искусства (1–3 июня 2005 г., Пермь). Пермь; М.: Смысл, 2005. С. 278–281.
- Коваленко Т. В.* Культурная жизнь регионов Юга России: институты, практики и пути формирования единого культурного пространства // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. докл. междунар. конф. (29–30 апр. 2016 г., Дербент). Махачкала: Республ. Дом. нар. т-ва, 2016. С. 66–84.
- Коваленко Т. В.* Культурная политика в современной России: состояние, проблемы и тенденции развития // Проблемы культуры и искусства. 2018. № 3. С. 78–88.
- Коваленко Т. В.* Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 149–153. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Kovalenko.pdf (дата обращения: 10.05.16).
- Коваленко Т. В.* Эмпирические исследования эволюции художественной жизни и возможности измерений: культурологический анализ некоторых концепций [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2. С. 83–95. – URL: <http://www.culturalresearch.ru/ru/archives/101-2-19-2015> (дата обращения: 12.05.17).
- Коваленко Т. В., Крюков А. В.* Экспертная деятельность в сфере межнационального взаимодействия как инструмент реализации этнокультурной политики в современной России // Межнациональные, межкультурные и межрелигиозные отношения народов Юга России: технологии укрепления единства: сб. науч. ст. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 136–148.

- Костина А. В., Гудима Т. М.* Культурная политика современной России: соотношение этнического и национального. М.: Изд-во ЛКИ. 240 с.
- Кринко Е. Ф.* Роль национальных музеев Северного Кавказа в сохранении культурного наследия региона [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2016. № 4. С. 23–29. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Krinko.pdf (дата обращения: 01.07.17).
- Крылов М. П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010. 240 с.
- Крюков А. В.* Государственная политика памяти как пространство диалога и фактор национальной консолидации // Религиозная и национально-культурная политика государственной власти в Российской империи : сб. науч. ст. М.; Краснодар: Принт сервис групп, 2015. С. 7–26.
- Крюков А. В.* Культурное наследие: проблемы освоения и использования в контексте современной государственной культурной политики [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2017. № 3. С. 38–46. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/09/2017_3_Kryukov.pdf (дата обращения: 12.11.17).
- Крюков А. В.* Региональные программы сохранения культурного наследия в контексте государственной культурной политики // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сб. докл. междунар. конфер. – Махачкала, 2016. С. 85–103.
- Культурная политика : проблемы теории и практики: сб. ст / ред.-сост. О.В. Хлопина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 165 с.
- Культурная политика России: актуальные аспекты:* кол. монография / под ред. А. Н. Чумакова. М.: Проспект, 2015. 192 с.
- Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: Либроком, 2012. 368 с.
- Литке В. В.* Регионы – субъекты Российской Федерации в условиях глобализации (миросистемный подход) // Социум и власть. 2014. № 1. С. 51–54.
- Лихачёв Д. С.* Декларация прав культуры // Конгресс российской интеллигенции: сб. матер. СПб.: Санкт-Петерб. гум. ун-т профсоюзов, 1998. С. 266–274.
- Лоусон Дж.* Культурная политика в Голландии // Театр. 1990. № 6. С. 147–149.
- Лукин Ю. А.* Основы государственной культурной политики как инновационный проект: ключевые слова, стратегия реализации // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 18–23.

- Лузан В. С.* Культурная политика Российской Федерации в период с 1991 по 2017 гг: культурологический анализ: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Красноярск, 2017. 385 с.
- Ляушева С. А., Нагой А. А.* Влияние культурной политики на культурную идентичность // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. № 4. С. 170–175.
- Мак-Илрой Э.* В поисках творческой конкурентоспособности, или Как измерить тяжесть Святого Грааля?: Пер. с англ. // Творческие индустрии: сб. М.: Ин-т культурной политики, 2004. С. 44–52.
- Малыгина И. В.* Региональное измерение российской идентичности: между культурной и экономикой // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 42. С. 110–117.
- Матвиенко В. В.* Модели государственной культурной политики в современном мире // Вопросы культурологии. 2009. № 11. С. 52–55.
- Мацнев А. А.* Регион и формирование федеративных отношений в России // Социально-политический журнал. 1998. № 1. С. 32–42.
- Межуев В. М.* Идея культуры: очерки по философии культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
- Мелешкина Е. Ю.* Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: мат-лы семинара (5–7 марта 1999 г., Тверь). М.: Б. и., 1999. С. 126–137.
- Моль А.* Социодинамика культуры : Пер. с фр. М.: Прогресс, 1973. 406 с.
- Морозова Е. В.* Гражданские инициативы и модернизация России // Политическая наука. 2012. № 2. С. 273–276.
- Морозова Е. В.* Региональная политическая культура. Краснодар: Б. и., 1998. 368 с.
- Мосолова Л. М.* Регионалистика и аксиология // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя: мат-лы науч. конф. (26–27 сент. 2000 г., Санкт-Петербург). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 101–103.
- Мурзина И. Я.* Феномен региональной культуры: Бытие и самосознание: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2003. 237 с.
- Мурзина И. Я.* Методологические аспекты изучения региональной культуры (к постановке проблемы) // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 60–65.
- Намруева, Л. В.* Этническая идентичность в условиях культурного многообразия (на материале анализа 2017 года в Республике Калмыкия) [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2018. № 3. – С. 42–47. – URL:

- http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/10/2018_3_Namrueva.pdf (дата обращения: 16.10.18).
- Наточий В. В.* Политизированная и коммерческая модели культурной политики: общее и особенное // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 1. С. 255–258.
- Науменко В.Е.* Региональные программы сохранения историко-культурного наследия Юга России: учет особенностей [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2015. № 4. С. 24–33. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/12/2015_4_Naumenko.pdf (дата обращения: 01.07.17).
- Олех Л. Г.* Философия регионализма // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1. С. 55–60.
- Орачева О. И.* Региональная идентичность: миф или реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: мат-лы семинара (5–7 марта 1999 г., Тверь). М.: Б. и., 1999. С. 36–43.
- Пахтер М., Лэндри Ч.* Культура на перепутье: культура и культурные институты в XXI в. : Пер. с англ. М.: Классика–XXI, 2003. 89 с.
- Петров В. М., Мажуль Л. А.* Инструментарий государственной социальной и культурной политики – индексы личностных потенциалов // Проблемы информационной культуры: сб. науч. ст. Краснодар: Краснодар. гос. ун-т к-ры и искусств, 1999. Вып. 8. С. 74–99.
- Петров В. М.* Количественные методы в искусствознании: учеб. пособ. для вузов. М.: Акад. проект, 2004. 432 с.
- Петров В.М.* Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). СПб.: Аллетейя, 2008. 336 с.
- Петров В. М.* Дуализм культурных феноменов и проблемы культурной политики // Художник и время: сб. матер. конф. (4–7 сент. 2008 г., Краснодар). Краснодар: Краснодар. гос. ун-т к-ры и искусств, 2008. Вып. 5. С. 3–26.
- Петров В. М.* Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). М.: URSS, 2019. 272 с.
- Пономаренко О. П.* Модели культурной политики как факторы структурирования социокультурного пространства: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Барнаул, 2006. 153 с.
- Попов А. В.* Административно-территориальное управление и новая политическая роль регионов // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 5. С. 259–269.
- Потемкина А. Р.* Культурная регионализация современного мира в условиях полиэтнического региона // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 2. С. 94–96.

- Прохоров М. М.* Человековедческая доминанта регионального самосознания // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: мат-лы семинара (5–7 марта 1999 г., Тверь). М.: Б. и., 1999. С. 79–98.
- Разлогов К. Э.* Государственная политика в сфере культуры: точки отсчёта и основные проблемы // Культура России: информационно-аналитический сборник. М.: Глав. инф.-выч. центр МК РФ, 2010. С. 26–37.
- Региональная культурная политика: теория и технологии развития:* сб. науч.-метод. статей / отв. ред. Г. Г. Волощенко и др. Омск: Омский гос. ун-т, 2010. 86 с.
- Регионоведение:* учеб. пособ. для вузов / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 448 с.
- Российская идентичность в социологическом измерении:* аналитич. докл. / Ин-т соц. РАН. М.: Б. и., 2008. 140 с.
- Российская социологическая энциклопедия* / под. общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998. 672 с.
- Рыженков С. И.* Регионализация: подмена понятий или изменение сути [Электронный ресурс] // Международный институт гуманитарно-политических исследований. – URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/jan1994/Regional.htm> (дата обращения: 01.07.17).
- Сагитов С. Т.* О принципах государственной культурной политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2016. № 3. С. 15–26.
- Сараф М. Я.* Измерение культурного пространства // Пространство и время. 2014. № 1. С. 58–68.
- Сверкунова Н. В.* Исследование региональной идентичности: исторический аспект // Социология и социальная антропология. 1997. № 7. С. 321–328.
- Сергунин А. А.* Регионализация России: роль международных факторов // Полис. 1999. № 3. С. 76–88.
- Синецкий С. Б.* Событийность в культурной политике: технологические аспекты формирования позитивной культурно-досуговой среды поселений // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в.: мат-лы междунар. науч.-творч. Форума (31 окт. – 3 нояб. 2017 г., Челябинск). Челябинск: Челяб. гос. ин-т к-ры, 2017. С. 273–278.
- Скаков А. Ю.* Перспективы сохранения историко-культурного наследия народов Северного Кавказа: вызовы и угрозы [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2016. № 4. С. 36–42. – URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/12/2016_4_Skov.pdf (дата обращения: 01.07.17).

- Скрипачева И. А.* Городской образ жизни как составляющая часть культурной системы общества // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 71–76.
- Скрипачева И. А.* Социальная реальность города сквозь призму культурных процессов (на примере г. Тольятти) // Культурное наследие России. 2016. № 4. С. 114–119.
- Смирнягин Л. В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: мат-лы семинара (5–7 марта 1999 г., Тверь). М.: Б. и., 1999. С. 108–115.
- Сомова М. С.* Политика Российской Федерации в области художественной культуры в 1992–2000 гг.: особенности, основные направления, пути реализации: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. М., 2010. 278 с.
- Субетто А. И.* Региональное самосознание в контексте философии истории России как евразийской цивилизации // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России: мат-лы семинара (5–7 марта 1999 г., Тверь). М.: Б. и., 1999. С. 99–167.
- Тоффлер Э.* Метаморфозы власти : Пер с. англ. М.: АСТ, 2002. 669 с.
- Туровский Р. Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? М.: Гендальф, 1999. С. 87–136.
- Уледов А. К.* Духовная жизнь общества. М.: Мысль, 1980. 271 с.
- Унежев К. Х.* Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 227 с.
- Флиер А. Я.* О новой культурной политике России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 14–25.
- Харрисон Л.* Главная истина либерализма: как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя. М.: Новое изд-во, 2008. 279 с.
- Хангельдиева И. Г.* Рифы современной российской культурной политики // Культура и рынок: современные тенденции: сб. науч. ст. М.: Классика–XXI, 2009. С. 11–25.
- Хлевнюк О. Д., Самодин А. А.* Исследование «Мониторинг культурной жизни города Москвы и оценка эффективности деятельности учреждений культуры Департамента культуры Москвы: статистико-социологический анализ»: московские музеи // Справочник руководителя учреждения культуры. 2013. № 2. С. 5–25.
- Хрох М.* Ориентация в типологии : Пер. с. англ. // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 9–24.

- Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3. С. 68–74.
- Этика: энцикл. словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова М.: Гардарики, 2001. 671 с.
- Breton, R. *Ethnic Relations in Canada: Institutional Dynamics*. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2005. 424 p.
- Camilleri, J. Rethinking Sovereignty, In *Contending Sovereignties. Redefining Political Community*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1990. P. 13–44.
- Chartrand, H. H. & McCaughey, C. The Arm's Length Principle and the Arts: An International Perspective – Past, Present And Future, In *Who's to Pay for the Arts: The International Search for Models of Support*. N.Y.: American Council for the Arts, 1989, Pp. 43–80.
- Chartrand, H. H. Funding the Fine Arts: An International Political Economic Assessment, In *Nordic Theatre Studies*, 2001, vol. 14. – URL: <http://artmarkets.files.wordpress.com/2009/09/chartrand.pdf>. Accessed August 12, 2016.
- Cultural policy: a preliminary study*. Paris: UNESCO, 1969. 51 p.
- Dahl, R. & Tufte, E. *Size and Democracy*. Stanford, Calif: Stanford University Press., 1973. 148 p.
- Efremova, L. A., Rusetskiy, M. G., Molchan, A.S., Lechman, E. V., & Avdeeva, R. A. Russian Cultural Policy: Goals, Threats, and Solutions in the Context of National Security, *Journal of History Culture and Art Research*, 2018, vol. 7, no 3, pp. 433–443.
- Karla, F. & Wiesand, A. *Von der Industriegesellschaft zur Kulturgesellschaft? Kulturpolitische Entwicklungen in der Bundesrepublik Deutschland*. München: Verlag C. H. Beck, 1989. 183 s.
- Mitchel, R. & Fisher, R. *Professional Managers for the Arts and Culture? Training of cultural administrators and the art managers in Europe: Trends and Perspectives*. Helsinki: CIRCLE Report, Art Council of Finland, 1992.
- Mlinar, Z., Local Response to Global Change, In *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1995, vol. 540, Pp. 145–156.
- Gurr, T. & Harff, B. *Ethnic Conflict in World Politics*. Oxford: Westview, 2004. 237 p.
- Luzan, V. S Cultural Policy As a Self-Independent Type of State Policy // *Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 2. № 4. С. 587–594.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**Документы, регламентирующие региональную
культурную политику субъектов Российской Федерации,
расположенных на Юге России**

а) Законы о культур

№.№	Субъект Федерации	Наименование документа	Реквизиты документа
<i>Южный федеральный округ</i>			
1.	Республика Адыгея	Закон Республики Адыгея «О культуре»	от 15 июля 1998 г. № 87 (ред. от 30.10.2015 г.)
2.	Астраханская область	Отсутствует	
3.	Волгоградская область	Закон Волгоградской области от 21 ноября 2008 года «О культуре и искусстве Волгоградской области»	от 14 июля 2008 года № 1737-ОД (ред. от 08.10.2015 г.)
4.	Республика Калмыкия	Закон Республики Калмыкия «О культуре»	от 1 октября 2007 г. № 381-III-3 (ред. 04.07.2016 г.)
5.	Краснодарский край	Закон Краснодарского края «О культуре»	от 3 ноября 2000 г. № 325-КЗ (ред. от 18.07.2016 г.)
6.	Республика Крым	Проект Закона Республики Крым «О культуре»	
7.	Ростовская область	Областной закон «О культуре»	от 22 октября 2004 № 177-ЗС (ред. 16.12.2015 г.)
8.	Город Севастополь	Отсутствует	
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>			
9.	Республика Дагестан	Закон Республики Дагестан «О культуре»	от 13 марта 2000 года № 10 (ред. от 09.03.2016)

10.	Республика Ингушетия	Закон Республики Ингушетия «О культуре»	от 12 августа 1998 года N 11-РЗ (ред. от 01.06.2016)
11.	Кабардино-Балкарская Республика	Закон Кабардино-Балкарской Республики «О культуре»	от 10 августа 2001 г. N 80-РЗ (ред. от 18.12.2015)
12.	Карачаево-Черкесская Республика	Закон Карачаево-Черкесской Республики «О регулировании отдельных вопросов в сфере культуры на территории Карачаево-Черкесской Республики»	от 25 апреля 2014 г. № 17-РЗ (ред. от 14.05.2015 г.)
13.	Республика Северная Осетия – Алания	Закон Республики Северная Осетия – Алания «О культуре»	от 16 декабря 1996 года № 167 (ред. от 09.03.2016)
14.	Ставропольский край	Закон Ставропольского края «О некоторых вопросах в области культуры в Ставропольском крае»	От 08 апреля 2010 г. № 19-кз (ред. 11.11.2015 г.)
15.	Чеченская Республика	Отсутствует	

б) стратегии и концепции региональной культурной политики

№.№	Субъект Федерации	Наименование документа	Реквизиты
<i>Южный федеральный округ</i>			
1.	Республика Адыгея	Отсутствует	
2.	Астраханская область	Отсутствует	
3.	Волгоградская область	Постановление Правительства Волгоградской области «Об утверждении Концепции развития культуры в Волгоградской области на период до 2020 г.»	от 19 марта 2013 г. № 115-п

4.	Республика Калмыкия	Отсутствует	
5.	Краснодарский край	Отсутствует	
6.	Республика Крым	Отсутствует	
7.	Ростовская область	Постановление Правительства Ростовской области «Об утверждении Концепции развития культуры Ростовской области на период до 2020 г.»	от 06 декабря 2012 г. № 1068
8.	Город Севастополь	Отсутствует	
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>			
9.	Республика Дагестан	Распоряжение Правительства РД «О Концепции региональной культурной политики в Республике Дагестан на период до 2020 г.»	от 26 февраля 2015 г. № 48-р
10.	Республика Ингушетия	Отсутствует	
11.	Кабардино-Балкарская Республика	Отсутствует	
12.	Карачаево-Черкесская Республика	Отсутствует	
13.	Республика Северная Осетия – Алания	Отсутствует	
14.	Ставропольский край	Приказ Министерства культуры Ставропольского края «Об утверждении Стратегии развития отрасли культуры Ставропольского края на период до 2020 г.»	от 06 июля 2009 г. № 269
15.	Чеченская Республика	Отсутствует	

в) государственные программы развития культуры регионов Юга России

№№	Субъект Федерации	Наименование документа	Реквизиты
<i>Южный федеральный округ</i>			
1.	Республика Адыгея	Государственная программа Республики Адыгея «Развитие культуры на 2014–2018 гг.»	Постановление Кабинета министров Республики Адыгея от 21 ноября 2013 г. № 272 (ред. от 09 августа 2016 г.)
2.	Астраханская область	Государственная программа «Развитие культуры и туризма в Астраханской области»	Постановление Правительства Астраханской области от 12 сентября 2014 года N 388-П (ред. от 26 мая 2016 г.)
3.	Волгоградская область	Государственная программа Волгоградской области «Развитие культуры и туризма в Волгоградской области» на 2015–2020 гг.»	Постановление Администрации Волгоградской области от 8 мая 2015 года № 217-п (ред. от 26 сентября 2016 г.)
4.	Республика Калмыкия	Государственная программа «Развитие культуры и туризма Республики Калмыкия на 2013–2017 гг.»	Постановление Правительства Республики Калмыкия от 28 июня 2013 года № 327 (ред. от 22 июня 2016 г.)
5.	Краснодарский край	Государственная программа Краснодарского края «Развитие культуры» (2014–2016)»	Постановление Главы администрации (губернатора) Краснодарского края от 22 октября 2015 г. № 986 (ред. от 06 мая 2016 г.)
6.	Республика Крым	Государственная программа Республики Крым «Развитие культуры и сохранения объектов культурного наследия Республики Крым на 2015–2017 гг.»	Постановление Совета Министров Республики Крым от 09 февраля 2015 г. № 32 (ред. от 8 июня 2016 г. № 250)

7.	Ростовская область	Государственная программа Ростовской области «Развитие культуры и туризма» (2014–2020 гг.)	Постановление Правительства Ростовской области от 25 сентября 2013 г. № 587 (ред. от 01 сентября 2016 г.)
8.	Город Севастополь	Государственная программа «Развитие культуры города Севастополя на 2015–2020 гг.»	Постановление Правительства от 24.07.2015 г. № 680-ПП (ред. от 20 октября 2016 г. № 1004-ПП)
<i>Северо-Кавказский федеральный округ</i>			
9.	Республика Дагестан	Государственная программа Республики Дагестан «Развитие культуры в Республике Дагестан на 2015-2020 годы»	Постановление Правительства Республики Дагестан от 22 декабря 2014 г. N 656 (ред. от 20 апреля 2016 г.)
10.	Республика Ингушетия	Государственная программа Республики Ингушетия «Развитие культуры и архивного дела»	Постановление Правительства Республики Ингушетия от 16 октября 2014 г. N 198 (ред. от 11 мая 2016 г.)
11.	Кабардино-Балкарская Республика	Государственная программа «Культура Кабардино-Балкарии на 2013–2018 гг.»	Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 17 сентября 2013 г. N 256-ПП (ред. от: 11 января 2016 г.)
12.	Карачаево-Черкесская Республика	Государственная программа «Развитие культуры Карачаево-Черкесской Республики на 2014–2017 гг.»	Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 31 октября 2013 г. № 369 (ред. от 19 апреля 2016 г.)
13.	Республика Северная Осетия – Алания	Государственная программа «Развитие культуры Республики Северная Осетия-Алания на 2014–2018 гг.»	Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 28 октября 2013 г. № 388 (ред. от 17 октября 2014 г.)

14.	Ставропольский край	Государственная программа Ставропольского края «Культура и туристско-рекреационный комплекс (2016–2021)»	Постановление Правительства Ставропольского края от 24 декабря 2015г. № 569-п (ред. от 31 август 2016 г.)
15.	Чеченская Республика	Государственная программа Чеченской Республики «Развитие культуры и туризма в Чеченской Республике на 2014–2018 гг.»	Постановление Правительства Чеченской Республики от 19 декабря 2013 г. № 336 (ред. от 28 апреля 2014 г.)

**Ценностно-значимые утверждения
и ценностно-целевые ориентиры
в Концепции культурной политики
Волгоградской области**

№ №	Ценностно-целевые ориентиры	Ценностно-значимые утверждения
1.	Прогресс культуры	непрерывное и поступательное развитие культуры; без чтения прежде всего книг никакая модернизация невозможна.
2.	Прогресс общества	культура помогает совершенствовать общественные отношения, социальные институты и коллективное сознание, обеспечивает организацию стабильности и сплоченности общества; накопление и сохранение объектов культурного наследия – основа развития личности, общества, государства и цивилизации.
3.	Социальная стабильность	культура помогает совершенствовать общественные отношения, социальные институты и коллективное сознание, обеспечивает организацию стабильности и сплоченности общества»; в современных условиях культура становится условием и средством решения социальных проблем и снижения социальной напряженности в регионе..
4.	Единство социума, консолидация	культура помогает совершенствовать общественные отношения, социальные институты и коллективное сознание, обеспечивает организацию стабильности и сплоченности общества; и для России как многонационального государства, в котором утверждаются принципы толерантности, национального взаимоуважения и согласия, и для Волгоградской области традиционная культура во всем ее многообразии и богатстве играет ключевую объединяющую роль.

<p>5.</p>	<p>Сохранение культурного наследия</p>	<p>Важнейшим критерием развитой цивилизации XXI века выступает уровень развития культуры, наличие эффективно работающей инфраструктуры культурных институтов и механизмов, обеспечивающих сохранение и обогащение национального и мирового культурного наследия;</p> <p>Государственная политика в сфере развития культуры в Волгоградской области направлена на сохранение культурного наследия;</p> <p>Музеи являются надежным и эффективным социально-культурным институтом, где сохраняются движимые памятники истории, культуры и искусства, играющие важную роль в духовном развитии человека.</p> <p>Современная цивилизация осознала высочайший потенциал объектов культурного наследия, необходимость их сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики;</p> <p>Накапливание и сохранение объектов культурного наследия – основа развития личности, общества, государства и цивилизации;</p> <p>сохранение и популяризация культурно-исторического наследия;</p> <p>модернизация культурного обслуживания жителей села при сохранении историко-культурной среды территорий – мест формирования традиционной культуры;</p> <p>восстановление и сохранение движимых объектов культурного наследия Волгоградской области;</p> <p>сохранение недвижимых объектов культурного наследия, уменьшение доли объектов культурного наследия, находящихся в аварийном состоянии.</p>
<p>6.</p>	<p>Обогащение культурного наследия</p>	<p>Важнейшим критерием развитой цивилизации XXI в. выступает уровень развития культуры, наличие эффективно работающей инфраструктуры культурных институтов и механизмов, обеспечивающих сохранение и обогащение национального и мирового культурного наследия;</p> <p>Накапливание и сохранение объектов культурного наследия – основа развития личности, общества, государства и цивилизации.</p>

7.	Создание культурных ценностей (наследия)	создание, трансляция и потребление качественных культурных ценностей.
8.	Трансляция культурных ценностей (наследия)	создание, трансляция и потребление качественных культурных ценностей; Культура обеспечивает сохранение и передачу опыта и достижений прошлого, органические духовные связи людей с их предшественниками, выступая коллективной памятью, основой национального самосознания; Традиционная народная культура составляет один из наиболее значительных глубинных пластов художественной культуры общества, основой формирования национального самосознания, укрепляющей духовную связь поколений и эпох.
9.	Потребление культурных ценностей	создание, трансляция и потребление качественных культурных ценностей; современная цивилизация осознала высочайший потенциал объектов культурного наследия, необходимость их сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики.
10.	Культурный обмен	плодотворный региональный, национальный и глобальный культурный обмен.
11.	Сохранение национальной идентичности (национального самосознания)	Культура обеспечивает сохранение и передачу опыта и достижений прошлого, органические духовные связи людей с их предшественниками, выступая коллективной памятью, основой национального самосознания; От принятых ценностей и норм, от сформированной культурой национальной ментальности сегодня в значительной степени зависит развитие политики и экономики; Традиционная народная культура составляет один из наиболее значительных глубинных пластов художественной культуры общества, основу формирования национального самосознания, укрепляющую духовную связь поколений и эпох.

12.	Устранение социальной дисгармонии (решение социальных проблем)	В современных условиях культура становится условием и средством решения социальных проблем.
13.	Качественный досуг	обеспечивая жителям современный качественный досуг, заполняющий их свободное время, приобщающий людей к подлинным ценностям; публичная библиотека становится центром местного сообщества и востребована как многофункциональный культурный центр досуга.
14.	Позитивное мировосприятие, жизнелюбие	создающий праздничную атмосферу, формирующий позитивное, жизнелюбивое самочувствие.
15.	Неприятие социальной апатии и антиобщественных проявлений	Все это – реальная альтернатива провинциальной скуке, духовной пустоте, пьянству и возникающему на этой почве противоправному поведению.
16.	Формирование позитивного образа территории (репутация как ценность)	Культура, ее творческие достижения являются мощным имиджепорождающим фактором.
17.	Патриотизм	развитие культурного имиджа напрямую связано с развитием патриотизма.
18.	Формирование человеческого капитала	ведущая роль в формировании человеческого капитала, являющегося одним из главных факторов осуществления такого перехода, отводится сфере культуры.
19.	Модернизация образа жизни	Модернизация культуры влечет за собой модернизацию образа жизни.
20.	Упрочение влияния региона	чем более широкие аудитории будут собирать учреждения культуры, чем более демократические слои будут вовлечены в воспроизводство культурной жизни, тем более влиятельным станет регион; укрепление позиций культуры Волгоградской области в стране и за рубежом.

21.	Признание (развитие) культурного многообразия	Государственная политика в сфере развития культуры в Волгоградской области направлена на сохранение культурного наследия и развитие культурного многообразия, повышение уровня вовлеченности жителей Волгоградской области в культурную жизнь региона, расширение ассортимента культурных услуг для социально незащищенных слоев населения; признание культурного разнообразия и осознание единства культурного пространства Волгоградской области; культурные права, свободы, плюрализм.
22.	Стимулирование социальной активности	Государственная политика в сфере развития культуры в Волгоградской области направлена на сохранение культурного наследия и развитие культурного многообразия, повышение уровня вовлеченности жителей Волгоградской области в культурную жизнь региона, расширение ассортимента культурных услуг для социально незащищенных слоев населения.
23.	Обеспечение культурного равенства и доступности услуг	Государственная политика в сфере развития культуры в Волгоградской области направлена на сохранение культурного наследия и развитие культурного многообразия, повышение уровня вовлеченности жителей Волгоградской области в культурную жизнь региона, расширение ассортимента культурных услуг для социально незащищенных слоев населения; повышение доступности культурных услуг для всех категорий и групп населения; учет интересов и потребностей всех групп населения; обеспечение доступа граждан к музейным предметам и музейным коллекциям.
24.	Создание (упрочение, интеграция) единого культурного пространства региона	Вовлечение жителей Волгоградской области в процессы развития культуры и создание единого информационно-культурного пространства является основной целью Концепции; признание культурного разнообразия и осознание единства культурного пространства Волгоградской области; создание единого культурного и информационного пространства Волгоградской области.

25.	Права и свободы в сфере культуры	культурные права, свободы, плюрализм.
26.	Развитие и самореализация индивидуума	<p>В современных условиях возрастающей коммерциализации и глобализации искусства в целом именно театр приобретает особую важность в развитии человеческого потенциала, в создании благоприятных предпосылок для плодотворной реализации способностей каждого человека, улучшения условий жизни жителей и качества социальной среды;</p> <p>В современном мире библиотеки обеспечивают открытость и доступность информации, формируют гражданское сознание и толерантное мышление, поддерживают науку и исследования, образование и обучение на протяжении жизни, создают условия для развития и самореализации личности;</p> <p>Музеи являются надежным и эффективным социально-культурным институтом, где сохраняются движимые памятники истории, культуры и искусства, играющие важную роль в духовном развитии человека;</p> <p>Накапливание и сохранение объектов культурного наследия – основа развития личности, общества, государства и цивилизации;</p> <p>Удовлетворение потребностей граждан в образовании и духовном развитии сегодня, сохранение и развитие сложившейся в Волгоградской области уникальной системы подготовки музыкантов, артистов, режиссеров, хореографов, художников, дизайнеров, специалистов в сфере культурного обслуживания населения в перспективе – приоритетная цель развития культуры региона.</p>
27.	Улучшение жизненных условий	<p>В современных условиях возрастающей коммерциализации и глобализации искусства в целом именно театр приобретает особую важность в развитии человеческого потенциала, в создании благоприятных предпосылок для плодотворной реализации способностей каждого человека, улучшения условий жизни жителей и качества социальной среды.</p>
28.	Качество социальной среды	<p>В современных условиях возрастающей коммерциализации и глобализации искусства в целом именно театр приобретает особую важность в развитии человеческого потенциала, в создании благоприятных предпосылок для плодотворной реализации способностей каждого человека, улучшения условий жизни жителей и качества социальной среды.</p>

29.	Повышение уровня развития культурной среды региона	Возможность посещения театра и приобщения к богатейшему наследию театрального искусства имеет большое значение для формирования высокого уровня культурной среды в Волгоградской области.
30.	Просвещение и образование личности	Издательское дело – отрасль культуры, связанная с подготовкой, выпуском и распространением книг, журналов, газет, изобразительных материалов и других видов печатной продукции, направленная на удовлетворение потребностей общества и человека в просвещении и образовании; удовлетворение потребностей граждан в образовании и духовном развитии сегодня, сохранение и развитие сложившейся в Волгоградской области уникальной системы подготовки музыкантов, артистов, режиссеров, хореографов, художников, дизайнеров, специалистов в сфере культурного обслуживания населения в перспективе – приоритетная цель развития культуры региона; создание условий для самообразования, креативной деятельности различных категорий населения, особенно детей и молодежи, развитие творческой индустрии, инновационных культурных программ, информационного обеспечения художественно-творческой деятельности; популяризируя историю страны и региона, архивы выступают в качестве культурно-просветительских учреждений.
31.	Свобода информации	В современном мире библиотеки обеспечивают открытость и доступность информации, формируют гражданское сознание и толерантное мышление, поддерживают науку и исследования, образование и обучение на протяжении жизни, создают условия для развития и самореализации личности.
32.	Формирования гражданского сознания	В современном мире библиотеки обеспечивают открытость и доступность информации, формируют гражданское сознание и толерантное мышление, поддерживают науку и исследования, образование и обучение на протяжении жизни, создают условия для развития и самореализации личности.

33.	Толерантность	В современном мире библиотеки обеспечивают открытость и доступность информации, формируют гражданское сознание и толерантное мышление, поддерживают науку и исследования, образование и обучение на протяжении жизни, создают условия для развития и самореализации личности; И для России как многонационального государства, в котором утверждаются принципы толерантности, национального взаимоуважения и согласия, и для Волгоградской области традиционная культура во всем ее многообразии и богатстве играет ключевую объединяющую роль.
34.	Наука как ценность современного общества	В современном мире библиотеки обеспечивают открытость и доступность информации, формируют гражданское сознание и толерантное мышление, поддерживают науку и исследования, образование и обучение на протяжении жизни, создают условия для развития и самореализации личности; Организуя использование ретроспективной информации в научно-исследовательских целях, архивы имеют признаки научных организаций.
35.	Непрерывное личностное совершенствование (прогресс)	В современном мире библиотеки обеспечивают открытость и доступность информации, формируют гражданское сознание и толерантное мышление, поддерживают науку и исследования, образование и обучение на протяжении жизни, создают условия для развития и самореализации личности.
36.	Сохранение традиций	Библиотеки являются не только хранителями исторической памяти и традиций.
37.	Обновление традиций, культурные инновации	Библиотеки являются не только хранителями исторической памяти и традиций, но и являются структурой, которая способна обновить традицию, организовать новые смыслы вокруг культурных феноменов; музеи способны не только сохранять ценности и обеспечивать к ним доступ граждан, но и создавать инновационные культурные продукты, события и смыслы; эффективное сочетание традиций и новаторства в культурной сфере; вовлечение традиционных культурных институтов в современную систему творчества и коммуникаций.

38.	Возрождение семейных традиций	Публичная библиотека становится центром местного сообщества и востребована как многофункциональный культурный центр досуга, где значительное место отводится возрождению семейных традиций, популяризации истории и культуры Волгоградской области в целом и ее территорий, продвижению чтения среди различных категорий населения.
39.	Популяризация наследия, истории и культуры региона	Публичная библиотека становится центром местного сообщества и востребована как многофункциональный культурный центр досуга, где значительное место отводится возрождению семейных традиций, популяризации истории и культуры Волгоградской области в целом и ее территорий, продвижению чтения среди различных категорий населения; сохранение и популяризация культурно-исторического наследия; популяризация историко-культурного и природного наследия Волгоградской области.
40.	Национальное согласие	И для России как многонационального государства, в котором утверждаются принципы толерантности, национального взаимоуважения и согласия, и для Волгоградской области традиционная культура во всем ее многообразии и богатстве играет ключевую объединяющую роль.
41.	Сохранение уровня профессионального искусства	Образование в сфере культуры является важнейшей составляющей образовательного пространства, сложившейся в современном российском обществе, национальным достоянием нашей страны, обеспечивает сохранение высочайшего уровня профессионального искусства.
42.	Сохранение и развитие художественного образования	Удовлетворение потребностей граждан в образовании и духовном развитии сегодня, сохранение и развитие сложившейся в Волгоградской области уникальной системы подготовки музыкантов, артистов, режиссеров, хореографов, художников, дизайнеров, специалистов в сфере культурного обслуживания населения в перспективе – приоритетная цель развития культуры региона.
43.	Наследие как капитал	Объекты культурного наследия, в том числе расположенные на территории Волгоградской области – духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности.

44.	Недопустимость утраты наследия	Любые потери объектов культурного наследия неизбежно отразятся на всех сторонах жизни нынешнего социума и будущих поколений, приведут к духовному обнищанию, разрывам исторической памяти, утрате самоидентификации; предотвращение повреждения, разрушения или уничтожения объектов культурного наследия, нарушения установленного порядка их использования.
45.	Развитие государства	Накапливание и сохранение объектов культурного наследия – основа развития личности, общества, государства и цивилизации.
46.	Культурное выживание общества и государства	В современных условиях проблема возрождения, сохранения и развития традиционной народной культуры приобретает все большую актуальность, при этом народное творчество является одним из важнейших условий «культурного выживания» общества и государства.
47.	Развитие цивилизации вообще	Накапливание и сохранение объектов культурного наследия – основа развития личности, общества, государства и цивилизации.
48.	Социальная защита населения (утверждение социальной справедливости)	Выполняя социально-правовые запросы граждан, архивы решают задачи, отнесенные к сфере социальной защиты населения.
49.	Творческий плюрализм	повышение многообразия и богатства творческих процессов в пространстве культуры Волгоградской области.
50.	Самоорганизация культурной жизни	повышение уровня самоорганизации культурной жизни.
51.	Творческое развитие молодежи	создание условий для творческого роста молодежи, поддержка молодых талантов; создание условий для самообразования, креативной деятельности различных категорий населения, особенно детей и молодежи, развитие творческой индустрии, инновационных культурных программ, информационного обеспечения художественно-творческой деятельности.

52.	Творчество как ценность	создание условий для самообразования, креативной деятельности различных категорий населения, особенно детей и молодежи, развитие творческой индустрии, инновационных культурных программ, информационного обеспечения художественно-творческой деятельности.
53.	Качество жизни	Главный социально-экономический эффект от реализации Концепции (эффект, отложенный во времени) может быть выражен в повышении роли культуры и искусства в процессе социально-экономического преобразования региона и вследствие этого в повышении качества жизни жителей Волгоградской области в целом.
54.	Развитие региона	культура Волгоградской области – важнейший ресурс устойчивого регионального развития, ключевое звено столь необходимой для области модернизации.

Матрица ценностных приоритетов Концепции культурной политики Волгоградской области

№.№	Ценностные приоритеты	Универсальные ориентиры	Человек и его права	Общество	Государство	Регион
1.	Прогресс	Модернизация образа жизни	Развитие и самореализация индивидуума	Прогресс общества	Развитие государства	Устойчивое региональное развитие, модернизация региона
		Прогресс культуры	Непрерывное личностное совершенствование	Творческое развитие молодежи		Повышение уровня развития культурной среды региона
2.	Наука, образование, просвещение	Развитие цивилизации				
		Наука (как ценность)	Просвещение и образование личности			Популяризация наследия, истории и культуры региона
3.	Единство	Сохранение и развитие художественного образования				
			Единство социума, консолидация			Создание (упрочение, интеграция) культурного пространства региона

4.	Согласие, взаимоважение, диалог	Культурный обмен		Толерантность	Национальное взаимоважение и согласие	
5.	Равенство и социальная справедливость		Обеспечение культурного равенства и доступности услуг в сфере культуры	Социальная защита (утверждение социальной справедливости)		
6.	Творчество, новаторство, приращение культуры	Создание культурных ценностей (наследия) Творчество как ценность Обогащение культурного наследия Обновление традиций и культурные инновации		Устранение социальной дисгармонии		

		Сохранение культурного наследия								Формирование человеческого капитала
		Недопустимость утраты наследия								Сохранение национальной идентичности (национального самосознания)
		Сохранение традиций								
		Сохранение уровня профессионального искусства								
		Наследие как капитал								
		Возрождение семейных традиций								
		Потребление качественных культурных ценностей						Улучшение жизненных условий, качества жизни		Качество социальной среды
								Качественный досуг		
								Позитивное мировосприятие, жизнелюбие		
7.	Стабильность, сохранение культурных благ, духовных и культурных традиций									
8.	Качество жизни									

9.	Гражданственность и патриотизм				Стимулирование социальной активности	Патриотизм	
10.	Плюрализм, многообразие, культурное разнообразие	Признание (развитие) культурного многообразия			Творческий плюрализм	Формирование гражданского сознания	
11.	Законность и права человека		Права и свободы в сфере культуры		Неприятие социальной апатии и антиобщественных проявлений		
12.	Культурное выживание и укрепление влияния государства и региона		Свобода распространения информации		Культурное выживание общества	Культурное выживание государства	Упрочение влияния региона

**Ценностно-значимые утверждения
и ценностно-целевые ориентиры
в Концепции культурной политики
Республики Дагестан**

№.№	Ценностно-целевые ориентиры	Ценностно-значимые утверждения
1.	Прогресс культуры	<p>Безусловными составляющими повышения уровня и соответственно конкурентоспособности национальной культуры являются улучшение качества культурных благ и обеспечение их необходимого многообразия;</p> <p>При отсутствии комплексного подхода к решению существующих в сфере культуры проблем ... замедляются темпы развития культуры как одного из ключевых институтов общественного сознания;</p> <p>Развитие сферы культуры Дагестана, дальнейшее расширение культурного обмена, эффективное включение республики в информационно-коммуникационную систему России является важным условием успешного развития региона в целом;</p> <p>Использование общественно-государственных форм управления (например, координационных, общественных, экспертных советов), направленных на развитие актуальных культурных практик</p>
2.	Прогресс общества	<p>Концепция базируется на необходимости признания культуры ресурсом общественного и экономического развития, одним из базовых факторов развития республики.</p>
3.	Единство социума, консолидация	<p>При отсутствии комплексного подхода к решению существующих в сфере культуры проблем замедляются темпы развития культуры как одного из ключевых институтов общественного сознания и системы ценностей, формирующей идентичность народов, единство дагестанского общества.</p>

4.	Сохранение культурного наследия	создание условий для сохранения историко-культурного наследия народов Дагестана; создание гарантий сохранения культурного наследия, культурной микросреды и единого культурного пространства, национальной специфики культуры и искусства; сохранение уникальной многонациональной и поликонфессиональной среды, архитектурного, исторического и культурного наследия; В рамках реализации Концепции необходимо обеспечить сохранение и поддержку исторического наследия и существующих национальных, этнических культур и духовных ценностей; преодоление кризисной ситуации с сохранностью недвижимых памятников истории и культуры.
5.	Накопление культурного потенциала	При отсутствии комплексного подхода к решению существующих в сфере культуры проблем повышается вероятность утраты накопленного культурного потенциала.
6.	Потребление культурных ценностей	распространение и потребление качественного культурного продукта.
7.	Культурный обмен	Развитие сферы культуры Дагестана, дальнейшее расширение культурного обмена, эффективное включение республики в информационно-коммуникационную систему России является важным условием успешного развития региона в целом.
8.	Сохранение национальной идентичности (национального самосознания)	Культурное наследие народов Дагестана представляет собой один из важнейших элементов самобытности, самосознания и идентичности людей; При отсутствии комплексного подхода к решению существующих в сфере культуры проблем замедляются темпы развития культуры как одного из ключевых институтов общественного сознания и системы ценностей, формирующей идентичность народов.
9.	Качественный досуг	развитие индустрии культуры, обеспечивающей культурное содержание сфер досуга и развлечений.

10.	Формирование и сохранение позитивного образа территории (репутация как ценность)	Для сохранения положительного имиджа и инвестиционной привлекательности Дагестана необходимо активизировать работу по представлению культуры республики в российских регионах; Многообразие и богатство творческих процессов, национальных, этнических культур и традиций, религиозных и духовных ценностей, свойственных Дагестану, – это факторы, вносящие значительный вклад в формирование привлекательного образа республики; Эффективное использование данного ресурса позволит сформировать имидж республики как одного из культурных центров; повышение имиджевого потенциала культуры республики и его эффективное использование в социальной и экономической политике; дальнейшей интеграции и укрепления позитивного образа Дагестана в российском и мировом культурном пространстве.
11.	Упрочение влияния региона	укрепление авторитета Республики Дагестан как региона с высокоразвитой культурой.
12.	Признание (развитие) культурного многообразия	Именно многообразие и многосоставность лежат в основе явления, определяемого как «дагестанская культура»; обеспечение социальных гарантий, широты выбора культурных ценностей и доступности их для всех социальных слоев; создание условий для развития культурного разнообразия (на основе свободы выражения мнений, плюрализма средств массовой информации и коммуникации, языкового разнообразия, равных возможностей доступа к художественному творчеству, в том числе с использованием цифровых технологий); сохранение уникальной многонациональной и поликонфессиональной среды; многообразие и богатство творческих процессов, национальных, этнических культур и традиций, религиозных и духовных ценностей, свойственных Дагестану.
13.	Стимулирование социальной активности	поддержка гражданских инициатив, направленных на реализацию культурной политики.

14.	Обеспечение культурного равенства и доступности услуг	<p>Задачи региональной культурной политики – это и обеспечение равного доступа граждан к культурным ценностям;</p> <p>обеспечение социальных гарантий, широты выбора культурных ценностей и доступности их для всех социальных слоев;</p> <p>обеспечение доступности культурных услуг и равных возможностей в удовлетворении культурных и духовных потребностей всех жителей республики;</p> <p>повышение для граждан, проживающих в республике (независимо от места жительства), доступности профессионального искусства, художественного образования, культурных ценностей и информации;</p> <p>создание условий, обеспечивающих равный и свободный доступ населения ко всему спектру культурных благ и высококачественных услуг в сфере культуры;</p> <p>обеспечение единства информационного пространства и доступности информации в сфере культуры как ключевого условия реализации прав граждан на участие в культурной жизни.</p>
15.	Создание (упрочение, интеграция) единого культурного пространства региона	<p>создание гарантий сохранения культурного наследия, культурной микросреды и единого культурного пространства, национальной специфики культуры и искусства;</p> <p>создание единой комфортной и креативной культурной среды для всех жителей региона;</p> <p>обеспечение единства информационного пространства и доступности информации в сфере культуры как ключевого условия реализации прав граждан на участие в культурной жизни.</p>
16.	Права и свободы в сфере культуры	<p>обеспечение единства информационного пространства и доступности информации в сфере культуры как ключевого условия реализации прав граждан на участие в культурной жизни.</p>
17.	Развитие и самореализация индивидуума	<p>повышение культурного, духовно-нравственного уровня жителей республики;</p> <p>реализация обозначенного приоритета предусматривает создание условий для обеспечения самореализации личности независимо от уровня доходов.</p>

18.	Повышение уровня развития культурной среды региона	создание единой комфортной и креативной культурной среды для всех жителей региона.
19.	Просвещение и образование личности	воспитание культурного человека, повышение уровня эстетического и культурного образования населения Дагестана.
20.	Толерантность	данная мера позволит решать как просветительскую, так и воспитательную задачу укрепления толерантности общества.
21.	Наука как ценность современного общества	развитие фундаментальных научных исследований в области культурологии (теории и истории культуры и цивилизации) с целью познания законов и механизмов, определяющих культурообразующие процессы.
22.	Сохранение традиций	создание условий для формирования современной полноценной культурной личности в контексте общечеловеческих духовных ценностей и с учетом традиций народов, проживающих на территории республики; результатом данного этапа должна стать новая модель региональной культурной политики, в которой будут отработаны способы и механизмы достижения первостепенной и определяющей роли культуры с традиционными смыслами духовных идеалов; использование общественно-государственных форм управления (например, координационных, общественных, экспертных советов), направленных на развитие актуальных культурных практик, сохранение традиций.
23.	Популяризация наследия, истории и культуры региона	развитие культурного туризма как деятельности, имеющей целью приобщение людей к историческому и культурному наследию.
24.	Сохранение и развитие художественного образования	поддержка системы образования в сфере культуры и искусства; формирование позитивного общественного мнения о ценности искусства и художественного образования; повышение качества предпрофессионального и профессионального образования в сфере культуры.

25.	Творческое развитие молодежи	необходимым является также обеспечение мер по поддержке юных дарований как резерва кадровой базы учреждений искусства; системные меры по поддержке, в том числе адресной, талантливых детей и молодежи – основной путь для возрождения и формирования кадрового потенциала отрасли.
26.	Творчество как ценность	очевидна необходимость действенной социальной поддержки работников культуры и искусства, обеспечения системы мер по стимулированию творческого труда.
27.	Качество жизни	многообразие и богатство творческих процессов, национальных, этнических культур и традиций, религиозных и духовных ценностей, свойственных Дагестану, – это факторы, вносящие значительный вклад в формирование привлекательного образа республики, влияющие на качество проживания; поддержка, разработка и реализация инвестиционных проектов, направленных на повышение качества жизни населения.
28.	Развитие региона	развитие сферы культуры Дагестана, дальнейшее расширение культурного обмена, эффективное включение республики в информационно-коммуникационную систему России является важным условием успешного развития региона в целом; концепция базируется на необходимости признания культуры ресурсом общественного и экономического развития, одним из базовых факторов развития республики.
29.	Значение российской культуры, роль культуры	концепция исходит из непреходящего значения российской культуры; результатом данного этапа должна стать новая модель региональной культурной политики, в которой будут отработаны способы и механизмы достижения первостепенной и определяющей роли культуры; повышение социальной и образовательной роли культуры.

30.	Инновационное развитие	Концепция исходит из непреходящего значения российской культуры и ее компонента – региональной культуры как части мирового культурного наследия, выступающей основой инновационного развития.
31.	Формирование культурной идентичности	Задачи региональной культурной политики... формирование... культурной идентичности.
32.	Формирование цельного миропонимания	Задачи региональной культурной политики... формирование целостности духовного мира, цельного миропонимания россиян.
33.	Связь с прошлым, с историей	Культурное наследие народов Дагестана ... связывает людей, общество с его историческим прошлым.
34.	Повышение конкурентоспособности культуры	Безусловными составляющими повышения уровня и соответственно конкурентоспособности национальной культуры являются улучшение качества культурных благ и обеспечение их необходимого многообразия; развитие индустрии культуры, обеспечивающей культурное содержание сфер досуга и развлечений, поддержка конкурентоспособности этнических форм массовой и популярной культуры; концепция рассматривает культуру и традиции народов Дагестана как важнейший ресурс конкурентоспособности, инвестиционной и туристической привлекательности.
35.	Инвестиционная привлекательность региона	Для сохранения положительного имиджа и инвестиционной привлекательности Дагестана необходимо активизировать работу по представлению культуры республики в российских регионах; Концепция рассматривает культуру и традиции народов Дагестана как важнейший ресурс конкурентоспособности, инвестиционной и туристической привлекательности.
36.	Укрепление общероссийской гражданской идентичности	Данная мера позволит решать как просветительскую, так и воспитательную задачу укрепления толерантности общества, будет способствовать дальнейшему утверждению самосознания людей разных национальностей как граждан единой страны.

37.	Формирование (воспитание) культурной личности	создание условий для формирования современной полноценной культурной личности в контексте общечеловеческих духовных ценностей и с учетом традиций народов, проживающих на территории республики; воспитание культурного человека, повышение уровня эстетического и культурного образования населения Дагестана; образовательная функция культуры предполагает воспитание в личности индивидуального ощущения мира, творческого и эстетического начала.
38.	Общечеловеческие духовные ценности	создание условий для формирования современной полноценной культурной личности в контексте общечеловеческих духовных ценностей и с учетом традиций народов, проживающих на территории республики.
39.	Культурная интеграция	интеграция культуры народов Дагестана в общеевропейское и общемировое культурное пространство; добиться кардинальных изменений в экономическом положении отрасли, дальнейшей интеграции и укрепления позитивного образа Дагестана в российском и мировом культурном пространстве.
40.	Сохранение национальной специфики	создание гарантий сохранения культурного наследия, культурной микросреды и единого культурного пространства, национальной специфики культуры и искусства.
41.	Формирование нового мышления	Концепция соответствует долгосрочной задаче, состоящей в формировании нового мышления всех субъектов культурной деятельности.
42.	Возрождение и сохранение ценностей	Результатом данного этапа должна стать новая модель региональной культурной политики, в которой будут отработаны способы и механизмы достижения первостепенной и определяющей роли культуры с традиционными смыслами духовных идеалов для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей и смысла бытия в России на примере Республики Дагестан; В рамках реализации Концепции необходимо обеспечить сохранение и поддержку исторического наследия и существующих национальных, этнических культур и духовных ценностей; Продвижение в культурном пространстве материальных и духовных культурных ценностей.

43.	Сохранение этнических культур	В рамках реализации Концепции необходимо обеспечить сохранение и поддержку исторического наследия и существующих национальных, этнических культур и духовных ценностей.
44.	Конкурентоспособность человека	Образовательная функция культуры предполагает воспитание в личности индивидуального ощущения мира, творческого и эстетического начала, что является основой конкурентоспособности человека.
45.	Регулирование социальной активности	использование общественно-государственных форм управления (например, координационных, общественных, экспертных советов), направленных на развитие актуальных культурных практик, сохранение традиций и социокультурную регуляцию активности молодежных субкультур.
46.	Ценность искусства	формирование позитивного общественного мнения о ценности искусства и художественного образования.
47.	Развитие творческого потенциала	совершенствовать творческий потенциал жителей региона.

**Матрица ценностных приоритетов
Концепции культурной политики Республики Дагестан**

№.№	Ценностные приоритеты	Универсальные ориентиры	Человек	Общество	Государство	Регион
1.	Прогресс	Формирование нового мышления	Развитие и само-реализация индивидуума	Прогресс общества		Развитие региона
		Прогресс культуры	Формирование (воспитание) культурной личности	Творческое развитие молодежи		Повышение уровня развития культуры среды региона
2.	Наука, образование, просвещение, воспитание (знание)	Наука (как ценность)	Просвещение и образование личности			Инновационное развитие
		Сохранение и развитие художественного образования	Формирование целевого миропопимания			Популяризация наследия, истории и культуры региона
			Формирование культурной идентичности			

3.	Единство				Единство социума, консолидация		Создание (упрочение, интеграция) единого культурного пространства региона
4.	Согласие, взаимоважение, диалог	Культурный обмен	Культурная интеграция		Толерантность		
	Равенство и социальная справедливость			Обеспечение культурного равенства и доступности услуг в сфере культуры			
5.	Творчество, новаторство, приращение культуры	Творчество как ценность			Развитие творческого потенциала жителей		

		Сохранение культурного наследия		Социальная стабильность		
		Накопление культурного потенциала			Сохранение этнических культур	
	Стабильность, сохранение культурных благ, ценностей и духовных и культурных традиций	Связь с прошлым, с историей			Сохранение национальной идентичности (национального самосознания)	
6.		Сохранение традиций			Сохранение национальной специфики	
		Возрождение и сохранение ценностей				
		Значение российской культуры, роль культуры				
		Ценность искусства				
		Общечеловеческие духовные ценности				

7.	Качество жизни	Потребление качественного культурного продукта	Качество жизни				
8.	Гражданственность и патриотизм		Качественный досуг	Стимулирование социальной активности			
9.	Плюрализм, многообразие, культурное разнообразие	Признание (развитие) культурного многообразия		Регулирование социальной активности		Укрепление общероссийской гражданской идентичности	
10.	Законность и права человека		Права и свободы в сфере культуры				

11.	Выживание, безопасность и упрочение влияния	Повышение конкурентоспособности культуры	Конкурентоспособность человека					Упрочение влияния региона
								Формирование и сохранение позитивного образа региона
								Инвестиционная привлекательность региона
								Национальная безопасность

Научное издание

Горлова Ирина Ивановна, **Коваленко** Тимофей Викторович,
Крюков Анатолий Владимирович, **Бычкова** Ольга Ивановна,
Костина Наталья Анатольевна, **Третьякова** Елена Юрьевна,
Гуцалов Александр Анатольевич, **Зорин** Александр Львович

**РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА:
МЕТОДОЛОГИЯ, ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ
(Ценностно-нормативный подход)**

Монография
Редактор-составитель *Т. В. Коваленко*
Ответственный редактор *А. Л. Зорин*

Публикуется по решению Ученого совета
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва.